

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева»

На правах рукописи

Мишагин Павел Андреевич

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ПРАВОВОГО ДИСКУРСА СВОБОДЫ**

Специальность 5.7.7 – Социальная и политическая философия
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Мёдова Анастасия Анатольевна

Красноярск – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Особенности социально-философского анализа проблемы свободы в трансцендентальной философской традиции	23
1.1. Постановка проблемы свободы в социальной философии.....	23
1.2. Свобода как трансцендентальный объект в классической философской традиции.....	33
1.3. Трансцендентальная интерпретация свободы в социально-философской перспективе.....	43
Выводы по первой главе.....	65
Глава 2. Трансцендентальная интерпретация свободы как основание социально-правового дискурса	72
2.1. Трансцендентальная концепция права как теория «неестественных» прав человека.....	72
2.2. Нормативность и априоризм как признак трансценденталистской парадигмы права.....	85
2.3. Формально-юридические правила и трансцендентальные принципы.....	94
2.4. Свобода как сила и свобода как право.....	116
Выводы по второй главе.....	135
Заключение	140
Список литературы	150

Введение

Актуальность темы исследования. Развитие современного информационного общества как общества сложного и глубоко сегментированного неизбежно связывается с необходимостью научного анализа ценностного измерения основных его состояний, которые в эпоху коренных цивилизационных сломов и глобальных межгосударственных противостояний приобретают особую актуальность и собственную специфику¹. Не является исключением и свобода как специфический социальный и правовой феномен, заключающий в себе общесоциальную, социально-философскую, социально-правовую, юридическую, идеологическую и политическую ценность и соответствующее значение.

Проблема свободы чрезвычайно актуальна для современных обществ. Свобода декларативно наделяется ценностью, существует практика международного «порицания» стран, не следующих демократическим идеалам свободы, работают международные организации, определяющие индекс свободы и соответствие ему со стороны стран участников международных отношений – такие как Economist Intelligence Unit², Reporters without borders³, Heritage Foundation⁴, Freedom House⁵, Political Instability Task Force⁶, Fraser Institute⁷, Cato Institute⁸ и другие. Проблема свободы стоит особенно остро на фоне политических и военных конфликтов. Речь при этом идет как о свободе и

¹ Лексин В.Н. Синтез общества потребления и информационного общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (2). С. 195-211; Kühl S. Groups, organizations, families and movements: The sociology of social systems between interaction and society // Systems Research & Behavioral Science. 2020. Volume 37. Issue 3. P. 496-515.

² The Economist Intelligence Unit's Democracy Index 2021 URL: https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/#mktoForm_anchor (Дата обращения: 25.10.2022).

³ 2022 World Press Freedom Index. URL: <https://rsf.org/en/ranking> (Дата обращения: 25.10.2022).

⁴ 2022 Index of Economic Freedom. Country rankings. URL: <https://www.heritage.org/index/ranking> (Дата обращения: 25.10.2022).

⁵ Freedom House Issues. URL: <https://freedomhouse.org/issues> (Дата обращения: 25.10.2022).

⁶ The Integrated Network for Societal Conflict Research (INSCR). URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (Дата обращения: 25.10.2022).

⁷ Economic Freedom of the World: 2022 Annual Report. URL: <https://www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom> (Дата обращения: 25.10.2022).

⁸ International Global Freedom. URL: <https://www.cato.org/global-freedom> (Дата обращения: 25.10.2022); Human Freedom Index. URL: <https://www.cato.org/search/category/human-freedom-index> (Дата обращения: 25.10.2022).

суверенности страны, так и о свободе и суверенности конкретного человека. Свобода в современном политическом дискурсе выступает маркером социальных отношений, критерием полноценности общества, зачастую предельно номинальным и лишенным содержания. Тем важнее обращаться к проблеме свободы и переосмысливать суть этого феномена на фоне не прекращающихся политических и социальных изменений.

Помимо общесоциальной ценности и значения, проблематика свободы является крайне актуальной для социальной философии. Особое значение имеет исследование феномена свободы в социально-правовом ключе, синтезирующем дискурсы собственно социально-философский и юридический, которые, в своем естественном состоянии, несмотря на все многочисленные заявления о междисциплинарности современной социальной науки, так и не нашли своего исследователя и до сих пор не были реализованы⁹. Вместе с тем, необходимость такого синтетического исследования назрела и для него есть все основания¹⁰, в особенности эти касается трансцендентализма, который является доминирующим в современном юридическом и правовом знании как знании социальном, но практически никогда, во всяком случае, отечественными авторами не применяется к социальной философии, в которой продолжают господствовать теоретико-методологические представления марксизма, конструктивизма и тому подобных направлений, которые применительно к праву не находят отклика в исследовательской среде и в принципе плохо применимы к решению правовой проблематики¹¹.

Необходимость экспликации феномена свободы в правовом ключе приобретает особую актуальность в связи с вышесказанным, поскольку

⁹ Мишагин П.А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации // Вестник САФУ. 2022. № 4. С. 97-105.

¹⁰ Денисова Л.В. Науки о праве в системе гуманитарного знания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 247-248.

¹¹ Hunter R. Critical Legal Studies and Marx's Critique: A Reappraisal // Yale Journal of Law & the Humanities. 2021. Volume 31. Issue 2. P. 389-412; Zorzetto S. A constructivist conception of legal interpretation // Journal for constitutional theory and philosophy of law. 2022. Volume 48. URL: <https://journals.openedition.org/revus/8234> (Дата обращения: 25.10.2022).

современные перипетии в интерпретации свободы на уровне государства и гражданина не могут не опираться на правовой дискурс, если желают оставаться легитимными, вместе с тем, эта проблематика является принципиально неразрешимой исключительно с позиций как юриспруденции, так и социальной философии, поэтому требуется их насущное синтетическое объединение¹², позволяющее прийти до самой социальной сущности феномена свободы, и представить целостное рассмотрение этого феномена, не как формального элемента правовой теории или доктрины и не как отвлеченного (ментального) феномена социальной философии, а содержательно, с учетом обоих направлений исследования.

Обращение к трансценденталистской парадигме свободы, то есть интерпретация свободы в трансценденталистском ключе более чем актуальна в свете существующей множественности представлений о свободе. Она должна пролить свет на внутренние основания социально-правового дискурса свободы, поскольку большинство теоретико-методологических подходов ориентированы не столько на сущность этого феномена, сколько на его феноменально-эмпирические манифестации в социальных отношениях, экономике, когнитивных установках, поведенческих реакциях и тому подобном¹³. В идеальных своих формах право и свобода теснейшим образом взаимосвязаны. Именно трансцендентализм позволяет наиболее адекватным и релевантным образом раскрыть данную взаимосвязь, показать, что не только свобода выступает социальным основанием права, но право в социальном ракурсе является выразителем, пространством существования и реализации

¹² Денисова Л.В. Науки о праве в системе гуманитарного знания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 247-248.

¹³ Саломатин А.Ю., Невважай И.Д., Затонский В.А. Основательное исследование правовой жизни общества как объекта правовой политики // Правовая культура. 2020. № 3 (42). С. 135-145; Ионайтис О.Б. Философская герменевтика о возможностях интерпретации правовой реальности // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 83-87.

свободы как социальной идеи и социальной ценности присущей тем или иным социальным субъектам и прежде всего человеку¹⁴.

Настоящее исследование впервые в отечественной философии последовательно применяет трансцендентализм к изучению социально-философской проблематики, синтезирует данные социальной философии и специальных юридических дисциплин, таких как теория государства и права, история правовых учений, современные правовые учения и современная правовая проблематика, что позволяет раскрыть трансцендентальные основания социально-правового дискурса свободы как одной из ключевых проблем как философии, так и юриспруденции, показать продуктивность такого подхода и прийти к результатам, имеющим не только теоретическое, но и практическое значение.

От трансценденталистской парадигмы неотъемлемо представление о свободе как нормативности¹⁵. Оно особенно актуально в период, когда мы переживаем кризис нормативности, отход от общепринятых установлений социума, имеющих свое выражение в правовой форме, законов, правил, обычаев и традиций. Размытие границ, спонтанное и зачастую неосознаваемое стремление к анормативности, отказ связывать свободу со следованием внутренним моральным принципам и внешнему правовому закону, таит в себе существенную опасность, что в перспективе может привести как к утрате социальной стабильности и порядка, так и к утрате государственности, этой ключевой формы организации любого жизнеспособного социума. В этом смысле исследование трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы не только восполняет имеющиеся теоретические пробелы в исследовании

¹⁴ Денисова Л.В., Денисов С.Ф. НБИК-технологии и право быть человеком // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Восьмой международной научной конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2017. С. 70-73.

¹⁵ Мишагин П.А. Нормативность и свобода в трансцендентализме // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7-9 июня 2021 г.) / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. 588 с. С. 177-185.

указанной проблематики, но также служит предостережением от использования альтернативных методов социального познания и воплощении результатов познания полученных такими методами в социальную практику.

Сохранение социума, государства и личности в условиях современного информационного общества, наполненного многочисленными конфликтами и противоречиями и стоящего перед угрозой своей стабильности, является ключевой задачей современного социального знания и обращение к его истокам, к проблеме свободы, которая выступает ее исходным основанием. Анализ проблемы свободы – это необходимое условие преодоления сложившихся социальных противоречий, которые представляются либо неразрешимыми, если мы исходим из многочисленных концепций социального детерминизма, либо разрешимыми за пределами социальной плоскости, посредством ухода от социума, сосредоточении личности на самой себе в антропологических¹⁶ и религиозных¹⁷ концепциях, исследовании на уровне макромира, как это характерно для онтологии и теории познания¹⁸, либо же при рассмотрении этой проблематики в психологически-личностном ракурсе, как это характерно для социальной психологии¹⁹ и т.п.

Для существования и реализации свободы, для установления меры между поддержанием и стимулированием социальной активности и

¹⁶ Волохова Е.В. Философско-антропологическая экспликация самотрансцендирования свободы личности в социокультурном пространстве. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. Ростов-на-Дону, 2019. 378 с.; Горбачев М. Свобода и учреждение определяющего внешнего // Философская антропология. 2022. Т. 8. № 1. С. 77-88.

¹⁷ Богословие свободы. Религиозно-антропологические основания свободы в глобальном контексте. М.: ББИ, 2021. 549 с.; Мишагин П.А. Онтологизация свободы в русской религиозной философии // «Проблема ‘свобода vs. ответственность’» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. 110 с. С. 43-49.

¹⁸ Невважай И.Д. Трансцендентализм как программа развития эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 70-94; Финогентов В.Н. К онтологии свободы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Том 44. № 2. С. 203-212.

¹⁹ Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б. Психология права Льва Петражицкого // Российский юридический журнал. 2018. № 2 (119). С. 173-177; Леонтьев Д.А. К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Психология. 2022. Том. 12. № 2. С. 111-121.

ограничением и устранением произвола в различных формах человеческой социальной активности право устанавливает меру социальной свободы в форме юридических обязанностей и субъективных прав, которые наполняют содержание свободы в социально-правовом смысле, являются основополагающими элементами права и свидетельствуют о наличии трансцендентальных оснований свободы в контексте социально-правового дискурса. Детерминация свободы правом, определение социально-правового пространства реализации свободы представляется особенно актуальным на современном этапе развития Российской Федерации, что обусловлено беспрецедентным давлением со стороны международного сообщества, многочисленными попытками исключения из международной коммуникации, попытками идеологической и территориальной экспансии, качественно новым осмыслением международных интеграционных процессов, вхождением Российской Федерации в новые международные правовые пространства, что вызывает насущную потребность в теоретико-методологическом и практико-прикладном исследовании трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы. Исследование свободы как объекта социально-правового дискурса и выявление ее трансцендентальных оснований будет способствовать созданию научной основы для формирования в Российской Федерации гражданского общества и правового государства.

Степень разработанности темы исследования. Классики мировой философской мысли, обращавшиеся к исследованию феномена свободы в его социально-философском измерении: Э. Агацци, Т.В. Адорно, К.-О. Апель, Аристотель, Р. Арон, И. Бентам, Н.А. Бердяев, П.Дж. Бьюкенен, В. Виндельбанд, Г.-Г. Гадамер, Г.В.Ф. Гегель, Т. Гоббс, И. Кант, Г.-В. Лейбниц, Н. Макиавелли, Б. Паскаль, Платон, Б. Спиноза, Л. Фейербах. Важное значение имеют также работы Ж. Бодена, посвященные социально-историческим основаниям феномена свободы. Социальная

детерминация человеческих поступков рассмотрена в работах З. Баумана, И. Берлина, В.С. Библера, О.М. Мухутдинова.

В контексте социального дискурса свободы выделяются исследования, посвященные конкретным аспектам свободы. Так, на рассмотрение дихотомии свободы и рабства направлены труды, принадлежащие З. Бауману, И. Берлину, К. Брэдли, Г.О. Вехусу, Р. Зельник-Абрамовичу, Э. Каденсу, Дж.Н. Риду, Ю. Такедзаве, Е.А. Лукашевой. Свобода как воля рассматривается в трудах Г.А. Гололоба, А.А. Столярова, Г. Шапутье. Свобода понимается как самодетерминация такими учеными как Э. Гуссерль, И. Кант, С.Л. Катречко, О.М. Мухутдинов, Дж. Сандерс. Свобода в контексте феноменов обладания и потребления рассматривается в трудах Дж. Хардвига, М. Яцино. Как социальная ценность свобода исследуется в работах А.В. Вишневской, Н.В. Омельченко, Р. Вана, Ф. Хиндрикса, М. Хогарда, А. Янга.

Свобода как бесосновное основание социального бытия осмысливается Ж.-П. Сартром, К. Ясперсом, Г.А. Востровой, Д.С. Рахимджановой.

Для исследования трансцендентальной парадигмы интерпретации свободы имеют значение также филологические разработки, предлагающие социально-лингвистический анализ концепта свободы. К таковым относятся работы А.Н. Баранова, В.В. Маховой, Х. Брики, М.А.О. Де Азеведо, П.Т. Ленарда, Э. Орбик.

Трансцендентализм как философское направление репрезентируется, начиная с эпохи средневековья, в работах М.А. Белоусова, А.М. Гагинского, П.П. Гайдено, С.Л. Катречко, А.Н. Круглова, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, А.А. Мёдовой, В.Е. Семенова, Д.А. Федчука, А.Н. Шумана, Э. Агацци, К.-О. Апеля, Дж. А. Аэртсена, В. Виндельбанда, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, И. Канта, Ф.С. Мюллера, Т. Рокмора, К.И.П. Тсе, Дж. Сандерса, Ф. Суареса, М. Суини, Р. Тарнаса, И.Г. Фихте, Ю. Хабермаса, О. Хёффе, Ф. Хофмайстера, В.Ф.Й. Шеллинга.

Понятие трансцендентальной свободы и его философская экспликация представлены в трудах Е.В. Волоховой, С.В. Димитровой, С.Л. Катречко, А.В. Лаврухина, О.М. Мухутдинова, Т.В. Адорно, И. Канта, И.Г. Фихте, В.Ф.Й. Шеллинга, И. Берлина, Б. Вильхойера, Х. Крижнена, К. МакЛири, Х. Онофа, М. Шольтена, К. Ясперса. Феноменологические экспликации трансцендентальной свободы представлены в трудах А.В. Лаврухина, О.М. Мухутдинова, Д. Ламара. Исследованию нормативности, являющейся атрибутом трансцендентальной свободы, посвящены работы И.Д. Невважая, С.Л. Катречко, С. Финли, Д.Н. МакНила, А. Пинторе, М. Ла Торре, Дж. Раза.

Нетрансцендентальные концепции свободы представлены в трудах Р. Арона, З. Баумана, К. Морриса, А.А. Лонга, В. Конзе, Н.С. Плотникова, Н.М. Чуринова.

Теоретическую базу второй главы диссертационного исследования составили труды правоведов М.А. Алиэскерова, А.А. Бажанова, Г. Бермана, Л.В. Батиева, О.Н. Булакова, В.С. Бялта, В.А. Вайпана, А.В. Варданяна, Н.В. Варламовой, Н.С. Васильевой, Е.С. Вильской, А.С. Воробьева, С.Н. Трипутина.

Феномен свободы в правовом ключе осмыслен в трудах отечественных и зарубежных ученых-правоведов Н.В. Варламовой, В.Р. Давтяна, В.Д. Зорькина, И.В. Левакина, В.С. Нерсисянца, Э.А. Позднякова, Дж.А. Бруггера, Дж. Вильмара, Г. Гунатиллеке, А.Е. Дохас, Р. Куэйроса. Социальные основания юридического понимания свободы, как правило, в контексте прав и свобод, представлены в исследованиях О.Н. Бушмакиной, Н.И. Матузова, И.М. Некипеловой, А.В. Сулова, К.И.П. Тсе, М. Шелера.

Исследованию феноменов правотворчества и законотворчества, правореализации и законореализации, общего и различий между ними посвящены работы: М.А. Алиэскерова, О.Н. Булгакова, В.С. Бялта, Л.В. Денисовой, С.В. Маликова, В.А. Сапуна, С.Н. Трипутина, Я.В. Турбовой, Э. Лисдиено, С. Суатмиати.

Право как регулятор социальных отношений и гарант социальной свободы рассматривается Дж. Беккедорфом, Д.К. Вогтом, А. Зурнетти, Д.М. Катцем, Дж. Кроу, Р. Куэйросом, К. Купе, Л.Дж. Леонардом, С. МакКарти-Джонсом, Г.С. Мендлоу, П. Моррисом, Н. Мулиати, Х.-М. Ними, К.М. Проховником, Дж. Стентоном-Ифе, А.В. Варданяном, Н.В. Васильевой, Л.С. Золотаревой, Б.Ф. Кевбриным, Н.В. Никишовой, В.В. Оглезневым, С.Н. Хорунжим.

Правовое исследование свободного социального субъекта проведено И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, А.А. Клишиным, Э.П. Сухановой, А.А. Шугаевым. Соотношению принципов справедливости и законности в праве посвящены работы Ю.С. Решетова, А.Н. Рундквиста, К. Картрайта, У. МакКанна, К. Хемменса, М.К. Штор, Д. Уиллитса.

Проблематика взаимосвязи свободы и права как силы представлена в работах Дж. Зааймана, отождествление права со свободой последовательно проводится в работах Г.В.Ф. Гегеля, Г.У. Гёксея, Т.Л. Пименты. Первичность отношения «право – справедливость» перед отношением «право – свобода» проводится в трудах И. Бентама, Д. Остина.

Свобода как ценность права исследуется в работах В.В. Гончарова, С.Ю. Пояркова, Г.В.Ф. Гегеля, Т. Брукса, А. Швейцера, А. Павласа, М.У. Мартина, С. Доналдсона, У. Кимлики, Дж.А. Бруггера. Правовое сознание как сознание ценностно-ориентированное рассматривается в работах С.Н. Вахрущева, В.В. Матюшиной, В. Виндельбанд, Дж. Маркетти, Г. Риккерт, Р. Штаммлер.

Трансцендентальная теория права отражена в трудах Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Г. Кельзена, Д. Ачемоглу, А. Валицки, Л. Вильямса, И. Делио, Г.Дж. Костелло, Ж. Портера, С. фон Пуфендорфа, Г. Радбруха, С. Райли, Р. Штаммлера, Б.А. Кистяковского, М.Н. Поскачиной. Трансценденталистские формы правосознания исследуются в работах: Д.Д. Абагеро, В.В. Лапаевой, К.Б. Ивайловой, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова.

Право как априорный феномен, несущий в себе черты человеческой субъективности рассматривается Дж. Айгенауэром, Л. Буразиным, С. Войцехом, Н. Гессумом, М. Ниазом, Н. Плесансом. Анализ соответствия права трансцендентальным принципам представлен в работах А.А. Абдуллахи, С. Хамиша.

Нормативное рассмотрение права без метафизического подтекста характерно для представителей аналитической правовой традиции Г. Кельзена, Р. Нозика, Ф.А. фон Хайека, Г.Л.А. Харта, А.Б. Дидикина, О.Б. Игнаткина, В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева, В.А. Чалого.

К рассмотрению вопросов статики и динамики права обращаются такие исследователи как М.А. Алиэскеров, М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин, отношения между объективным и субъективным правом исследуется в работах И.Л. Честнова, Ю.Ю. Штурцева. Различия между философскими и юридическими интерпретациями права прослеживаются в работах К. Валентини, Дж. Вега, Дж.Дж. Моресо, Р.А. Поснер, Ж. Фалиана.

Не умаляя значения научных идей, которые уже получили теоретическое обоснование, следует отметить, что исследование трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы требует комплексного рассмотрения и исследования на общетеоретическом уровне и в этом смысле настоящее диссертационное исследование направлено на восполнение этого теоретического пробела.

Объектом исследования является трансценденталистская парадигма интерпретации свободы.

Предметом исследования выступает реализация трансценденталистской парадигмы интерпретации свободы в социально-правовом дискурсе.

Целью диссертационного исследования является экспликация трансцендентальных оснований свободы в контексте социально-правового дискурса.

Для достижения обозначенной цели в работе поставлены и решены следующие задачи:

1. Выявить особенности постановки проблемы свободы в социальной философии в отличие от этической, антропологической, религиозной и онтологической ее постановок;
2. Зафиксировать признаки трансцендентализма как философского направления, отметить критерии отнесения тех или иных концепций свободы к трансцендентальной парадигме;
3. Выделить признаки свободы как трансцендентального объекта;
4. Выявить универсальные маркеры интерпретации свободы в трансцендентальном ключе, зафиксировать типичные для социально-философского дискурса элементы трансценденталистского понимания свободы;
5. Показать генезис правового дискурса свободы в контексте естественных прав человека;
6. Провести сравнительный анализ трансценденталистского и нетрансценденталистского понимания права;
7. Показать содержательное наполнение нормативности и априоризма как характерных признаков трансценденталистской парадигмы права;
8. Выявить проблемы и противоречия трансценденталистского понимания права и свободы в социально-правовой действительности;
9. Проследить конкретные формы трансценденталистских и нетрансценденталистских экспликаций проблемы свободы в социально-правовом дискурсе.

Научная новизна исследования:

1. Выявлены ключевые маркеры социально-философского исследования свободы, качественно отличающие социально-философскую постановку проблемы свободы от онтологической, этической, антропологической, религиозной;

2. Выделены два парадигмальных представления о свободе – нормативное (трансцендентальное) и релятивное (не-трансцендентальное). Согласно трансцендентальной позиции, свобода есть цель и норма социальной деятельности. Согласно релятивному представлению, быть свободным – это значит иметь доступ к социальным благам и возможность пользоваться всеми правовыми и экономическими инструментами. Дихотомия двух этих представлений организует философский и социально-правовой дискурс свободы;

3. Выявлено, что от социально-философского дискурса неотъемлемы следующие моменты осмысления свободы, являющиеся результатом ее трансцендентальной интерпретации: 1) рационализация; 2) универсализм; 3) сущностность; 4) нормативность; 5) неинструментальность.

4. Приведена на конкретных источниках экспликация генезиса правового дискурса свободы в контексте естественных прав человека; показана эволюция от не-трансценденталистского понимания права к трансценденталистскому, раскрыто содержание трансценденталистской парадигмы права.

5. Выяснена специфика формальной и фактической свободы применительно к трансцендентальному социально-правовому дискурсу. Показано, что право как позитивное право фиксирует и закрепляет минимум свободы и этом смысле может рассматриваться как статичное. Показано, что наряду с наличием статического функционала, право выполняет важные динамические функции: именно с точки зрения динамики права, особую важность приобретает понятие свободы.

6. Обосновано, что трансцендентальная парадигма окончательно связывает свободу с нормативностью и доводит рефлексию этой связи до логического завершения.

7. Установлено различие между трансценденталистскими и нетрансценденталистскими правовыми теориями в контексте отношения к идеям нормативности, априоризма, эссенциальности, автономности,

самодетерминации, показано, каким образом свобода в социально-правовом контексте рассмотрения может эксплицироваться как сила и как право.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что диссертация является одним из первых в современной социально-философской науке комплексных социально-правовых исследований трансцендентальных оснований свободы. Ранее, синтез социально-философских и правовых знаний относительно феномена свободы не применялся. Проведенное исследование позволило обнаружить трансцендентальные основания, позволившие соединить два различных социальных дискурса свободы и предложить его оригинальную трактовку. До настоящего исследования трансцендентализм не находил применения в рамках социальной философии, в то время как в праве (юриспруденции), он был доминирующим.

Синтез социальной философии и юриспруденции получивший в настоящей работе наименование социально-правовой дискурс позволил раскрыть трансцендентальные основания свободы как точку их соприкосновения, что позволило прояснить трансцендентальную природу феноменов свободы и права, особенности их взаимодействия и взаимовлияния, показать, каким образом эти феномены эксплицируются в социуме и направляют его развитие. Проведенный анализ и полученные результаты способны в дальнейшем послужить теоретико-методологическим и практико-прикладным основанием для исследования свободы как социального феномена в конкретных отраслях права, а также будут способствовать дальнейшему внедрению конкретно-правового дискурса в социально-философскую проблематику, что, как представляется, теоретически обогатит оба дискурса.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что выводы, полученные в ходе анализа феномена свободы как объекта социально-философской рефлексии могут найти

практическое и прикладное применение в преподавании курсов общей философии, социальной философии, философии права, философии свободы, философской антропологии; а также, социологии, политологии и др.

Методология и методы исследования. В работе применялись общенаучные и специально научные методы научного познания. Методы логического анализа и синтеза не только способствовали систематизации имеющегося фактического материала, но и позволили получить определенные теоретические результаты как условие достижения поставленной в диссертационной работе цели. Использованы методы классификации и атрибуции, позволившие выделить два типа интерпретации свободы и их признаки. Применен метод экстраполяции сущностных признаков трансцендентального понимания свободы на существующие концепции права с целью выявления их трансцендентальной природы.

Исторический метод применен для выяснения генезиса философских и правовых идей относительно феномена свободы в социально-философском и социально-правовом дискурсе. С помощью диалектического метода проанализированы последовательное изменение философско-правовых идей и представлений, положенных в основу феномена свободы в социально-философском и социально-правовом дискурсе. Герменевтический метод был применен в связи с необходимостью познания и интерпретации текстов научных трудов, нормативно-правовых актов и других источников права, что позволило раскрыть содержание и обобщить представление о свободе в рамках социально-правового дискурса. Использование сравнительно-правового метода позволило соотнести взгляды философов и правоведов разных эпох на феномен свободы в социально-правовом дискурсе, систематизировать существующие общетеоретические аргументы и выводы, а также установить в них общие и отличные аспекты. В основу диссертационного

исследования положены общие принципы научного познания: принцип историзма, принцип всесторонности, принцип комплексности, принцип плюрализма.

Методология исследования основывается на следующих подходах: трансценденталистский подход, феноменологический подход. При исследовании свободы как специфической правовой ценности определяющее место отведено аксиологическому подходу, определяющему ценностные характеристики свободы в контексте социально-правового дискурса, где свобода понимается не только как положение, определенное наукой, но и как ценностно-ориентирующий мотив поведения человека. Значительную роль в осмыслении социально-правового контекста реализации феномена свобода и его трансцендентальных оснований сыграл междисциплинарный подход, поскольку исследование этого феномена охватывает не только социальную философию, но и такие научные дисциплины, как философия права, политология, этика, теория государства и права, правоведение и т.д.

С помощью исторического метода прояснен генезис философских и правовых идей трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы и анализ приобретаемых свойств, характеризующих содержание, сущность свободы на современном этапе ее развития.

Важное значение имел также сравнительный метод исследования трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы, предусматривающий изучение объектов познания путем их сопоставления, выявление их сходных и отличительных черт. Таким образом, сравнительный метод позволил не только соотнести взгляды на свободу как социальный феномен философов и правоведов разных эпох, но и обнаружить в них элементы совпадения, контекстные и общетеоретические аргументы и выводы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенности социально-философского дискурса свободы являются: контекстуальность, нормативность, агентность, рационализация, аксиологичность, нормативное равенство, индивидуалистичность, атемпоральность, модальность как многообразие форм явленности различных состояний.

2. Свобода как трансцендентальный объект не сводима к наличному бытию, не обнаружима как эмпирический феномен, находится за пределами естественной детерминации. Трансцендентальная свобода есть принцип, предшествующий рациональному отношению к действительности и позволяющий осуществиться любому познавательному или социальному акту.

3. Рационалистическая линия в трактовке свободы происходит из трансцендентализма. Трансцендентальная свобода универсальна, это общечеловеческое достояние и показатель изначального равенства людей, поэтому у такой свободы не может быть множественного числа. Трансцендентальная свобода нормативна, включает в себя долженствование и императивность, всеобщую и универсальную обязательность.

4. Трансцендентальной интерпретации противоречит понимание свободы как: одной из так называемых «реальных свобод», свободы выбора, возможности действия, проявления воли или силы, общественного ресурса или социального блага, результата социальных отношений, формы различия, обуславливающей социальное деление. Трансцендентальная свобода также не есть результат волеизъявления социальных субъектов. Она не может быть результатом соглашения или договора, поскольку она является условием всех социальных договоров.

5. Реальность свободы, с точки зрения права – это такие социальные условия, которые в высшей степени способствуют реализации заложенных в свободе потенций в отношении прав человека, реализации того

минимума свободы и справедливости, который необходим для обеспечения достойной жизни каждого члена общества. Однако, для трансценденталистских систем права свобода априорна, она не сводится к набору социальных условий.

6. Нормативность и априоризм выступают характерными признаками трансценденталистской парадигмы права. В этой парадигме право в своей сути не исчерпывается только формальным основанием: формальным равенством, формальной справедливостью и формальной свободой. При трансценденталистском подходе к праву речь всегда идет о положительном (позитивном) праве, которое опирается на общее понятие нормы, из которой выводится представление о юридической или правовой норме: последняя является указанием на должное, на то, что не реально существует, а только должно быть, такая норма является самодостаточной содержит в самой себе обоснование, порядок повинности, выступает предпосылкой и условием единства и общезначимости проистекающих из нее и подчиненных ей норм.

7. Трансцендентальным теориям права противопоставлены теории «естественного» права. Для нетрансценденталистских теорий характерно связывание свободы с возможностью реализации силы и принуждения, в то время как трансцендентальное право интерпретирует свободу как справедливость.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность предложенной работы обеспечивается использованием значительного набора научных источников: монографий, статей и применением адекватных методов познания и исследования.

Основные положения, результаты и выводы научного исследования представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: 17-й международной научно-практической конференции «Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири» (Томск, 2011), V международной научной конференции «Онтология и аксиология права»

(Омск, 2011), IV международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (Санкт-Петербург, 2011), XIII всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Этика и бизнес: философские, методологические и мировоззренческие аспекты» (Красноярск, 2012), XVIII международной научной конференции «Ломоносов 2012» (Москва, 2012), VI Российском философском конгрессе (Нижний Новгород, 2012), V международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (Санкт-Петербург, 2012), XX международной научной конференции «Ломоносов 2013» (Москва, 2013), IX Всероссийской научно-технической конференции «Молодежь и наука» (Красноярск, 2013); Шестой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, 2013); X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции «Молодежь и наука» (Красноярск, 2014); XIII международной научно-практической конференции «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития» (Красноярск, 2014); всероссийской научной конференции «Перспектив Свободный – 2015» (Красноярск, 2015); международной научной конференции «Шестые Шпетовские чтения «Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX-XXI веков» (Томск, 2015); Седьмой международной научной конференции «Онтология и аксиология права» (Омск, 2015); XXIV Всемирном философском конгрессе «Учиться быть человеком» (Пекин, Китайская народная республика, 2018), 3-м международном научном семинаре (конференции) «Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа (специфика) трансцендентальной философии» (Москва, 2018); 4-м международном научном семинаре (конференции) «Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания» (Москва, 2019); 3rd International Conference on Culture, Education and

Economic Development of Modern Society (ICCESE 2019) (Москва, 2019); XXVIII Международных Рождественских образовательных чтениях (Москва, 2020); 5-м международном научном семинаре (конференции) «Трансцендентальный поворот в современной философии (5): трансцендентальный метод и современная наука (естествознание, математика, когнитивные науки, теология, этика)» (Москва, 2020); XX Красноярских краевых Рождественских образовательных чтениях «Великая Победа: наследие и наследники» (Красноярск, 2020); I международной научной конференции «Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма» (Саратов, 2021), III Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2021); XVI международной науч.-практ. конференции «Парадигма современной науки в условиях модернизации и инновационного развития научной мысли: теория и практика» (Костанай, Республика Казахстан, 2022); 7-м международном научном семинаре (конференции) «Трансцендентальный поворот в современной философии (7): эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект» (Москва, 2022); VIII Российском философском конгрессе (Москва, 2022); Международной научной конференции «Смысл и смыслообразование» (Санкт-Петербург, 2022); V Международной научной конференции «Полилог и синтез искусств: история и современность, теория и практика» (Санкт-Петербург, 2022); Международной научно-практической конференции «Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития» (Красноярск, 2022); III Конгрессе Русского Общества истории и философии науки (Саратов, 2022).

По материалам диссертации опубликованы 37 научных работ, в том числе 5 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя семь параграфов общим объемом 177 страниц, заключения и списка литературы, насчитывающего 324 источника на русском, английском, немецком и французском языках.

Глава 1. Особенности анализа проблемы свободы в трансцендентальной философской традиции

1.1. Постановка проблемы свободы в социальной философии

Свобода это один из центральных объектов философских исследований. Обращение к этому понятию происходит в рамках практически всех существующих дискурсов – онтологического, антропологического, этического, логического, религиозно-философского и других. Отметим особенности постановки проблемы свободы в социально ориентированных исследованиях с тем, чтобы затем выявить специфику трансценденталистского подхода к этой проблеме и определить степень его релевантности социальной философии. Цель данного параграфа – очертить определяющие моменты понимания свободы, которые характерны для социально-философской интерпретации. Как будет показано ниже, большинство из них имеют трансцендентальное основание.

1. Проблема свободы в философии традиционно вписана в контекст анализа условий ее реализации. В онтологической плоскости понятие свободы разрабатывается в паре с понятием «необходимость»²⁰, что имеет свое продолжение и в социальной философии²¹. Здесь взаимосвязь свободы и необходимости разрабатывается в различных вариациях, начиная от понимания последней как осознанной необходимости (эта идея заявлена уже в учении стоицизма²²), до

²⁰ Kanišauskas S. The Ontology of Freedom // Societal Studies. Research Journal. 2017. Volume 9. No. 2. P. 127-135.

²¹ Dierksmeier C. Qualitative Freedom - Autonomy in Cosmopolitan Responsibility. Cham: Springer, 2019. 365 p. P. 65.

²² O'Keefe T. Ancient Theories of Freedom and Determinism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020 <https://plato.stanford.edu/entries/freedom-ancient/> (Дата обращения: 26.06.2022); Санжениаков А.А. Благо и безразличное в этике ранних стоиков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии. Томск, 2014. 152 с. С. 62.

понимания свободы как реализации природы сущности²³. Известно классическое определение Б. Спинозы, который называет свободой такую вещь, «которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой»²⁴. Понятие необходимости в сочетании с идеей разумности субъекта результирует в социальной философии понятие ответственности, фигурирующее как в парное к понятию свободы, что придает постановке этой проблемы этически-правовой аспект²⁵.

С точки зрения антропологического, экзистенциального или религиозно-философского видения свободы последняя есть сущностное качество человека, его самость или дар. Так, согласно К. Ясперсу, человек постигает себя исходя из свободы. Тем самым он постигает свою трансценденцию, исчезающим явлением которой как раз и оказывается он сам в его собственной свободе²⁶.

Свобода социального субъекта осмысливается иначе – как парное понятие к необходимости, обязанности, закону, ответственности²⁷. Представления о свободе выстраиваются в перспективе ее ограничения, она традиционно осмысливается в паре с ее противоположностью или негацией. В крайней своей форме эта дихотомия приводит к определению свободы через познание необходимости и действия в соответствии с этой необходимостью, когда последняя предстает в виде оптимального колебательного диапазона изменения прав и обязанностей взаимодействующих субъектов²⁸. Нормативность социальной свободы есть

²³ Müller F.S. The Hierarchy of Human Rights and the Transcendental System of Right // *Human Rights Review*. 2019. Volume 20. P. 47-66.

²⁴ Цит. по: Гаджикурбанов А.Г. Этика Спинозы как метафизика морали. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 320 с. С. 12.

²⁵ Мишагин П.А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации // *Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2022. №. 4. С. 97-105.

²⁶ Гайденок П. П. Предисловие // Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика, 1991. С. 3-24. С. 15.

²⁷ Schmidt A.T. Does collective unfreedom matter? Individualism, power and proletarian unfreedom // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13698230.2020.1830350> (Дата обращения: 02.09.2022).

²⁸ Клевцова Э.С. Социальная свобода человека: Сущность и реализация. Автореферат диссертации кандидата философских наук: 09.00.11 / Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т. Ставрополь, 2004. 27 с. С. 8.

ее главный парадокс и, в то же время, сущностное качество: «свобода и независимость человека требуют того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но также принуждение и право»²⁹. Это трансцендентальная свобода.

Эта тенденция выражается в представлении о двух типах свободы, позитивной и негативной, предложенном И. Берлином³⁰, но берущим начало у Канта³¹ в его различении трансцендентальной и практической свободы. Берлин определил негативную свободу как отсутствие ограничений или вмешательства в возможные действия агента. Увеличение негативной свободы означает уменьшение ограничений, налагаемых на возможные социальные действия, тогда как позитивная свобода связывается со способностью субъекта определять себя, контролировать своё существование. Позитивный смысл понятия «свобода» появляется вместе с вопросами «Кто мной правит?», «Кто вправе сказать, что должен делать именно это?»³².

Приоритет негативной свободы определяется «социальной картой» коллективного человеческого существования, которое концептуально поддерживается такими терминами, как «класс, власть, доминирование, авторитет, социализация, идеология, культура, образование»³³. Для всех перечисленных терминов социального дискурса системообразующей является идея внешнего принуждения. Детерминирующая сетка социальных координат определяет границы индивидуальной воле, направляет и корректирует активность социальных субъектов, что объясняет относительную не случайность, регулярность их поведения.

²⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с. С. 98.

³⁰ Berlin Isaiah. Two Concepts of Liberty // Four Essays On Liberty. Oxford, England: Oxford University Press, 1969, p. 118-172.

³¹ Лаврухин А.В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 3. С. 61-76.

³² Berlin Isaiah. Two Concepts of Liberty // Berlin Isaiah. Liberty. Ed. by Henry Hardy. With an essay on Berlin and his critics by Ian Harris. Oxford, England: Oxford University Press, 2002. XXXIV+ 382 p. P. 177-178.

³³ Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 14.

2. Если в онтологии аналогом свободы выступает неопределённость состояния системы или объекта³⁴, то в социальной философии велика роль агентности, т.е. активности социального субъекта³⁵. Таким образом, у социальной свободы есть источник, импульс, в качестве которого выступает субъект социальных отношений. В этом контексте свобода есть возможность агента определять свои действия в соответствии со своими собственными намерениями. Однако, социальный субъект – как коллектив, так и личность – могут рассматриваться не только как инициаторы свободных действий, но и как «носители» свободы. Важно отметить, что коллективная свобода здесь не смешивается с личной: «свободный народ» не обязательно состоит из свободных людей, и наоборот, человеку не нужно быть коллективно свободным, чтобы обладать личной свободой³⁶.

3. Рационализация свободы. Свобода субъекта рассматривается как способность совершать действия на основе осознанного выбора, опирающегося на знание. Разум и знание лежат в основании представлений о свободе, начиная с философии античности. По этой причине современное законодательство не считает человека с умственными или психическими отклонениями вменяемым, так как он не способен совершить разумное действие. Есть и обратная точка зрения – степень свободы напрямую зависит от степени незнания. Индивидуальная свобода зиждется на неизбежном незнании людьми огромного числа факторов, от которых зависит достижение их целей³⁷. Как бы то ни было, свобода, рациональность и знание образуют прочный концептуальный треугольник в социально-философском дискурсе. Это трансцендентальная свобода.

³⁴ Гаспарян Д.Э. Детерминизм и индетерминизм в дуалистических и неддуалистических онтологиях: от Канта к Сартру // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 4 (22). С. 62-71. С. 67.

³⁵ Яблокова Н.И. Социальный субъект в условиях глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 52-57. С. 52.

³⁶ Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. 528 с. С. 31.

³⁷ Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. 528 с. С. 50.

4. В контексте онтологических алетических модальностей аналогом социальной свободы выступает возможность. Свобода в социально-философском дискурсе, напротив, рассматривается не столько как возможность действия, сколько как ресурс или социальное благо. Так, сторонники позитивной свободы утверждают, что человек, который не может реализовать свои амбиции, потому что у него недостаточно ресурсов, не свободен³⁸. Увеличение свободы членов общества является одним из критериев одновременно социального, технического и экономического прогресса³⁹. Как отмечает Р. Арон, путь к «реальной свободе» открыла не система выборов и партий, а именно экономический прогресс, позволивший удовлетворить законные притязания на свободу, не нарушая конституционных норм. Повышение уровня жизни и постепенная интеграция трудящихся в общность — таково конкретное прозаическое содержание «реальной свободы»⁴⁰. Это не трансцендентальная свобода.

Свобода наделяется ценностным измерением в антропологических, этических и социальных исследованиях, что совершенно чуждо онтологической трактовке свободы. Свобода – это не просто одна из ценностей, это источник и условие большинства моральных ценностей⁴¹. Здесь речь не идет о свободе выбора. Свобода в виде нравственного идеала есть свобода в нормативном смысле⁴². Это трансцендентальная свобода.

5. Социальное осмысление свободы связано с идеей равенства, что типично также для этики, но парадоксально с точки зрения антропологического подхода. В контексте религиозной антропологии, персонологии, экзистенциализма свобода есть спонтанность человеческого

³⁸ Lavazza A. Free Will and Neuroscience: From Explaining Freedom Away to New Ways of Operationalizing and Measuring It // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2016. Volume 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2016.00262/full> (Дата обращения: 04.09.2022).

³⁹ Ecer F., Hashemkhani Zolfani S. EVALUATING ECONOMIC FREEDOM VIA A MULTI-CRITERIA MEREC-DNMA MODEL-BASED COMPOSITE SYSTEM: CASE OF OPEC COUNTRIES // *Technological and Economic Development of Economy*. 2022. Volume 28. Issue 4. P. 1158-1181. P. 1159.

⁴⁰ Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н.А. Руткевич. М.: Праксис, 2005. 208 с. С. 39, 55.

⁴¹ Хайек, Ф.А. фон. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. 528 с. С. 21.

⁴² Виндельбанд В. О свободе воли. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 205 с. С. 89.

проявления, его незавершенность, открытость, бесосновность⁴³. Поэтому она часто понимается как бремя, но и как залог уникальности личности. В социальной философии, начиная с эпохи Просвещения, свобода предстает как компонент концепции естественного права⁴⁴. Свобода есть неотъемлемое свойство человека как разумного существа и, таким образом, все люди уравниваются в своем праве быть свободными, что в свою очередь сообщает им вменяемость и подвластность закону. Так, А. де Токвиль в работе «Социальное и политическое положение Франции до и после 1789 года», определяет сущность свободы исходя из того, что «каждый человек получил от природы разум, необходимый ему для устройства своей жизни, и от рождения имеет неотъемлемое право жить независимо от себе подобных во всем, что касается только его, и решать свою судьбу по своему усмотрению»⁴⁵.

Безусловно, не все социальные свободы участвуют в построении подобного равенства, а только нормативные свободы. Равенство по отношению к общим нормам закона и правилам способствует свободе; согласно Ф.А. фон Хайеку, это единственный вид равенства, который можно гарантировать, не разрушая самой свободы⁴⁶. Другие виды равенства скорее коррелируют с отсутствием свободы, что дало основания философии неравенства. Так, Н.А. Бердяев понимал равенство как выравнивание «по нижнему уровню», т.е. равенство возможно лишь в нищете, слабости и глупости⁴⁷. Н.А. Бердяев имеет здесь в виду экономическое, политическое и интеллектуальное равенство. Это трансцендентальная свобода.

⁴³ Дорофеев Д.Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной философии. Санкт-Петербург\Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 461 с.; Fremstedal R. Kant and Existentialism: Inescapable Freedom and Self-Deception // The Palgrave Handbook of German Idealism and Existentialism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2020. 576 p. P. 51-75.

⁴⁴ Peterson J. Enlightenment and Freedom // Journal of the History of Philosophy. 2008. Volume 46. Issue 2. P. 223-244. P. 239.

⁴⁵ Tocqueville A. de. Etat social et politique de la France avant et depuis 1789 (1836). Quebec: GALLIMARD, 2014. P. 62.

⁴⁶ Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. 528 с. С. 115.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с. С. 254.

б. Свобода и индивидуализм. Осмысление социальной свободы связано с проблемой индивидуализма, однако противопоставление субъекта обществу, понимаемому как сила, ограничивающая его свободу, не актуально для современной социальной философии и не является ее ведущим мотивом. Речь скорее идет о самоутверждении индивида в социуме, что предполагает его свободу, прежде всего, как свободу выбора. Для современного мира характерна культура индивидуализма, распространившаяся практически во всех мировых сообществах. Свобода, наряду с созидательностью, аутентичностью и чувством собственного достоинства, является ее главной ценностью. Она воплощается в праве принятия решений и возможности интерпретации своего жизненного опыта.

Культура индивидуализма предлагает распространение альтернативных стилей жизни. Но общественное развитие привело к тому, что наиболее доступной сферой для жизнеутверждения через самобытность и экспериментов над собственной личностью, стало потребление, а не труд и не социальные отношения. Таким образом, индивидуализмом затребован только такой тип свободы как свобода выбора. В свободе, понимаемой как право выбора, проявляется чувство личной независимости, тогда как невозможность выбора порождает чувство собственной неполноценности. В восприятии индивидов диета, работа, здоровье, семья и отдых становятся объектом выбора. То, что раньше понималось как угнетение, безысходность или несправедливость, в новой потребительской морали интерпретируется как счастливый или фатальный результат личного выбора⁴⁸.

То, что индивидуализм не противостоит социализации в современном социально-философском дискурсе, подтверждается точкой зрения Ф.А. фон Хайека, различающего истинный и ложный индивидуализм. Истинный индивидуализм по природе своей социален, он «утверждает

⁴⁸ Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. 280 с. С. 28, 32.

ценность семьи и всех общих усилий небольшого сообщества или группы...», ложный индивидуализм социален также, но иным образом – он «хочет растворить все эти небольшие группы на атомы, не имеющие никакой связи, кроме связующих правил, навязанных государством...»⁴⁹. Это не трансцендентальная свобода.

7. Темпоральность. Еще один аспект интерпретации свободы, важный для онтологии и антропологических учений (психоанализа, экзистенциализма), но практически нивелирующийся в социальной философии – это темпоральность. С экзистенциальной точки зрения, действие является специфическим опытом мира, определяемого свободой. Время – принципиально важная категория для возможности последней, время и свобода соразмерны как две онтологические силы. Так, согласно К. Бутону, время не производит свободу, свобода также не производит время. Но у человека есть время для бытия в свободе⁵⁰.

В основу практического подхода к существованию человека экзистенциальная онтология кладет идею о связи времени и свободы человека как условия выбора между множеством возможностей. Последние понимаются как результат волевой нацеленности человека на совершение действия в будущем⁵¹. Так понятая свобода предполагает равенство всех вариантов развития событий.

Социально-философским дискурсом свободы идея времени как самостоятельной константы описываемой реальности не затребована. Будущее имплицитно предполагается как актуальное в теориях социального прогресса, но не более того. Что же касается идеи равенства всех вариантов развития событий, она противоречит социальной нормативности и идеалу стабильности развития общества. Общество, в котором все варианты развития событий равновероятны, а будущее

⁴⁹ Malt A.J. Methodological individualism: True and false // The Review of Austrian Economics. 2018. Volume 31. P. 73-109.

⁵⁰ Bouton C. Time and freedom. Evanston: Northwestern University Press, 2014. 282 p. P. 13, 252.

⁵¹ Серова Н.В. «Древо возможностей» К. Бутона: свобода как условие множественности модальностей темпоральной экзистенции человека // Вестник ТГУ. 2022. № 66. С. 57-66. С. 59.

непредсказуемо, вряд ли может гарантировать своим гражданам какую-либо безопасность и возможность целесообразного действия. Это общество хаоса как крайней формы свободы, ни одна философская теория не рассматривает такую модель общества как актуальную.

8. Если в онтологическом, этическом или антропологическом дискурсе слово свобода, манифестирующее соответствующее понятие, не имеет множественного числа, в социально-правовом и политическом дискурсе выделяются *свободы* человека как модальности социальных состояний. К таковым относятся свобода слова и мысли (так называемые интеллектуальные свободы), свобода совести, вероисповедания, собраний, прессы. Более частные свободы – это свобода передвижения, образования, ношения оружия, договора, торговли. То есть, свобода мыслится не как категория, обобщающая множество отношений и связей, а как разновидности социальных практик. В этом ключе расценивается уровень свободы стран мира в рамках статистических исследований Института Катона (США), университета Саймона Фрейзера (Канада) и фонда Фридриха Наумана (Германия). В 12 категорий индекса человеческой свободы входят верховенство закона, размер правительства, развитость правовой системы и права собственности, безопасность, свобода международной торговли, доступ к надежным деньгам, свобода передвижения, вероисповедания, ассоциаций и собраний, доступа к информации, свобода идентичности и отношений⁵². Первые шесть категорий не являются собственно свободой личности или свободой воли в классическом понимании. Это скорее политические и экономические условия эффективной деятельности людей. Тем не менее, они отнесены к индексу свободы.

Мы приходим к необходимости различать свободы формальные и реальные. Первые декларативно регламентированы, оговорены в

⁵² Freedom Index by Country 2022 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/freedom-index-by-country> (Дата обращения: 08.07.2022).

законодательных актах, например, это интеллектуальные и политические свободы. Реальная свобода – это свобода, которую люди ощущают как таковую. Она зависит от нравов, менталитета и установок людей не меньше, чем от законов: «как реальное содержание свободы людьми воспринимается безопасность, участие в общественном управлении, благосостояние, продвижение по службе»⁵³. Все эти свободы не имеют прямого отношения к свободе в ее нормативном понимании. Это не трансцендентальные свободы.

Выделенные особенности социально-философского видения свободы затрудняют ее дефиницию. Вернемся к традиционному представлению о свободе. Одно из распространенных пониманий свободы воли связывает ее с внутренней автономией личности или господством над своими состояниями. Это вполне трансцендентальное определение, поскольку и для Канта «свобода в практическом смысле есть независимость воли (*Willkür*) от принуждения импульсами чувственности»⁵⁴. Согласно С. Вольфу, такое определение свободы имеет несколько возможных значений: «Свобода как:

способность действовать в соответствии с велениями разума;

способность действовать в соответствии со своим истинным «я» или ценностями;

способность действовать в соответствии с общечеловеческими ценностями (такими как Истина и Добро);

а также способность действовать независимо как от велений разума, так и от побуждений желаний, т. е. произвольно (автономно)»⁵⁵.

Этому определению противостоит взгляд на свободу как на результат социальных отношений, способ поддержания социума. В этой интерпретации свобода есть форма социального различия, предполагающая и имплицитная социальное деление, а

⁵³ Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н.А. Руткевич. М.: Праксис, 2005. 208 с. С. 61, 74.

⁵⁴ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с. С. 328.

⁵⁵ Wolf Susan. Freedom Within Reason. New York: Oxford University Press, 1990. 162 p. P. 113.

индивидуальная свобода – лишь звено, соединяющее индивидуальный жизненный мир, общество и социальную систему⁵⁶. Дальнейшее исследование посвящено экспликации трансцендентальной линии в понимании свободы и уточнению различий между двумя парадигмальными представлениями о свободе – нормативным (трансцендентальным) и релятивным (не-трансцендентальным).

1.2. Свобода как трансцендентальный объект в классической философской традиции

Латинское слово *transcedere* означает «переходить за», «переступить»⁵⁷. Активное использование термина «трансцендентальный» (*transcendentalis*) прослеживается, начиная с работ средневекового испанского философа и теолога Франсиско Суареса⁵⁸. К ведущим трансцендентальным категориям или трансценденталиям в философии Средневековья относились следующие: сущее (*ens*), вещь или субстанция (*res*), то или другое (*aliquid*), единство (*unum*), истина (*verum*), благо (*bonum*)⁵⁹. Основными среди них считались единство, истина и благо. Известен достаточно распространенный в схоластической философии принцип: любое бытие есть единство истины и блага (*quodlibet ens est unum, bonum*)⁶⁰.

⁵⁶ Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 19.

⁵⁷ Aertsen J.A. *Transcendens – transcendentalis. The genealogy of a philosophical term // L'élaboration du vocabulaire philosophique au Moyen Âge / Eds. J. Hamesse, C. Steel. Turnhout: Brepols Publishers, 2000. 578 p. P. 241-255.*

⁵⁸ Суарес Франсиско. Предисловие к книге «Метафизические рассуждения» и 1 раздел первого рассуждения «О природе первой философии» или метафизике» // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1987. С. 218-241. Суарес Ф. Метафизические рассуждения / Пер. с латинского Г.В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 776 с. С. 224-225.

⁵⁹ Aertsen J. A. *Medieval Philosophy as transcendental thought: from Phillip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez. Leiden, Boston: BRILL, 2012. 756 p.; Aertsen J. A. What is first and most fundamental? The beginnings of transcendental philosophy // Was ist Philosophie im Mittelalter? / eds: J. A. Aertsen, A. Speer. Miscellanea Mediaevalia. Berlin, N. Y., 1998. P. 177-192.*

⁶⁰ Суини М. Лекции по средневековой философии / Пер. с англ. А. К. Лявданского. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 303 с.; Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 181.

Идея трансценденталий связана с осознанием того, что сущее само по себе не является категорией, оно не род и не вид чего-либо. Значит, должен существовать докатегориальный или сверхкатегориальный способ мышления. Трансценденталии есть предизируемые сущему как таковому определения, превосходящие установленную систему категорий. Они «превосходят», значит, находятся по ту сторону, трансцендентны по отношению к аристотелевским категориям, поскольку разум должен быть в состоянии оперировать концептами еще до категориальной классификации сущего⁶¹. Трансцендентальное единство означает здесь неделимость, которая характеризует бытие в его отношении к самому себе. Трансцендентальное определение бытия как истины выражает интеллигибельное отношение к сущему, соответствие познания действительности вещи.

Трансцендентальное определение бытия как блага восходит к аристотелевской энтелехии; благо здесь – это то, к чему следует стремиться⁶². Данная ипостась бытия указывает на ту его границу, которая предполагает, что бытие постоянно актуализируется, тем или иным образом осуществляется, реализуя определенную изначально заложенную априорную цель.

В средневековой философии свобода рассматривалась преимущественно в аспекте связи свободы воли человека с божественной волей⁶³. Было распространено достаточно стойкое убеждение, что свобода вряд ли может быть полностью исследована в рамках эмпирического познания. Эта позиция характерна для трансцендентализма Канта. Важный аспект трансцендентального понимания свободы заключен в том, что ее

⁶¹ Федчук Д. А. Голос «Единого»: Альберт Великий, Фома Аквинский и Дунс Скот. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. 304 с. С. 111.

⁶² Chapoutier G. Aristotelian Entelechy and Modern Biology // *Biocosmology – Neo-Aristotelism*. 2018. Volume 8. Nos. 3&4. P. 421-430. P. 423; Санжеников А.А. Аристотель о действиях и их причинах // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. № 2. С.60-69. С. 64.

⁶³ Столяров А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. 207 с. С. 104-109; Гололоб Г.А. Свобода между рабством и произволом. СПб.: Библия для всех, 2008. 430 с. С. 3.

нельзя объяснить на основании эмпирических принципов, она не является природной способностью или психологическим свойством личности и даже не мотивом воли. Поэтому Кант определяет свободу как трансцендентальный предикат причинности существа, принадлежащего к чувственно воспринимаемому миру⁶⁴. Чистый практический разум, посредством морального закона обнаруживающий в себе трансцендентальное понятие свободы и, более того, осуществляющий ее, совершает открытие умопостигаемого мира.

В системе И. Канта термин «трансцендентальный» наполняется особым смыслом⁶⁵. Это понятие он применял для определения априорных условий возможного познания: «трансцендентальным (т. е. касающимся возможности или употребления познания a priori) следует называть не всякое познание a priori, а только то, благодаря которому мы познаем, что те или иные представления (созерцания или понятия) применяются и могут существовать исключительно a priori, а также как это возможно»⁶⁶. Трансцендентальность включает в себя условия возможности опыта, формальное познание и конституирующее предмет единство сознания⁶⁷.

От понятия «трансцендентальный» не отделима пограничность. Как отмечает М.А. Белоусов, трансцендентальное в кантовском смысле не существует ни в чувственном мире, ни вне его (как ноумен). У него нет онтологической самостоятельности, скорее этот термин указывает на

⁶⁴ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. 784 с. С. 277-572. С. 531-532.

⁶⁵ Катречко С.Л. О понимании термина «трансцендентальный» в кантовской философии // Возможна ли современная трансцендентальная философия? Материалы круглого стола VII Российского философского конгресса. М.: Фонд «Центр гуманитарных исследований», 2017. С. 38-48; Белоусов М.А. Понятие «трансцендентальный» у Канта и Гуссерля // Трансцендентальный поворот в современной философии (2): кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус. Сборник материалов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (г. Москва, 27-29 апреля 2017 г.; VIII международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ) / Отв. ред. С.Л. Катречко. М.: Фонд ЦГИ, 2017. 96 с. С. 27-32; Круглов А.Н. Разрыв с учением о трансценденциях в этике Канта // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 77. С. 46-63; Гагинский А. Феномен зла, натуралистическая ошибка и теория трансценденций // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(4). С. 36-50.

⁶⁶ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 95.

⁶⁷ Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски / Пер. с нем. И. Д. Вылегжанин, А. Б. Рукавишников. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 512 с. С. 170.

границу опытно постигаемого мира, за которой начинается мир ноуменальный. Трансцендентализм демонстрирует, что мы не можем сказать о мире чего-то другого в силу априорной программы познания, но можем лишь ограничить нечто уже известное. Трансцендентальное существует только в ограничении «обыденного рассудка», в балансировании на границе мира⁶⁸.

М.К. Мамардашвили характеризует трансцендентализм как остановку опредмечивающего мышления. Если человеческое сознание способно трансцендировать, то, казалось бы, должен существовать некий «запредельный» предмет, к которому трансцендирование приводит. Однако философия говорит: нет, такого предмета не существует, поскольку есть нечто, о чем мы не можем знать в принципе, есть реальность не соприродная разуму. Трансцендентные объекты, по выражению М.К. Мамардашвили, могут «лишь ретроактивно, в виде кристалла выпасть в нашей жизни в зависимости от акта движения». Термин «трансцендентальное», используемый взамен термина «трансцендентное» и как противоположность эмпирическому, указывает на такого рода «кристаллизацию» внутри человеческого мира. Трансцендентальное сознание – это как бы сознание в чистом виде, «в просвете и горизонте которого мы впервые видим мир как таковой»⁶⁹.

Способ философствования Гегеля, который поставил себе задачей отразить в форме понятия сам процесс развития в его наиболее общем виде, можно назвать трансцендентальным мышлением *par excellence*, поскольку само по себе развитие является вовсе не очевидным и с помощью эмпирического способа познания до конца не понятным. По Гегелю, из стихии субъективного мышления, т.е. мышления на уровне сознания, необходимо переходить, трансцендировать в объективное

⁶⁸ Белоусов М. А. Термин «трансцендентальный» у Канта и Гуссерля // Трансцендентальный поворот в современной философии (2): кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус. Сб. материалов междунар. научн. семинара М.: Фонд ЦГИ, Изд-во РГГУ, 2017. С. 30.

⁶⁹ Мамардашвили М. К. Философия и свобода // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, Культура, 1992. С. 365-375. С. 368.

мышление⁷⁰. Свобода в этом процессе занимает важное место, являясь и (пред)условием такого перехода, и одной из его важнейших характеристик. Трактовка свободы как трансцендентной внеэмпирической сущности отчетливо просматривается в знаменитом тезисе Гегеля: «Всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы»⁷¹.

Средневековый генезис понятия «трансцендентальный» высвечивает тот факт, что рациональному знанию, и шире – рациональному отношению к действительности, предшествуют определенные предварительные установки, трансцендентальные принципы, выраженные в формализованной или неформализованной форме, которые позволяют осуществляться познавательному акту вообще, как таковому. Свобода является одним из таких принципов, она же участвует в формообразовании остальных трансценденталий. То есть, один из ведущих принципов трансцендентализма – это допущение априорных, преданных разуму идей и структур мышления. Так, Декарт обосновывает существование Бога через «идею существа более совершенного, чем мы сами, заложенную в разуме: получить ее из ничего вещь явно невозможная, и поскольку неприемлемо допускать, чтобы более совершенное было следствием менее совершенного, как и предполагать возникновение какой-либо вещи из ничего, то я не мог сам ее создать»⁷². Априорные идеи – это те содержания разума, которые мы не только не можем получить из эмпирического опыта, он и не можем создать сами или случайно их обнаружить, «открыть». Именно таковой идеей является свобода в исследуемой нами трансценденталистской парадигме.

В Критике чистого разума Кант говорит, что «возможность вещей никогда не вытекает из понятий a priori самих по себе, а что они всегда

⁷⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1974. 452 с. С. 210.

⁷¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории / Пер. с нем. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 478 с.С. 455.

⁷² Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. «Рассуждение о методе...» и другие произведения, написанные в период с 1627 г. по 1649 г.: Пер. с лат. и фр. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 322 с. С. 87-129.С. 106.

имеют место лишь как формальные и объективные условия опыта вообще»⁷³. Этот момент существенен для трансцендентальной свободы. Свобода в трансцендентальной парадигме есть условие как опыта собственной личности, так и любого социального опыта.

Немаловажно, что трансцендентализм Канта исходит из разделения мира на чувственно-воспринимаемый и интеллигибельный, и эти две реальности принципиально различны⁷⁴. В тех или иных формах все трансценденталистские учения сохраняют это разделение. При этом, принятие и постижение интеллигибельного мира возможно именно благодаря свободе как трансцендентальному понятию. Свобода согласно трансцендентализму представляет собой трансцендентальную идею, вне и помимо которой не представляется невозможным вообще никакое человеческое отношение к миру и положительное познание в целом. Говоря о свободе в космологическом смысле он имеет в виду прежде всего «способность самопроизвольно начинать некоторое состояние; следовательно, каузальность свободы со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы ее во времени»⁷⁵. Парадоксальная внеэмпиричность свободы связана не только с ее трансцендентальным происхождением, но и с нарушением закона причинности. Свобода необъяснима, противоестественна и, в то же время, возможна.

Свободу в ее практическом значении Кант понимал как «независимость произволения (*Willkür*) от понуждения со стороны импульсов чувственности»⁷⁶. В том случае, если бы воля детерминировалась феноменами объективного мира, каждое действие,

⁷³ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 295.

⁷⁴ Катречко С.Л. Кантовский «коперниканский переворот»: синтез эмпирического реализма и трансцендентального идеализма // Вопросы философии. 2022. № 6. С. 131-141.

⁷⁵ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 697.

⁷⁶ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 697.

любая активность выступали бы необходимыми как закономерное следствие вызвавшего их явления или феномена. В этом смысле никакая практическая свобода была бы невозможной, поскольку устранение трансцендентальной свободы автоматически упраздняет практическую свободу, поскольку, в свою очередь, выступает онтологическим основанием последней.

Таким образом, согласно Канту, свобода представляет собой способность по своей воле начинать некий новый ряд событий. Причем речь не идет об отсутствии причин человеческого воления, а лишь об особом роде причинности – самопричинении или свободной причинности⁷⁷. Такая причинность непосредственным образом связана с человеком, его трансцендентальным или интеллигибельным характером.

Идеи Канта о трансцендентальной природе свободы нашли продолжение в философии немецкого идеализма, начиная с И.Г. Фихте. Свое учение он называл «философией свободы», понимая под последней непосредственную деятельность Я, «способность человеческого духа определять себя безусловно, без принуждения и понуждения к действию вообще»⁷⁸. По его мнению, деятельность является созерцательной, а созерцание – деятельным, поэтому субъект не может быть ограниченным. Ощущение ограничения является лишь этапом, необходимым для возникновения желания выйти за пределы «Я». Фихте вводит диалектическое понимание границы и определения как субъекта ее познания абсолютно неограниченное в своих возможностях «Я». Граница находится там, где «Я» ее располагает⁷⁹. Хотя субъект, по Фихте, дан себе через самого себя и занят созерцанием самодеятельности и свободы, он

⁷⁷ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 599.

⁷⁸ Фихте И. Г. О понятии наукоучения // И. Г. Фихте. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7-64. С. 41-42.

⁷⁹ Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // И. Г. Фихте. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 65-337. С. 325.

носитель априорного нравственного закона, и лишь через посредство этого нравственного закона он замечает себя⁸⁰.

Противоречие между «Я» и «не-Я» на уровне сознания живет самостоятельной жизнью и, последовательно развиваясь, переходит на новые уровни рефлексии до тех пор, пока окончательно не разрешается при осознании человеком нравственного закона и следовании ему. В концепции Фихте свобода также нарушает причинность: «Я» полагает границу и выходит за ее пределы без какого бы то ни было основания. Ничто не является основанием акта, полагающего начало свободе⁸¹.

Трансцендентализм Ф.В.Й. Шеллинга, как и ригористическая этика Канта, демонстрируют отмеченную в параграфе 1.1. характерную черту социально-философского осмысления свободы в негативном ключе, через ее противоположность. Согласно Шеллингу, «свободно лишь то, что действует в соответствии с законами своей собственной сущности и не определено ничем ни в себе, ни вне себя»⁸². Человек, с точки зрения интеллигибельной сущности, действуя свободно, может действовать в соответствии со своей внутренней природой. Но действие может исходить из внутренней природы сущности только с абсолютной необходимостью, которая одновременно является абсолютной свободой.

Трансцендентальная свобода – настоящий объект негативной диалектики, как это показывает Т.В. Адорно в своей критике И. Канта. Согласно Адорно, Кантом, несмотря на заявленные трансцендентальную и практическую свободы, по сути, была предложена одна единственная форма свободы, а именно свобода как свобода сознания, способного в своей целостности проникать в социальную структуру. В трансцендентализме сознание начинает рассматриваться как

⁸⁰ Фихте И. Г. Второе введение в наукоучение // И. Г. Фихте. Соч. в 2-х т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7-64. С. 493.

⁸¹ Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с. С. 233.

⁸² Шеллинг В.Ф.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг В.Ф.Й. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Малахова. М.: Мысль, 1987. С. 86-158. С. 130.

фундаментальное основание процесса познания и его ключевым субъектом. Адорно критикует Канта прежде всего за то, что последний явным образом предпринимал многочисленные попытки сокрытия свободного импульса сознания и во имя сохранения свободы как таковой, в ее практическом и онто-гносеологическом аспектах принципиально рассматривает свободу сущностно, категорически избегая исследования свойства «быть свободным». Посредством трансцендентализма свобода настолько неразрывно сопряжена с необходимостью, что «вряд ли можно просто помыслить что-то отдаленно напоминающее свободу вне единства индивидуальной независимости и принуждения, как они диктуются разумом»⁸³.

В трансцендентальной модели Канта человек рассматривается свободным в той степени, в которой подвергает рефлексии собственную свободу и ее основания, видит себя сопряженным с этой свободой. В этом сопряжении, вместе с тем, человек вновь выступает как несвободный, по той причине, что теперь он подчинен не внешним многообразным формам природной и социальной детерминации, а детерминируется самой свободой, которая устанавливает над ним диктат. Обобществленное общество морального закона, в котором никто не способен совершить то, что действительно востребовано социумом, согласно Адорно, порождается именно трансцендентальной свободой⁸⁴.

Как результат, свобода настолько основательно определяется несвободой, что несвобода является условием самой свободы. Сам факт столь активной критики в адрес кантовской модели свободы говорит о ее актуальности и проявленности в обществе. То, что критикует Адорно, и есть парадигмальные основания трансцендентального понимания свободы: ее априорность, интеллигибельность, не сводимость к наличному так-бытию, предельная рациональность и, в конечном счете, ее парадоксальная

⁸³ Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с. С. 239.

⁸⁴ Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с. С. 268-269.

нормативность и обусловленность. И коль скоро трансцендентальная свобода есть априорная идея чистого разума, она есть основание разумной деятельности, но ее собственные основания разумом не выявляемы. Поэтому свобода не может быть результатом соглашения или договора, напротив, она условие всех социальных договоров.

Используя метод трансцендентального анализа, Кант пришел к выводу, что свобода может быть обнаружена не только теоретическим разумом, но и в сфере практического разума⁸⁵. Это сфера философии морали, права и политической философии. Метафизический вопрос о сущности человека есть вопрос о сущности человеческой свободы и тем самым — вопрос практической философии⁸⁶.

Кантовская практическая философия, как и теория познания в целом, базируется на начальных принципах, принятых *a priori*. Таким образом трансцендентальная парадигма строит аксиоматику свободы. Ее не интересует разнообразие форм проявления свободы или различие в степенях свободы, она адресуется к самоочевидным первопринципам как условиям свободы человека, не зависящим от естественной детерминации и даже превосходящим ее. Трансцендентализм полагает, что если имеют место рассуждения и представления о свободе, то свобода имеет свойство быть, по крайней мере, на ментальном уровне. Она существует как идеальный объект, и в этой роли она выступает объектом рефлексии — философской и нефилософской, то есть, определенно просматривается интеллигибельная или трансцендентальная природа свободы.

⁸⁵ Мишагин П.А. Феноменологическое прочтение практической свободы в системе трансцендентального идеализма И.Канта // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. Сборник тезисов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 18—20 апреля 2019 г.) / отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М.: Изд-во ГАУГН, Фонд ЦГИ, 2019. 371 с. С. 279-284.

⁸⁶ Мухутдинов О.М. Свобода и ответственность в феноменологии естественного морального сознания: пролегомены к феноменологии чистой воли // «Проблема ‘свобода vs. ответственность’» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. 192 с. С. 89-97. С. 91.

Хотя трансцендентальный подход связывает свободу с индивидуальным духом, все же она имеет общественную духовную природу. Трансцендентальный субъект сверх-индивидуален, его априорная «программа», т.е. априорные знания и суждения, обладают необходимостью и всеобщностью⁸⁷. Трансцендентальная свобода в ее практическом модусе одновременно есть и личная, и всеобщая свобода. Поэтому столь актуальной для социального дискурса выделение индивидуальных и коллективных форм бытия свободы не востребовано в трансцендентализме. Пафос реализации личной или коллективной свободы в обществе также снимается: свобода реализуема и как состояние отдельных индивидов или групп индивидов, и как установка сознания.

1.3. Трансцендентальная интерпретация свободы в социально-философской перспективе

От системы Канта берет свое начало трансценденталистская линия в философии, характеризующаяся смещением акцента с вопроса классической онтологии «что есть сущее?» на вопрос «как разум имеет доступ к сущему?» или «каковы условия познания сущего?». Трансцендентальными являются прежде всего те философские теории, которые наследуют априоризм в различных его проявлениях. Это теории, признающие доминанту разума и рассудка в человеческом существовании, причем основания разума не выводимы здесь из биологических или социальных предпосылок. Они предпосланы деятельности сознания, т.е. разум покоится на независимых от самого себя основаниях. Так, согласно В. Виндельбанду, опыт невозможен без общезначимых суждений⁸⁸. Последние же, в свою очередь, возможны лишь потому, что все акты

⁸⁷ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С.53.

⁸⁸ Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный анализ / Пер. с нем М. И. Левиной, Г. Сониной // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 7-19. С. 13.

сознания пронизывает трансцендентальный синтез, т.е. связанность элементов, кроющаяся в самих вещах и независимая от движений эмпирического сознания. Решительно все предметы опыта порождены этим общезначимым синтезом⁸⁹.

Признание априорных условий опыта – это принципиальный для трансцендентализма тезис⁹⁰. Последние могут трактоваться различно: как радикально, в духе идей Платона или декартовских «врожденных идей», так и более умеренно. Таким априори могут быть основания культуры – «символическое пространство» Э. Кассирера, набор онтологических допущений о мире У. Куайна, третий мир продуктов человеческого сознания в концепции «трех миров» К. Поппера, или же основания языка – «лингвистическое априори» Ч. Пирса, Л. Витгенштейна, К.-О. Апеля, концепция «языковых каркасов» Р. Карнапа, «идея концептуальной схемы» Д. Дэвидсона. Наконец, априори может пониматься как принцип развития истории. Так, априорным началом в философии Риккерта выступает исторический дух, ценностно упорядочивающий мир. Подобная позиция прослеживается в теории парадигм Т. Куна, теории эпистем или «историческом априори» М. Фуко⁹¹.

Как отмечал М. К. Мамардашвили, вся метафизика начиная с Канта переориентируется с трансцендентальных предметов на сам момент трансцендирования. Под трансцендированием М. К. Мамардашвили понимает способность преодолевать пределы и ограничения любого социума, любой идеологии и любой культуры. В его версии трансцендентализма темпоральные трансформации социума, социального

⁸⁹ Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный анализ / Пер. с нем М. И. Левиной, Г. Сониной // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 7-19. С. 10.

⁹⁰ Катречко С.Л., Владимиров П.А., Перепечина А.С. Современные образы трансцендентальной метафизики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 729-738.

⁹¹ Катречко С.Л. Ре-трансцендентализация современной философии: кантовская «идея трансцендентальной философии» // Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Круглые столы. Сборник научных статей. М.: Логос, ООО «Новые печатные технологии», 2020. 1250 стр. С. 11.

движения, идеологии и культуры не выступают детерминантами оснований человеческого бытия. Основаниями человеческого бытия здесь выступают трансцендентальные основания. Трансцендентальное при этом рассматривается «бесконечная форма всякой актуальности»⁹²: «Метафизика толкует об абсолютном, вневременном. Не в том смысле, что существует еще какой-то отдельный, абсолютный, вневременной мир – о нем мы не можем говорить в терминах существования, потому что, используя этот термин, мы говорим всегда о чем-то опытном – но в другом смысле. А именно – трансцендирования или трансцендентного. Это и есть основная метафизическая операция в философии»⁹³.

Рассматривая эволюцию трансцендентальной философии, А. Шуман отмечает, что существует три ее модели, а именно: классическая, неклассическая и постнеклассическая⁹⁴. Классическая модель, представленная Кантом, Гегелем, Фихте и Шеллингом, эксплицируется в системе метафизической логики, где подлинным опытом мышления оказывается логическая обработка эмпирического опыта посредством синтетических выводов. На неклассическом этапе этот подход наследует Гуссерль, для которого исходной трансцендентальной структурой является протекающее во времени сознание, конституирующее горизонт смысловой предметности.

У Фихте и Шеллинга априорные понятия уже не имеют строго логической природы, они приобретают ценностный характер. На неклассическом этапе баденская школа неокантианства продолжает выявление априорных оснований ценностных отношений. Она вскрывает общезначимые предпосылки разумной деятельности, они же основания культуры, затем элиминирует специфически человеческие,

⁹² Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 113-114, 223.

⁹³ Мамардашвили М. К. Введение в философию // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 7-154. С. 113.

⁹⁴ Шуман А. Трансцендентальная философия. Минск: Экономпресс, 2002. С. 13-19. А. Шуман относит к трансцендентальной философии рекордное число концепций, включая учения А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Л. Фейрбаха, М. Бубера, Р. Барта.

«эмпирические» предпосылки, выделяя всеобщую сверхэмпирическую необходимость самого разума как абсолютное априори, обладающее само по себе безусловной значимостью⁹⁵. Аналогичным образом Хайдеггер «открыл проективный характер всякого понимания и мыслил само понимание как движение трансцендирования, возвышения над сущим»⁹⁶. Виднейшим представителем трансцендентализма является Э. Гуссерль. Основанная им феноменология, направленная на анализ исходных структур сознания – главное, наряду с неокантианством, трансцендентальное направление современной философии.

Неклассический трансцендентализм ориентирован также на поиск априорных оснований математики, геометрии⁹⁷, исторических и естественных наук, последнее характерно для И.Ф. Гербарта и марбургских неокантианцев. Трансценденталистские мотивы были глубоко укоренены в некоторых течениях русской философии и широко развивались в ней как в условиях дореволюционной России, так и в русском зарубежье⁹⁸. Среди мыслителей, которые использовали эту методологию, следует, прежде всего, назвать В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. А. Лосского, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, С. И. Гесена, Ф. А. Степуна, Б. В. Яковенко. Исследуя широкий круг проблем онтологии, гносеологии, социальной философии, философской антропологии, каждый из этих мыслителей с той или иной степенью обоснованности рассматривал проблематику свободы, опираясь на собственные методологические позиции, содержащие в себе существенные моменты трансцендентализма.

⁹⁵ Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный анализ / Пер. с нем М. И. Левиной, Г. Сониной // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 7-19. С. 11-12.

⁹⁶ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 376 с. С. 311.

⁹⁷ Husserl E. Philosophie der Arithmetik: Logische und psychologische Untersuchungen, 2nd edn // Husserliana, Bd. 12. Hrsg von H. L.van Breda. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1970. 585 p.; Husserl E. Die Frage nach dem Ursprung der Geometrie als intentional-historisches Problem: Mit einem Vorwort von Eugen Fink // Revue internationale de philosophie. 1939. Volume 1 (2). Pp. 203-225.; Фреге Г. Основоположения арифметики: Логико-математические исследования о понятии числа / вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. Томск: Водолей, 2000. 128 с.

⁹⁸ Мишагин П.А. Онтологизация свободы в русской религиозной философии // «Проблема 'свобода vs. ответственность'» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. 110 с. С. 43-49.

Последний этап трансцендентализма разворачивается на фоне лингвистического поворота. Возникает трансцендентальная прагматика, рассматривающая новую сферу априорных понятий, отвечающих за логическую структуру коммуникативных общностей или «языковых игр». На неклассическом этапе трансцендентальная философия сближается с современными логическими и социологическими теориями, приобретающими форму общей теории дискурса: априорные идеи рассматриваются уже не в онтологическом ключе, как проводники трансцендентных принципов, а скорее как логическая мера информации или вероятности⁹⁹.

Данный исторический обзор проливает свет на то, каким образом проблема свободы в ее социальном, нормативном и правовом аспекте становится актуальной частью философии трансцендентализма. Для целенаправленности исследования, следует выделить принципиальные черты трансцендентального подхода, в русле которых разворачивается дискурс свободы.

С.Л. Катречко полагает, что идея трансцендентальной философии выражается в двух трансцендентальных сдвигах, методологическом и метафизическом. Первый из них, который постулируется Кантом в его дефиниции трансцендентальной философии представляет собой сдвиг от изучения предметов к исследованию априорных условий нашего познания. Метафизический трансцендентальный сдвиг связан с концептуальным расщеплением исходного предмета познания на вещь-саму-по-себе и предмет опыта, т.е. явление. Этот сдвиг выражается в трансцендентальной триаде «предмет (вещь-сама-по-себе) – явление – представление», в которой явление опосредует отношение объективного предмета и субъективного представления¹⁰⁰. Таким образом суть трансцендентализма

⁹⁹ Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. Минск: Экономпресс, 2002. 416 с. С. 18.

¹⁰⁰ Katrechko S. Transcendentalism as the Special Type of Philosophizing and the Transcendental Paradigm of Philosophy // *Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 1073-1082.

заключается в том, что 1. сознанию даны не сами объекты, а априорные принципы их доступности; 2. в классическую для философии Нового времени двухчленную схему познания «Субъект — Объект» вторгается третий член. Это опыт (Erfahrung) или явление (Erscheinung, Phänomen) как результат взаимодействия субъекта и объекта в ходе познания.

Применительно к проблеме свободы это означает, что она будет рассматриваться в трансцендентализме не как объект или объективное положение дел, но и не как субъективное состояние агента. Будучи трансцендентальной идеей, она не будет иметь также статуса явления, феномена. Тем не менее, Кант, введя понятие свободы в отделе «Трансцендентальная диалектика» «Критики чистого разума» в качестве одной из идей разума, в то же время различал трансцендентальную и практическую свободу.

Согласно А.А. Мёдовой¹⁰¹, трансцендентализм есть мышление, постоянное удерживающее в поле внимания наличие вещей самих по себе, безотносительно их данности разуму. Они исходит из идеи объективного существования, не имеющего природу разума и не когерентного ему. Главный вопрос этой философии — это вопрос «как возможно трансцендентальное знание?», т.е. «знание о том, что какие-то представления вообще не имеют эмпирического происхождения и, тем не менее, могут a priori относиться к предметам опыта»¹⁰². Действительно, «идеи» чистого разума, по мысли И. Канта, не только, подобно категориям рассудка, не зависят от опыта, но, более того, ничто в природе или в явлениях опыта не может соответствовать идеям разума, быть их «объектом» или «предметом». Кантовские идеи разума — это

¹⁰¹ Мёдова А.А. К вопросу о трансцендентальной корреляции разума и реальности: онтологический ракурс // Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа трансцендентальной философии. Сборник тезисов международного научного семинара (Москва, 19-22 апреля 2018 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. Москва: Фонд ЦГИ; ГАУГН-Пресс, 2018. 220 с. С. 52-54.

¹⁰² Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 145.

«необходимые понятия разума, для которых в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет»¹⁰³.

Таким образом от трансцендентализма неотъемлема парадоксальность, связанная с проблемой корреляции разума и реальности. Если исходить из того, что разум и внешнее ему бытие представляют собой две разнородные реальности, парадоксальной представляется способность разума фокусироваться на бытии, предположительно не содержащим в себе принципы своей данности разуму. Это парадокс когерентности: субъективные условия мышления должны иметь объективное значение в том случае, если они выступают условиями возможности познания предметов¹⁰⁴. Иными словами, если свободе в природе или в явлениях опыта «не может быть дан никакой адекватный предмет», каким же образом люди в социальной жизни руководствуются принципами свободы, отстаивают их, получают свободу, оценивают степень свободы и т.п.? Почему наделение свободой или ее ограничение является одним из эффективных механизмов организации социальных отношений? Трансцендентальная свобода парадоксальна. Согласно Э. Агацци, свобода есть нечто такое, что не происходит и не длится само по себе, из внутренней необходимости объективного мира. Она как бы устанавливается усилием воли. В формально-логическом описании мира не места свободе: если все либо необходимо, либо равновозможно, свобода либо невозможна, либо равна случайности¹⁰⁵.

Парадоксальность свободы есть по сути парадоксальность разума, связанная с его иноприродностью феноменальному миру и потому

¹⁰³ Кант И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с. С. 493.

¹⁰⁴ Мёдова А.А. Постулаты модальности Канта и перспектива трансцендентализма // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред. А.М. Фейгельмана. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 313-317. С. 315.

¹⁰⁵ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. №2. С. 24-35. С. 32.

инодетерминированностью¹⁰⁶. Эта идея принципиально важна для построения трансцендентальной парадигмы. В ходе исторического развития трансцендентализма она не только была глубоко осознана, но и стала объектом преодоления. Почти одновременно с деятельностью Канта начала вырисовываться противоположная эпистемологическая перспектива: в естественно-научных штудиях Гете, в трудах Шиллера, Шеллинга, Гегеля, Кольриджа, Эмерсона, Р. Штайнера проводится мысль о том, что связь человеческого разума с миром носит характер отнюдь не враждебной раздвоенности, но сопричастности¹⁰⁷. Возникает тенденция сглаживания «трансцендентального сдвига», которая прослеживается до настоящего времени. В поздних версиях трансцендентализма априорные основания разума могут не быть явно зафиксированы. Разум предстает как обусловленный внешними факторами, например, речевым поведением, направленным на достижение рационально-мотивированного согласия, как это имеет место в концепциях Апеля и Хабермаса¹⁰⁸.

Но по сути своей, как указывает Р. Тарнас, эта, внешне весьма отличная от трансцендентального идеализма альтернативная концепция не противостоит трансценденталистской эпистемологии, но, будучи более широкой по своему содержанию, вбирает ее в себя. Субъективные принципы, которые показал Кант, и которые служат ступенями познания мира, осмысливаются в трудах последующих мыслителей как выражение «собственного бытия мира, а человеческий разум, в конце концов, является инструментом самораскрытия мира»¹⁰⁹.

Обратимся к особенностям экспликации свободы в трансцендентализме. Сначала мы зафиксируем особенности

¹⁰⁶ Катречко С.Л. Свобода как осознанная необходимость: трансцендентальная трактовка тезиса (И. Кант, Н. Гартман) // «Проблема 'свобода vs. ответственность' в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. 110 с. С. 30-35.

¹⁰⁷ Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с англ. Т. А. Азаркович. М.: Крон-пресс, 1995. 448 с. С. 368.

¹⁰⁸ Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. Минск: Экономпресс, 2002. 416 с. С. 19.

¹⁰⁹ Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с англ. Т. А. Азаркович. М.: Крон-пресс, 1995. 448 с. С. 368.

трансцендентального понимания свободы, определившие магистральные линии современного социально-философского дискурса свободы, выделенные в параграфе 1.1. Затем мы акцентируем специфические моменты трансцендентальной свободы, определившие, как будет показано во второй главе, ряд существенных моментов современного нормативно-правового дискурса и правовых практик.

Трансцендентальная свобода рациональна: рационалистическая линия в трактовке свободы происходит из трансцендентализма. Априорные основания свободы укореняют ее в разуме человека как идею, предшествующую его деятельности. Поэтому все представления о свободе имеют исключительно последовательный, объяснимый и выводимый характер. Ярким представителем современного трансцендентализма и нормативности в этике является Дж. Раз. Он исходит из универсального принципа: (1) «благо других» касается блага существ, обладающих рациональными способностями, в широком смысле такими же рациональными способностями, которыми обычно обладают взрослые люди, и (2) то, что хорошо для них, определяется отчасти их способностью делать то, на что у них есть основания¹¹⁰. В духе Канта, Дж. Раз ищет универсальные основания, которые могли бы быть призваны вескими для вмешательства в жизнь других людей ради увеличения их блага, учитывая, что все люди обладают рациональными способностями, а их свобода и ее последствия проявляют эти рациональные способности.

Если исходить из того, что поступки и выбор людей определяет их прошлый опыт; чтобы их прошлый выбор правильно определял, что для них хорошо, этот выбор должен был быть сделан свободно или свободно одобрен ими в более позднее время. Таким образом Дж. Раз приходит к следующему: чтобы защищать или продвигать то, что хорошо для людей,

¹¹⁰ Raz J. *The Roots of Normativity*. Edited with an Introduction by Ulrike Heue. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p. P. 279.

нужно уважать и защищать их свободу выбора того, что делать, поскольку впоследствии это повлияет на их мотивы.

Стоя на позициях последовательного рационализма, Дж. Раз формулирует принцип признания: когда у нас есть причины действовать на благо других, эти причины не обязательно являются причинами сделать их жизнь лучше. Они включают в себя причины для поощрения проявления разумности людей и их права самим определять свое будущее. Принцип признания подразумевает, что во многих случаях у нас есть основания позволять другим преследовать цели по их выбору, даже если этот выбор делает их жизнь менее хорошей. Выходит, что, защищая их способность и свободу выбора, а не заставляя их делать другой, лучший выбор, мы позволяем их жизни быть хуже, чем она могла бы быть.

Как ни парадоксально это звучит, но последовательное рациональное понимание свободы в трансцендентальном ключе приводит именно к этому выводу. Уважение и участие в жизни человека предполагает, согласно Дж. Разу, дать ему право на ошибку, не ограничивая его свободу. «Таким образом мы позволяем другим делать выбор, то есть наслаждаться условиями, делающими выбор осмысленным и генерирующим разумность (reason-generating) для тех, кто его сделал»¹¹¹.

Трансцендентальная свобода универсальна, это общечеловеческое достояние и показатель изначального равенства людей, поэтому у такой свободы не может быть множественного числа. Нетрансцендентальный подход к свободе мы находим в Античности, Средних веках, Возрождении, когда она понималась как выражение силы, привилегия, льгота или дарованное благо, исходящее от власть имущего, как в случае, когда раба или пленника отпускали на волю. Освобождение само не было актом

¹¹¹ Raz J. The Roots of Normativity. Edited with an Introduction by Ulrike Heue. Oxford: Oxford University Press, 2022. 306 p. P. 285.

свободы и не приравнивало освобожденного к тем, кто принадлежал к группе свободных людей изначально¹¹².

И, тем не менее, уже на этом историческом этапе начинает формироваться трансцендентальная парадигма. Согласно античному праву, у свободного человека, в отличие от несвободного, нельзя было отнять собственность или заключить его в тюрьму иначе, чем по закону¹¹³. То есть, подчинение законам было признаком свободы, в отличие от подчинения личной воле частного лица, и в том числе насилию со стороны хозяина¹¹⁴. Это довольно близко к трансцендентальной трактовке свободы у Канта, где последняя есть способность подчиняться ноуменальным принципам морального долга.

Свобода понимается в трансцендентальной парадигме как сущностное качество человека, а именно как его самодетерминация. Идея о том, что универсализм и всеобщность суть неотъемлемые признаки свободы, унаследована социально-политической мыслью из трансцендентальной философии. Так мыслить свободу возможно, только если исходить из того, что она, будучи априорным условием бытия человека в его человеческом качестве, не обнаружима на феноменально-эмпирическом уровне. Универсалистской установке противостоят исторические трактовки свободы, например, понимание ее как привилегии, в духе социальной мысли Средних веков и Возрождения¹¹⁵. В данном подходе свобода не имеет априорного надысторического статуса, а,

¹¹² Zelnick-Abramovitz R. Freed slaves, their status and state control in Ancient Greece // *European Review of History*. 2009. Volume 16. Issue 3. : Slavery, Citizenship and the State in Classical Antiquity and the Modern. P. 303-318. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13507480902916779> (Дата обращения: 08.07.2022).

¹¹³ Bradley K. The Bitter Chain of Slavery // *Dialogues D'histoire Ancienne*. 2015. Vol. 41/1. No. 1. 2015. P. 149-176; Reid J.N. The children of slaves in early Mesopotamian laws and edicts // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. 2017. Vol. 111. Issue 1. P. 9-23.

¹¹⁴ Если травмы рабу наносились лицом, не являющимся его хозяином, в римском праве это считалось преступлением. См.: Wehus Glenn Øystein. Freedom, Slavery, and Self in Epictetus // *Teologisk Tidsskrift*. 2019. Volume 8 (04). Pp. 227-242. P. 232.

¹¹⁵ Kadens E. The Medieval Law Merchant: The Tyranny of a Construct // *Journal of Legal Analysis*. 2015. Volume 7. Issue 2. P. 251-289; Takezawa Y. Racialization and discourses of "privileges" in the Middle Ages: Jews, "Gypsies", and Kawaramono // *Ethnic and Racial Studies*. 2020. Volume 43. Issue 16. P. 193-210.

напротив, является индикатором и одновременно фактором культурного опыта.

В отличие от современных либеральных систем, где свобода выводится из многообразных проявлений индивидуализма и в конечном счете сводится к свободе выбора в процессе потребления¹¹⁶, трансцендентальная свобода в корне отлична от индивидуального производства: частные эгоистические интересы (мотивы) индивида не могут выступать ни каузальными ни материальными основаниями свободного поступка. Этот тип свободы И. Берлин называет «позитивной»: суть ее в господстве человека над самим собой, когда сознание его расщепляется на источник желаний и трансцендентного контролера¹¹⁷. Согласно трансцендентализму Канта, свободное действие предполагает выход индивидом за рамки своих эгоистических природных склонностей, полагая которые в основания своей деятельности индивид и включается в ряд природной детерминации и действует в силу естественной необходимости.

Свободной волей в трансцендентализме считается воля, изначально действующая в универсальном горизонте всемирности мира, поскольку она не связана ни воздействием способности желания, ориентированной на внешние объекты, ни воздействием воли других разумных существ¹¹⁸. Каков же источник самодетерминации разума в трансцендентальной парадигме? С одной стороны, сознание определяется извне, «физиологией и социальной необходимостью, целесообразностью, обстоятельствами, профессией и характером»¹¹⁹. С другой стороны – сознание определяется,

¹¹⁶ Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 19; Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. 280 с. С. 28-32.

¹¹⁷ Berlin Isaiah. Two Concepts of Liberty // Berlin Isaiah. Liberty. Ed. by Henry Hardy. With an essay on Berlin and his critics by Ian Harris. Oxford, England: Oxford University Press, 2002. XXXIV+ 382 p. P. 181.

¹¹⁸ Мухутдинов О.М. Свобода и ответственность в феноменологии естественного морального сознания: пролегомены к феноменологии чистой воли // «Проблема 'свобода vs. ответственность'» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. 192 с. С. 89-97. С. 96.

¹¹⁹ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с. С. 321.

самодетерминируется, свободой воли, понимаемой как свобода определять направленность собственной жизни, как способность корректировать собственную судьбу, как возможность трансформировать социальное положение и тому подобные вещи, которые так или иначе связаны с «последними вопросами бытия»¹²⁰. Каждый поступок, совершенный человеком как социальным существом представляет собой синтез внешней детерминации и самодетерминации, которые между собой находятся в антагонистическом отношении. В этом смысле, сущностью человеческого сознания, детерминирующим структуру его активности выступает свобода. Всякий осознанно реализуемый индивидуумом поступок, всегда выступает синтетическим, одномоментно представляя собой действие, имеющие внешние формы своего выражения, и действие сугубо внутреннее, представляющее собой рефлексивный поступок, направленный на свой мир в его трансцендентальном, а не сугубо феноменально-эмпирическом проявлении, ориентированный на «решение последних вопросов бытия»¹²¹. По этому поводу В.С. Библер отмечал, что «свет сознания гаснет, ослабевает, действия автоматизируются в зоне «обстоятельств». Свет этот крепнет и возжигается разумом (так формируется сам феномен сознания) в зоне «последних вопросов бытия»¹²².

Здесь вновь проступают особенности трансцендентальной парадигмы: вопросы, неразрешимые для релятивного или инструментального понимания свободы, не актуальны в ней, в том числе в силу того, что она чужда негативному пониманию свободы. Необходимость ограничения личной свободы субъекта в обществе очевидна. Но каким в таком случае должен быть «минимум свободы», пределы которого нельзя перейти? Гуманизм утверждает, что это то, «от чего человек не может

¹²⁰ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с. С. 321.

¹²¹ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с. С. 321.

¹²² Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с. С. 321.

отказаться, не оскорбив сущность своей человеческой природы»¹²³. Вопросы о том, что это за сущность и каковы стандарты свободы, которые она влечет за собой, представляются не разрешимыми. Альтернативный путь – такое понимание свободы, которое их исключает. Это путь трансцендентализма, несмотря на то, что свобода также провозглашается здесь неотъемлемым на уровне конституции сознания качеством человека.

Трансцендентальное понимание свободы как самодетерминации вскрывает противоречие, фундирующее важнейшее различие, оформившееся в современном мировом сообществе. Это противоречие между двумя пониманиями свободы – релятивной «практической» свободой, как она понимается во Freedom Index by Country¹²⁴, и трансцендентальной нормативной свободой, как она представлена во Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года¹²⁵. С одной стороны, свобода человека должна предполагать наличие у него возможностей, в том числе экономических, образовательных, потребительских. С другой стороны, уже почти столетие идет речь о кризисе общества потребления. Современный человек практически свел свое действительное бытие к обладанию: обладанию вещами, материальными и духовными ценностями, чувствами, отношениями, посредством присваивания их потребительским образом¹²⁶. Очевидно, что обладание и потребление не делают человека свободным, скорее их можно описать как формы социально-экономической зависимости.

Все сторонники трансцендентальной трактовки свободы, полагают, что действительное бытие человека – это не покорение внешней формы, а

¹²³ Berlin Isaiah. Two Concepts of Liberty // Berlin Isaiah. Liberty. Ed. by Henry Hardy. With an essay on Berlin and his critics by Ian Harris. Oxford, England: Oxford University Press, 2002. XXXIV+ 382 p. P. 173.

¹²⁴ Freedom Index by Country 2022 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/freedom-index-by-country> (Дата обращения: 08.07.2022).

¹²⁵ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года (полный текст). URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version-> (Дата обращения: 08.07.2022).

¹²⁶ Hardwig J. Ownership, Possession, and Consumption: On the Limits of Rational Consumption // Journal of Social Philosophy. 2015. Volume 46. Issue 3. P. 281-296.

присвоение себе внутренней сущности вещей. Трансцендентализм полагает, что быть свободным – это, прежде всего, быть продуктивным существом, творчески возделывать отношения между людьми, оптимизировать мир, опираясь на гуманистические ценности. От знаний, мудрости, доброй воли человека, его деятельности, нацеленной на жизнеутверждающие ценности, полностью зависит полноценность его жизни и его свобода. Этому возвышенному, но абстрактному пониманию свободы противостоит релятивная позиция: быть свободным – это значит иметь доступ к социальным благам и возможность пользоваться всеми правовыми и экономическими инструментами. Мы можем констатировать, что противостояние негативного и позитивного понимания свободы, которое И. Кант некогда зафиксировал в понятиях «свобода от» и «свобода для»¹²⁷, продолжается по сей день.

Представление о свободе как о самодетерминации неотделимо от всех социальных практик, от образования и воспитания до судебного преследования. В определенной мере судебные практики учитывают действие внешних сил, физиологию и социальную необходимость, целесообразность, профессию и характер, правда, зачастую только как сопутствующие, дополнительные, а не ключевые факторы. К примеру, убийство по неосторожности все равно квалифицируется как убийство.

Свобода есть абсолютная ценность как личности, так и обществ.

Обращает на себя внимание высокое значение идеи свободы в современном обществе на фоне неочевидности признаков собственной свободы для каждого отдельного индивида. Для современного человека, живущего в мире социальных норм и естественного детерминизма, представляет трудность объяснить, каким образом и в чем он свободен. Но этот факт не является препятствием для того, чтобы он продолжал считать себя свободным. Генезис такого положения дел коренится, безусловно, в

¹²⁷ Saunders J. Kant and the Problem of Recognition: Freedom, Transcendental Idealism, and the Third-Person // International Journal of Philosophical Studies. 2016. Volume 24. Issue 2. P. 164-182.

истории человеческой культуры и в истории идей. Проливает свет на этот парадокс именно оформление парадигмы трансцендентализма, если понимать ее в широком смысле как полагание трансцендентного, придание ему ценности, повлекшее за собой оформление оппозиции сущего и должного и т.п.

Трансцендентальное является неотъемлемой частью человеческой культуры и сопровождает ее на протяжении всей истории ее развития. Человек представляет собой существо, постоянно направленное в сферу должного, то есть существо, которое трансцендирует¹²⁸. Свобода признается всегда как то, что «должно быть». Рассуждение с точки зрения «так должно быть» является рассуждением с позиции ценностей, т.е. аксиологическим. Наука, как известно, избегает ценностных суждений, уже отсюда следует, что свобода человека с трудом превращается в научный объект. Следует признать, что свобода не может быть осмыслена ни естественными, ни социальными науками. Она может лишь приниматься как данное в контексте личного опыта, либо концептуализироваться в рефлексии. Именно так работают с проблемой свободы все формы трансцендентализма, претендующие на достижение более глубокой и более радикальной объективности, чем уровень интерсубъективности, достигаемый науками¹²⁹.

Свобода имеет модус высшей ценности в культуре не только потому, что у человека есть глубинное стремление к свободе¹³⁰. Ее трансцендентальность – обратная сторона ее ценности, поскольку сама идея ценности трансцендентна. Конституирование ценности сознанием является одной из тем феноменологии. Гуссерль отмечает, что очевидная данность предметности мира или идей разума сама есть ценность, и ее

¹²⁸ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. №2. С. 24-35. С. 32.

¹²⁹ Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. №2. С. 24-35. С. 33.

¹³⁰ Последнее утверждение не общепризнано, оно ставится под сомнение в трудах Ф. Ницше, Э. Фромма и рядом других авторов, однако, в этом моменте указанные авторы расходятся с трансценденталистской парадигмой, в силу чего, подобные не-трансценденталистские представления не рассматривающие свободу как ценность и высшую ценность, в настоящей работе рассматриваться не будут.

оценка – это не просто оценка стоимости. Любая ценность, сообщаемая вещам, есть окончательная ценность, которую создает интенциональное сознание. Точно так же и свободное устремление, воля, направленная к очевидным данностям, есть осуществлённая воля. Она не имеет ничего общего с антиципацией, т.е. предвосхищением, предугадыванием, представлением о предмете или событии, возникающим до акта их восприятия. Самость или самоценность себя мотивирует свободную волю, побуждает «Я» стремиться к реализации, но еще до этого оно должно принять стойкое решение вообще стремиться к чему-то подобному. Ценности не являются объективными, они не находятся в феноменальном мире, поскольку иначе должно иметь место полагание бытия с его ценностями, а затем уже полагание бытия в модусе «я», как осваивающего ценности. Но это был бы бесконечный регресс. Ценности лишь постоянно предконституированы, но всегда еще не положены как объективное бытие: «Где бы я ни совершал действие, меня определяет (мотивирует) ценностная позиция, а не ставшая объективной ценностью»¹³¹.

Трансцендентальная свобода нормативна.

Нормативные принципы – это высказывания о нормативных феноменах: причинах, значимостях, ценностях, ответственности, праве¹³². Заявление строго нормативно, если оно утверждает универсальное или универсализируемое обязательство, которое, следовательно, выходит за рамки любой конкретной практики¹³³. Согласно нормативному подходу правила и нормы, например, свобода каждого человека и тому подобное, рассматриваются как состоявшийся факт в мире.

Под нормативностью в контексте данного исследования мы понимаем долженствование и императивность, всеобщую и

¹³¹ Husserl E. Studien Zur Struktur des Bewusstseins : Teilband III Wille und Handlung Texte Aus Dem Nachlass (1902-1934). Herausgegeben von Ullrich Melle und Thomas Vongehr. Cham: Springer, 2020. 566 s. S. 137.

¹³² Raz, J. From Normativity to Responsibility. Oxford: Oxford University Press, 2013. 281 p. P. 143.

¹³³ La Torre Massimo. Law And Morality: A Modest Assessment // H. Pauer-Studer (ed.). Norms, Values, and Society. Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 113-129. P. 115.

универсальную обязательность¹³⁴, то есть, трактуем нормативность в интенциональном ключе культуры правил предложенном И.Д. Невважаем¹³⁵ и также опираемся на общие представления о нормативности, сформулированные С. Финли¹³⁶.

Согласно трансцендентализму, человек живет в тесной связи с природой, но, благодаря своей рациональности, он отрывается от целостной жизни природы. Он должен переступить свои естественные границы, выйти за регулируемый природой ход событий, с необходимостью трансцендировать, преодолевать себя. Причем такой выход за рамки, как подчеркивает М. К. Мамардашвили, является необходимым шагом в поиске новой опоры: «обретя эту трансцендирующую позицию, человек получает возможность овладеть чем-то в себе, то есть установить какой-то порядок»¹³⁷. Именно поэтому человек в том, что называется свободой мысли и творчества или внутренней свободой, находится в особой в точке соединения, можно сказать в своего рода «точке сборки», в пункте установления нормативности.

К. Ясперс¹³⁸ характеризует трансцендентальную свободу как то, в чем, с помощью послушания значимым нормам, человек находит себя свободным как самость. Классический трансцендентализм явно проявляется в мышлении Ясперса; свободу он представляет как форму познания. В противоположность чисто пассивному знанию, свобода

¹³⁴ Мишагин П.А. Нормативность и свобода в трансцендентализме // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7-9 июня 2021 г.) / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. 588 с. С. 177-185. С. 180-181.

¹³⁵ Невважай И.Д. О двух типах нормативности // Мир человека: нормативное измерение – 2: сборник трудов Международной научной конференции (Саратов, 29-30 апреля 2010 г.). Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. 288 с. С. 37-44.

¹³⁶ Finlay S. Defining Normativity // D. Plunkett, S. Shapiro, K. Toh (Eds.) Dimensions of Normativity: New Essays on Metaethics and Jurisprudence. Oxford: Oxford University Press, 2019. URL: https://dornsife.usc.edu/assets/sites/1292/docs/Defining_Normativity.pdf (Дата обращения: 02.09.2022).

¹³⁷ Мамардашвили М. К. Введение в философию (Раздел: Трансценденция и бытие) // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 214-228. С. 24.

¹³⁸ Несмотря на знаменитый тезис Сартра о том, что существование предшествует сущности, во многих экзистенциальных концепциях прослеживаются признаки трансцендентализма.

активна. «В ней содержатся свобода познания и свобода произвола. Как без них обоих не может быть подлинной свободы, так не может быть свободы без закона»¹³⁹. Ясперс парадоксальным образом отождествляет свободу и с произволом, и с законом. Для Канта связь свободы с законом мыслится более последовательно: человек, имея в силу разумности отношение к сверхэмпирическим основаниям бытия, свободен подчиняться законам более высокого уровня, нежели законы физического мира. Логика здесь практически такова же, что в греческом и римском праве: свободный человек в отличие от раба подчинялся всеобщим государственным законам, раб же подчинялся произволу хозяина. То есть, свобода есть лишь более высокий уровень соподчинения.

Таким образом, трансцендентальная парадигма устраняет вопрос, сложный и актуальный для либерального мышления: если верно то, что свобода одних иногда должна ограничиваться, чтобы обеспечить свободу других, то по какому принципу это должно быть сделано? Если свобода священна, и она есть неприкосновенная ценность, такого принципа быть не может. Трансцендентальная парадигма окончательно связывает свободу с нормативностью и доводит рефлексию этой связи до логического завершения. Не существует проблемы, каким образом ограничить трансцендентальную свободу ради блага других, поскольку свобода мыслится не как произвол, а как трансцендентальный принцип всех наших действий, задающий социальные нормы.

Нормативность свободы обусловлена ее включенностью в область морали. Трансцендентальную интерпретацию морали предлагает Массимо ла Торре: мораль как сильная нормативная и рефлексивная установка не может быть выведена из любого нерелексивного поведения, такого как, например, социальные закономерности или достигнутые договоренности.

¹³⁹ Jaspers K. Philosophie. Bd. II. Berlin: Springer, 1956. 440 s. S. 178.

Мораль превосходит любое действительное положение вещей или фактическую ситуацию и поэтому не может быть выведена из него¹⁴⁰.

Важно также и то, что в трансцендентальной парадигме свобода не инструментальна. В своей знаменитой речи о двух понятиях свободы И. Берлин задается вопросом: что такое свобода для тех, кто не может ею воспользоваться? В чем ценность свободы без адекватных условий для использования свободы? Рассуждая о негативной свободе, он приходит к выводу о том, что индивидуальная свобода не является главной потребностью каждого¹⁴¹. Однако, с точки зрения трансцендентальной парадигмы, свобода – это не инструмент, которым можно воспользоваться; она есть сущностная потребность каждого.

Теперь обратимся к специфическим маркерам трансцендентальной свободы. Первый из них уже упоминался: свобода не может быть обнаружена как эмпирический феномен¹⁴².

С точки зрения трансцендентализма, свобода не есть некоторое объективное качество или состояние, она не есть также социальная практика: нельзя сказать, что человек когда-либо занимается свободой или упражняется в свободе. Свобода есть трансцендентальное условие человечности человека. С этой точки зрения становятся понятны трансцендентальные корни экзистенциальных учений, отождествляющих человеческое существование со свободой или обрекающих человека на свободу¹⁴³. Экзистенция не может быть обнаружена и верифицирована среди предметного мира (предметов окружающего, наличного, феноменально-эмпирического мира), поскольку экзистенция и есть свобода. Именно в свободе коренится бытие самости (Selbst). На этом

¹⁴⁰ La Torre Massimo. *Law And Morality: A Modest Assessment* // H. Pauer-Studer (ed.). *Norms, Values, and Society*. Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 113-129. P. 114.

¹⁴¹ Berlin Isaiah. *Two Concepts of Liberty* // Berlin Isaiah. *Liberty*. Ed. by Henry Hardy. With an essay on Berlin and his critics by Ian Harris. Oxford, England: Oxford University Press, 2002. XXXIV+ 382 p. P. 171.

¹⁴² Мишагин П.А. Свобода как невозможный опыт: реализм И. Канта // После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. 769 с. С. 694-697.

¹⁴³ Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2015. 160 с. С. 54.

положении покоится крайне значимое для Ясперса представление-дихотомия: «или человек как предмет исследования – или человек как свобода»¹⁴⁴. Предметное изучение человека, трансформация человека в предмет познания социальных наук (психологии, антропологии, социологии, политической экономии) с необходимостью предопределяет выведение за рамки, исключение из теоретического поиска и рассмотрения его экзистенции, понимаемой как свобода. Социальные последствия этой идеи трудно переоценить.

Внеэмпиричность трансцендентальной свободы может осмысливаться различным образом. Если для Платона свобода есть эйдос¹⁴⁵, для Канта – априорное знание и ноуменальная сущность, то для Ж.-П. Сартра – ничто. Последний проясняет онтологические оснований сущего с помощью анализа категорий «бытие» и «небытие» и связанной с ними человеческой свободы¹⁴⁶. Это дало основания говорить о неантизирующей модели сущности человека, представленной в философии Сартра. Отличительной особенностью человека, согласно этой модели, является способность отрываться от данного, т.е. от объективно наличного бытия и автономно проектировать несуществующее.

В соответствии со своим проектом, неантизирующим и трансцендирующим наличное, человек определенным образом артикулирует сущее, превращает его в «мир», «ситуацию», «конкретное»¹⁴⁷. Открывая сущее, сознание вместе с тем отрицает, «неантизирует» его, становясь пустотой, «ничто»¹⁴⁸. Проектируя себя во внешнее, сознание пытается избавиться от случайности своего фактического «существования

¹⁴⁴ Jaspers K. Der philosophische Glaube angesichts der christlichen Offenbarung // Jaspers K. Gesamtausgabe. Band 13 / Herausgegeben von Bernd Weidmann. Muttensz; Basel: Schwabe Verlag, 2016. 625 s. S. 50.

¹⁴⁵ Rakhimjanova D.S. The Emergence and Transformation of the Term Freedom, Studied in the Philosophy of Antiquity // ACADEMIC RESEARCH IN EDUCATIONAL SCIENCES. 2021. Volume 2. Issue 3. P. 603-613. P. 606.

¹⁴⁶ Сартр Ж. П. Бытие и ничто / Пер. с французского В.И. Колядко. М.: Издательство АСТ, 2020. 1072 с.

¹⁴⁷ Мёдова А.А. Автономно-рационалистическая модель человеческой сущности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия. Великий Новгород, 2006. С. 68.

¹⁴⁸ Вострова Г.А. Неантизирующая способность сознания в феноменологии творчества раннего Сартра // Г.А. Вострова / Философия и современность. 2014. № 4. С. 63-71. С. 65.

без основания» и обрести твердую почву в имеющейся текучести и изменчивости. Находя такие основания, сознание становится свободным. Свобода, таким образом, является автономией, самозаконностью, то есть, способностью определяться в мире голой фактичности, добавляя существу смысл актом своего самоопределения. Сознание становится сознанием-для-себя. Здесь оформляется традиционно фиксируемый в трансцендентальной парадигме разрыв каузальных связей внешнего бытия, «трещина», «дыра в бытии» и, одновременно с этим, возникновение в этом разрыве свободного, т.е. нормативного или морального порядка. Свобода как сознание становится «безосновным основанием» бытия, ядром всех связей и отношений в мире. Одновременно с этим человеческая свобода предполагает понимание своей безосновности, открытости и личной ответственности за подобную ситуацию и, вместе с тем, за все, что происходит в мире. Она становится синонимом полной ответственности.

Второй важный специфический маркер трансцендентальной свободы таков: Свобода есть сущностное качество человека как его сверхдетерминация, как выход из естественной каузальности.

Закономерность, порождаемая трансцендентальной свободой – это «сверхъестественная» закономерность. Трансцендентальная парадигма провозглашает «денатурализацию» человека. Эта тенденция отчетливо прослеживается в феноменологии. Главным врагом критической феноменологии, как отмечает Д. Лохмар, является натурализация человеческого субъекта и тезис о всеобщей причинности, составляющий основу научного описания действительности. Если следовать идее и методу феноменологического эпохэ, то «несмотря на нашу высокую оценку науки в целом, мы должны на систематических основаниях настаивать на том, чтобы наука и все ее идеализации также

рассматривались как часть общих верований, т.е. как культурное образование»¹⁴⁹.

Трансцендентализм – это главная оппозиция физикализму в современной философии. Он наследует историческому Просвещению, противостоявшему политическому патернализму и догматическому религиозному мышлению. Сегодня обновление идеи рационального самоопределения уже на новых позициях противостоит натурализации субъектов, т. е. переносу физикалистских идеализаций на человека. Как мы покажем во второй главе, эта линия преобладает в правовых системах.

С точки зрения феноменологии, практическая свобода – это возможность тематизации горизонта всемирности, когда возникают отношения между конечными горизонтами личного мира конкретного индивидуума и универсальным горизонтом всемирности мира¹⁵⁰. Трансцендентальную свободу также можно сравнить с метамотивацией. Как отмечал А. Маслоу, трансцендентальное входит в жизнь отдельного индивида в виде метамотиваций – исключительно важной, в какой-то степени даже определяющей силы, которая способствует развитию личности вообще¹⁵¹.

Выводы по первой главе

На основании проделанного обзора трансцендентальных учений мы можем утверждать, что трансцендентализм выступает парадигмой для широкого класса философских концепций, нацеленных на описание мира. Он проявился в томизме, неокантианстве В. Виндельбанда и Г. Риккерта,

¹⁴⁹ Lohmar D. Human Freedom – a Husserlian Perspective // Dialogue and Universalism. Journal of the International Society for Universal Dialogue. 2016. Vol. XXVI. No. 3. P.11-24. P. 15.

¹⁵⁰ Мухутдинов, О. М. Свобода и ответственность в феноменологии естественного морального сознания: пролегомены к феноменологии чистой воли // Проблема «Свобода vs. Ответственность» в философско-богословском и психологическом дискурсах современности: сборник статей. Катречко С. Л. (ред.). Москва: Издательство «Летний сад», 2019. С. 89-97. С. 94.

¹⁵¹ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с. С. 159.

феноменологии Э. Гуссерля, герменевтике Г.-Г. Гадамера, экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера, «Логико-философском трактате» Витгенштейна, а также в прагматизме Пирса и Рорти, концепциях раннего Рассела и Поппера, аналитической философии Рассела, Мура, Селларса, Стросона, Куайна, Дэвидсона, Патнэма и др.¹⁵² При всем различии, эти теории отличает либо трансценденталистский метод познания, либо трансценденталистская онтология. В рамках трансцендентальной философии прослеживается также линия преемственности представлений о свободе, более того, для многих философов и политических мыслителей трансцендентальное – это универсальное понятие, неразрывно связанное с индивидуальными и надиндивидуальными качествами человека, его социальными измерениями.

В трансцендентальной парадигме свобода мыслится как трансцендентальный объект, который выходит за рамки возможного опыта (что отличает свободу от феноменально-эмпирических объектов) и вместе с тем является феноменом, познание которого является принципиально возможным (что отличает свободу от ноуменальных, принципиально непознаваемых объектов)¹⁵³. Общая логика классического трансцендентализма применительно к свободе такова: существующие многочисленные рефлексии о свободе свидетельствуют о ее существовании, как минимум, в качестве ментального феномена. Во многом свобода существует не как состояние отдельных индивидов или групп индивидов, а как установка сознания. Без свободы как установки сознания принципиально невозможно человеческое отношение к миру. Для неклассического и постнеклассического трансцендентализма

¹⁵² Höffe O. Kant's Critique of Pure Reason: The Foundation of Modern Philosophy. Dordrecht: Springer, 2010. 468 p.; Rockmore T. In Kant's Wake: Philosophy in the Twentieth Century. London: Wiley Blackwell, 2006. 224 p.; Rockmore T. Kant and Idealism. New Haven: Yale University Press, 2007. 294 p.

¹⁵³ Мишагин П.А. Свобода как невозможный опыт: реализм И. Канта // После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. 769 с. С. 694-697.

характерно представление о свободе как экзистенции, которая также имеет в своей сущности трансцендентальный характер. Свобода как трансцендентальное образование выступает вездесущим, является необходимым условием существования человека как духовного существа; одновременно с этим оно выступает важнейшим трансцендентальным фактором существования человеческого общества в целом.

Трансценденталистская парадигма понимания свободы зиждется на ее априорной трактовке. Для трансценденталистских теорий характерно представление о свободе как об универсальном атрибуте человека, предпосланном его существованию. В этом смысле установку философии Просвещения, относящую свободу к естественным правам человека, можно рассматривать как трансценденталистскую.

Противоположной нетрансцендентальной установкой будет понимание свободного индивида как исторического продукта, порожденного определенным типом общества. Чаще всего в научной литературе способность продуцировать свободу признается за современным западным обществом, базирующимся на капиталистических и буржуазных ценностях. Эта позиция настолько распространена и обсуждаема, что дала основания Н.М. Чуринову выстроить дихотомию общества свободы (западного) и общества совершенства (русского)¹⁵⁴.

Противоположную трансцендентальной установку можно назвать релятивной, поскольку свобода выступает здесь социальным отношением. Свобода не присуща индивиду как таковому. Она представляет собой социальное свойство, проистекающее из социальных различий. Так, З. Бауман понимает под свободой востребованное системным производством и социальной интеграцией состояние, при котором «сама свобода

¹⁵⁴ Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.; Чуринов Н. М. Совершенство слова: теоретический анализ. Святая Русь: совершенство слова. Красноярск, 2012. 596 с.; Мишагин П.А. Свобода как не-совершенство в диалектике православного аристотелизма Николая Мефодьевича Чуринова // Чуриновские чтения: Совершенное общество (материалы круглого стола 25 мая 2020 года, г. Красноярск): сб. науч. тр. / Под общ. ред. С.П. Дуреева. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. 142 с. С. 60-68.

постоянно воссоздается тем способом, каким общество интегрировано и система «работает»»¹⁵⁵.

Показательно, что в двух выделенных нами подходах формы реализации свободы различны. Релятивная установка восходит к культуре индивидуализма и нацелена на то, что Р. Арон именует «реальными свободами»: свобода обретается в пространстве власти и производства, но последовательно смещается в пространство потребления. В современном постинформационном обществе свобода преимущественно понимается как свобода потребителя, поскольку свобода имеет значительные экономические основания, то есть стимулирует развитие рынка и зависит от его эффективности. Такая форма реализации свободы не актуальна для ее трансценденталистской парадигмы; здесь она будет реализовываться в первую очередь в виде «формальных свобод», обеспечивающих участие индивида в общественных делах и предоставляет возможность ощутить влияние, которое последний способен оказывать на развитие общества¹⁵⁶.

Чисто трансцендентальной является установка на то, что свобода неотъемлема от человеческого существа, но в эмпирическом мире невозможна и недоказуема. На уровне материальной и социальной детерминации человек не свободен, но ценностное измерение разума требует полагать его свободным. Эта кантовская идея прочитывается во всех социальных теориях в той мере, в какой они ориентированы на экспликацию негативной свободы. Парадоксальность трансцендентальной свободы индивида, т.е. практическая ее ограниченность в сочетании с ее высочайшей ценностью, приводит к тому, что большинство социальных исследований рассматривают свободу в негативном ключе, в духе кантовского тезиса, приводимого в парафразе Оливера Вендела Холмса, «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода

¹⁵⁵ Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 19.

¹⁵⁶ Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н.А. Руткевич. М.: Праксис, 2005. 208 с. С. 101.

другого»¹⁵⁷, о чем шла речь в параграфе 1.1. Попытки же мыслить социальную свободу позитивно выливаются в представления о ней как о свободе потребления, повышении уровня жизни, безопасности, что уводит нас в сторону от сущности свободы и в лучшем случае коррелирует с условиями ее реализации.

С этой точки зрения нельзя отнести к трансценденталистским характерные для античного мышления теории фатализма, базирующиеся на идее судьбы¹⁵⁸, равно как и христианское учение о свободе человека в Боге. При этом все теории, признающие объективный детерминизм наряду со свободой индивида и пытающиеся объяснить эту совместимость, трансценденталистские по своей природе.

Трансцендентальная свобода не мыслится релятивно или ситуативно, как многообразие исторических и социальных форм своего проявления. Трансцендентальная установка наделяет всех людей свободой в равной мере, поскольку свобода выводится из разумности и есть сущностное качество человека. Она доминирует в современной культуре и науке в той мере, в которой свобода признается вне-историчной¹⁵⁹. История понятия «свобода» от античности до современности, по словам Н.С. Плотникова, упирается в собственный предел – в границу, за которой история устраняется антропологией¹⁶⁰. Это дает основание полагать, что трансцендентальная трактовка свободы преобладает в социально-культурном дискурсе.

В трансцендентальной трактовке свобода надындивидуальна. Ей противостоит современное представление о свободе как о многообразии возможностей реализации собственных потребностей, основанное на

¹⁵⁷ Caplan A. Liberty has its responsibilities // *Human Vaccines & Immunotherapeutics*. 2013. Volume 9. Issue 12. P. 2666.

¹⁵⁸ Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 336. С. 39; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Фолио, АСТ, 2000. 624 с. С. 24; Круглова И.Н. Метафизика судьбы как онтология свободы. Монография. Красноярск: СибГТУ, 2007. 152 с.

¹⁵⁹ Conze W. Freiheit // *Geschichtliche Grundbegriffe* / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 2. Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. S. 425-542. S. 542.

¹⁶⁰ Плотников Н.С. Идея свободы в русской интеллектуальной истории // *Этическая мысль* 2017. Т. 17. № 1. С. 48-55. С. 49.

культуре индивидуализма, которая, в свою очередь, заключается в психологическом опыте четкого различия между «Я» и «другими». Но даже и эта нетрансцендентальная линия имеет трансцендентальные корни: индивидуальный опыт переживается как значимый «благодаря нашей вере в ценность человеческих существ как таковых»¹⁶¹. Здесь очевидно присутствие духа Канта – апологета ценности человека как разумной личности. Именно после введения Кантом идеи трансцендентального единства апперцепции утвердился взгляд на самоидентичность как переживание индивидом принадлежности своих ментальных, эмоциональных и волевых состояний самому себе же. К древним и средневековым обществам такое представление о субъектности или самости не применимо¹⁶². Во многом именно кантовская трансцендентальная философия сформировала современное индивидуалистическое представление о свободном субъекте, имеющем мужество пользоваться своим разумом. До Нового времени свобода мыслилась скорее как коллективная, а не личная: свободными могли быть сословия, группы, династии, корпорации и даже города.

Трансцендентальная свобода – базис идеи социального равенства и в том числе равенства людей перед законом. Ей противостоит нетрансцендентальная трактовка свободы как социального различия, т.е. отношения, выражающегося в асимметрии социальных состояний¹⁶³, когда несвобода одних является условием свободы других.

Нормативное понимание свободы также имеет трансцендентализм одним из своих источников. Диалектика свободы и нормативности или «свободы в законе» предельно осмыслена трансцендентальной философией и унаследована всем социально-философским дискурсом. Это приводит к тому, что в социальной и политической философии существует

¹⁶¹ Morris C. The Discovery of the Individual, 1050-1200. London: S.P.C.K., 1972. 188 p. P. 2.

¹⁶² O'Keefe T. Ancient Theories of Freedom and Determinism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/freedom-ancient/> (Дата обращения: 26.06.2022).

¹⁶³ Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2021. 204 с. С. 22.

серьезная проблема переводимости с языка аномальной свободы на язык справедливой репрезентации общества¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с. С. 96.

Глава 2. Трансцендентальная интерпретация свободы как основание социально-правового дискурса

2.1. Трансцендентальная концепция права как теория «неестественных» прав человека

Правовой дискурс свободы изначально возникает в контексте идеи «естественных прав» человека¹⁶⁵. Для понимания специфики трансцендентального права и трансценденталистской интерпретации свободы необходимо обратиться к истории становления правового сознания.

Понятие «естественные права человека» как устойчивый правовой концепт стало употребляться с середины XVII-XVIII веков¹⁶⁶. Но теоретическое различие «естественного» и «искусственного» состоялось гораздо раньше¹⁶⁷. Уже в древнегреческой философии понятие «естественное» противопоставлялось тому, что было установлено волей человека. Законы природы выступали в этом смысле тем, что существует естественным, независимым от человека образом, а законы, которые разрабатывались людьми, и которые призваны были регулировать человеческие отношения, были «воле установленными». Софист Гиппий отмечал, что существует справедливое «по природе» и справедливое «по закону», а закон, противоречащий природе – «тиран над людьми – принуждает ко многому, что противно природе»¹⁶⁸. «Большую частью они

¹⁶⁵ Riley Stephan. *Legal Philosophy*. Sheffield: Sheffield Hallam University, 2013. 322 p. P. 3.; Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с. С. 251-260.

¹⁶⁶ Costello G.J. *Natural Law and Natural Rights in Nineteenth Century Britain*. Sydney: University of Sydney, 2014. 352 p. P. 13; Пуфендорф Самуэль фон. О происхождении и прогрессе науки естественного права // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 1. С. 136-149. С. 136.

¹⁶⁷ Пуфендорф Самуэль фон. О происхождении и прогрессе науки естественного права // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 1. С. 136-149. С. 137.

¹⁶⁸ Платон. Протагор // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. 860 с. С. 418-476. С. 449.

противоречат друг другу, природа и обычай», – отмечал Калликл¹⁶⁹. Этот мыслитель был убежден в том, что естественно и справедливо, когда сильный выше слабого и умный выше неразумного, ведь по своей природе, «по естеству» люди не равны. Отсюда якобы напрашивается вывод: если исходить из «природы», из естественного порядка вещей, тогда не приходится говорить о том, что каждый может иметь равные права на что-либо, в частности, на жизнь и свободу. Если и допускать то, что кто-то имеет право на жизнь и свободу, то это право необходимо постоянно отстаивать с помощью силы. В этих представлениях ясно прослеживается не-трансценденталистское видение права, поскольку акцент делается на естественные различия, гетерономный характер человеческих существ и природный (естественный), а не нормативный характер правовых установлений.

Вопреки этому положению Аристотель придерживался той точки зрения, что, наряду с позитивным правом, существует естественное право, такое же действительное и бесспорное, как и законы природы, а потому ему, как и законам природы, невозможно не подчиняться: право является естественным в том случае, если оно «везде имеет одинаковую силу и не зависит от признания или непризнания его людьми»¹⁷⁰. В то же время Аристотель считал «естественным» такое положение, что одни люди свободны, а другие – должны быть рабами. И этим последним, говорил он, «быть рабами и полезно и справедливо»¹⁷¹. Здесь мы обнаруживаем промежуточную позицию, когда впервые предлагается попытка перехода от не-трансценденталистского понимания права к его трансценденталистской интерпретации, право как человеческое установление рассматривается как носящее объективный характер,

¹⁶⁹ Платон. Горгий // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. 860 с. С. 477-574. С. 552.

¹⁷⁰ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с. С. 53-294. С. 160.

¹⁷¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с. С. 375-644. С. 384.

подобно законам природы, рассматривается нормативно, а не физикалистски и не социально-детерминированно, так как здесь прямо говорится о том, что право не зависит от социума и его изменений и преходящего характера, то есть мы видим исторически первую попытку трансценденталистского прочтения права как противоестественного феномена в то же время обладающего объективным характером по аналогии с законами природы. Однако, в ряде моментов, очевидны и непоследовательности и тиражирование социальных штампов того времени, когда социальный статус рассматривается в качестве естественной (природной) характеристики человека.

Дж. Локк, рассматривая проблемы перехода от естественного состояния к гражданскому и принципы формирования государства, писал, что законы природы и естественное право необходимо различать, «поскольку право состоит в том, что мы имеем возможность свободно распоряжаться какой-нибудь вещью, тогда как законом является то, что предписывает или запрещает нам делать что-либо»¹⁷². Локк фиксирует позицию трансцендентального права, говоря о том, что человек рождается имея право «на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире»¹⁷³. И вместе с тем он обладает правом всеми доступными ему средствами «охранять свою собственность, то есть свою жизнь, свободу и имущество»¹⁷⁴. Однако, поскольку естественное состояние меняется политическим обществом, то само общество берет на себя функцию охранять собственность (жизнь, свободу и имущество подданных) и наказывать тех, кто покушается на нее. Подданные же, вступив в фазу политического общества, следуя Локку,

¹⁷² Локк Дж. Опыты о законе природы // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. С. 3-53. С. 4.

¹⁷³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. С. 135-406. С. 310.

¹⁷⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. С. 135-406. С. 310.

должны отказаться от той природной силы и природной власти, которая позволяла им самостоятельно вершить правосудие в тех случаях, когда они считали это нужным. Здесь мы видим трансценденталистское представление о праве в его очищенных от предрассудков рабовладельческого общества виде. Естественное право уже рассматривается не как следствие законов природы, скорее это неправомерная экстраполяция, характерная для предыдущих эпох, а как самостоятельный (автономный) социальный и правовой феномен. Право в целом и конкретные права существующие в социуме, конкретные права, которыми обладает тот или иной человек как член социума по природе своей являются не-естественными (не природными), поскольку политическое или гражданское состояние социума в своей развитой форме уже существенно отличается от предшествующих ему социальных состояний, что позволяет проводить более тонкие различия между человеком естественного состояния и гражданином (подданным) гражданского состояния социума. Член гражданского общества (подданный) сознательно отказывается от природного (естественного) начала и делегирует разрешение социальных конфликтов, споров и противоречий социуму в лице его специальных социальных институтов, ответственным за правосудие. Здесь получает свое развитие идея автономности субъекта, нормативности права и соответственно феноменов, на регуляцию которых право распространяется (свобода, права, привилегии, имущество, жизнь).

Позже идеи Локка о естественном и гражданском состоянии, договорной теории возникновения государства, правах человека при переходе к политическому обществу были положены в основу Конституции Соединенных Штатов Америки, освободившихся от

английского владычества, и французской «Декларации прав человека и гражданина»¹⁷⁵.

В то время как христианское Средневековье утверждало идею равенства каждого представителя человеческого рода, независимо от расы, национальности и пола, перед Богом¹⁷⁶, буржуазная эпоха выступила под флагом равенства перед законом¹⁷⁷. Речь шла о формальном равенстве, то есть о равенстве как чисто условном принципе¹⁷⁸. Предлагалось договориться о том, что каждый человек, поскольку он является человеком, имеет одинаковое со всеми другими представителями человеческого рода право на жизнь, свободу и имущество, и эти права никто (за исключением особых случаев, например, по приговору справедливого суда) не имеет права отчуждать. Эти права были объявлены «естественными», от рождения данным человеку и неотчуждаемыми, и речь здесь шла о другой, отличной от естественной, «естественности», возникающей из предпосылки о так называемом «естественном свете разума», который, отыскивая природные причины того, что происходит, проникает в сущность вещей, раскрывает истину и судит, т.е. выносит суждения¹⁷⁹. Разум способен к верным мыслям, к право-судию, в частности, к установлению того, какие права человека считать «естественными», а какие - «волеустановленными», а значит вполне условными, то есть, в случае необходимости, отчуждаемыми и заменяемыми¹⁸⁰. И это действительно так, потому что, несмотря на провозглашение «естественности» права человека на жизнь, это право,

¹⁷⁵ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.

¹⁷⁶ Porter Jean. Natural Equality: Freedom, Authority and Obedience in Two Medieval Thinkers // The Annual of the Society of Christian Ethics. Volume 21. 2001. Pp. 275-299.

¹⁷⁷ Lucy William. Equality Under and Before the Law // The University of Toronto Law Journal. Volume 61. No. 3. (Summer 2011). Pp. 411-465.

¹⁷⁸ Acemoglu D., Wolitzky A. A Theory of Equality Before the Law // The Economic Journal. Volume 131. Issue 636. May 2021. Pp. 1429-1465.

¹⁷⁹ Delio Ilija. Is Natural Law “Unnatural?” Exploring God and Nature Through Teilhard’s Organic Theology // Theology and Science. Volume 15. Issue 3. 2017. Pp. 276-288.

¹⁸⁰ Гончаров В.В., Поярков С.Ю. Права и свободы человека как идеальная ценность современного государства // Философия и культура. 2017. № 1. С. 47-50.

даже без каких-либо чрезвычайных обстоятельств, постоянно попирается. Здесь мы видим дальнейшее развитие трансценденталистского представления о праве. Право уравнивает всех людей перед законом, право рассматривается как подлинно нормативное или формальное, не зависит напрямую от природных и социальных условий. Впервые естественность естественных прав получает новую трактовку, естественность рассматривается как проистекающая не из природы, но из разума, который также унифицирует природу и социум, придает всеобщий и универсальный характер различным связям и отношениям и рассматривается как выносящий суждения: феномены природы и социума подвергаются суду разума, который становится основой судопроизводства и правовой деятельности в целом. Это приводит к важному различению естественных прав, устанавливаемых самим разумом и не-естественных прав, устанавливаемых волей или силой.

Если Дж. Локк сделал первые шаги к тому, чтобы философская концепция «естественных прав человека» стала составной частью практического законодательства, то Гегель пошел дальше и попытался рассмотреть глубинные основания того, что называется «миром права» в целом¹⁸¹. Он показал разницу между «естественным правом» и «естественными правами человека». Не отрицая понятие естественного права, введенного в научный оборот его предшественниками, и совершенно ясно отделяя его от понятия «положительное право», Гегель придал этому понятию более широкое значение. Под миром он понимает всю социальную действительность, где объективируется человеческий дух. Он назвал ее сферой «объективного духа», в его системе она одновременно была миром права и миром свободы.

В гегелевской философии права человек считался свободным существом, которое осознает себя именно свободной волей: «Почвой права

¹⁸¹ Brooks T. Hegel's Social and Political Philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. First published Thu Jun 3, 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hegel-social-political/>. (Дата обращения: 28.01.2022).

является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»¹⁸².

Однако человек, согласно гегелевскими представлениям, сначала свободен только «в-себе», то есть потенциально. Ему еще предстоит пройти стадию свободы «для-себя», найти те формы, которые в наибольшей степени будут его собственными формами свободы, и предоставить им действительность. Вслед за этим у человека появляется право, одновременно с этим также и являющееся его обязанностью, – обрести свободу в-себе-и-для-себя, самоосуществиться, подняться от единичности к своей общей природе, стать духовным существом. Для этого свободная воля, то есть именно человек, должна пройти все ступени своей самореализации.

Движение от абстрактного к конкретному в определении воли заключается в переходе от простого воления как целеполагания, которое является чем-то субъективным, к объективности через опосредование деятельностью¹⁸³. Именно здесь находит свое проявление свобода. Как отмечал Гегель, «целевая деятельность этой воли состоит в том, чтобы реализовать свое понятие, свободу во внешне-объективной стороне действительности так, чтобы свобода существовала как определенный этой волей мир и воля в нем была бы у себя и сомкнута с самой собою»¹⁸⁴.

Касаясь вопроса права индивидов на жизнь и имущество, Гегель писал: «Необходимо, чтобы конечное, владение и жизнь, было положено как случайное, так как это есть понятие конечного. Эта необходимость выступает, с одной стороны, как сила природы, и все конечное смертно и

¹⁸² Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 67.

¹⁸³ Brooks T. Hegel's Social and Political Philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. First published Thu Jun 3, 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hegel-social-political/>. (Дата обращения: 28.01.2022).

¹⁸⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. М.: Мысль, 1977. 471 с. С. 326.

преходяще. Однако в нравственной сущности, в государстве, у природы отнимается эта сила и необходимость возвышается до дела свободы, до нравственного; природная брэнность превращается в волимое прехождение и лежащая в основе негативность – в субстанциональную собственную индивидуальность нравственного существа»¹⁸⁵. Не государство обязано защищать некие «естественные, неотчуждаемые права человека» на жизнь и имущество, а индивид имеет право и высший долг пожертвовать своей единичной жизнью во имя интересов целого – государства. Именно это, с точки зрения Гегеля, будет говорить о достижении человеком степени высшего нравственного развития, достижения свободы. Здесь мы также видим развитие трансценденталистской парадигмы права, которая достигает определенного пика. Новое понимание естественности права, выглядящее в отношении предыдущих эпох как противоестественность здесь контекстуально расширяется и именуется позитивным или содержательным правом. Социальная действительность как сфера объективного духа, как трансцендентальная сфера, представлена миром права и миром свободы, которые между собой неразрывно связаны. Свобода здесь рассматривается как сущностная характеристика людей, образующих собой социум.

Однако если в формальном плане право на жизнь хотя бы декларативно признается, на практике оно постоянно нарушается¹⁸⁶. Понятно, что это право является формальным и условным. С биологической точки зрения, любое живое существо, которое физически сильнее человека, легко может лишиться его жизни. Казалось бы, что в природе, где присутствуют жесткие объективные связи, ни «право на жизнь», ни «право на свободу» не существует в чистом виде и об этом

¹⁸⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 359-360.

¹⁸⁶ The Right to Life and the Value of Life. Orientations in Law, Politics and Ethics / Edited by Jon Yorke. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010. 465 p. Pp. 162.

вообще нет смысла говорить. Однако именно в живой природе, более рельефно, чем в человеческом обществе, «право на жизнь» выступает в теснейшей связи с «правом на свободу». Если межвидовая борьба – это борьба за право на жизнь, то конкуренция и взаимопомощь внутри вида демонстрирует, условно говоря, «право на свободу». Утвердить себя, доказать своим поведением право на более привилегированное положение в животной стае – это и значит доказать свое право на свободу.

Человеческое поведение, разумеется, нельзя сводить только к животной составляющей, оно гораздо сложнее. Существует целый комплекс условных, формальных структур, которые помогают сохранять равновесие внутри человеческого сообщества и необходимый баланс с внешней природой. Долгое время «право на жизнь» и «право на свободу» имели только те, кто каждую минуту готов был всеми средствами, которые были в наличии, отстаивать это право. Но справедливо ли считать, что «право на жизнь» имеет только человек? Не узурпировал ли человек это право, относясь к существам, которые не относятся к виду *Homo Sapiens sapiens*, как к средству для удовлетворения своих потребностей и прихотей, абсолютно лишив их такого права? Если человек претендует на то, чтобы называться духовным существом, которое стремится к нравственному совершенствованию, последовательно отстаивает принцип благоговения перед жизнью, следует признать наличие такого права у всех других живых существ планеты, растений и животных¹⁸⁷.

Следует подчеркнуть, что право на жизнь и на свободу следует признать естественными, неотчуждаемыми правами человека не потому, что человек – особое биологическое существо, и не только потому, что он – существо социальное, но и потому также, что он, кроме всего прочего –

¹⁸⁷ Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / Сост. и посл. А. А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. 576 с.; Donaldson S., Kymlicka W. *Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 329 p.; Pawlas Andreas. Notes to Albert Schweitzer, His Concept of "Reverence for Life" and the Fifth Commandment // *Journal of Studies in Social Sciences*. 2015. Volume 11. Number 2. Pp. 196-214; Martin M.W. *Albert Schweitzer's Reverence for Life Ethical Idealism and Self-Realization*. London: Routledge, 2016. 124 p.

существо духовное, трансцендентальное и способное к трансценденции, которое имеет свободу, совесть и ответственность.

Анализ концепта «естественные права человека» позволяет проблеме соотношения права и свободы сформулировать в виде следующего вопроса: в чем заключаются правовые аспекты свободы, или как свобода выражается в праве, какие существенные стороны свободы проявляются посредством права?

В праве есть отличное от свободы содержание, такие статические и динамические свойства, которые находятся вне пространства свободы. Аналогичным образом, в свободе, несомненно, есть такие стороны, которые выходят за рамки права. Иными словами, право как свобода, и есть собственно право помимо того, что понимается под свободой, право в другом духовном и практическом измерении. С другой стороны, свобода в своем наиболее репрезентативном с социально-философской точки зрения предстает преимущественно как правовая свобода, но есть также такие ее стороны, которые заставляют рассматривать свободу вне права. Соотношение права и свободы может рассматриваться именно в рамках возможного соотношения этих двух составляющих. В то же время, от некоторых элементов, присущих каждому из них в отдельности, можно, до определенного момента, абстрагироваться. Проблема, таким образом, сводится к тому, чтобы выявить общее в этих духовных образованиях и показать те их стороны, которые присущи как им вместе, так и каждому из них в отдельности.

Следует отметить, что право имеет множество сторон, которые привязывают его к более или менее четко выраженным материальным формам, тогда как свобода – это вполне духовный феномен, она в значительной степени, хотя и не полностью, относится к сфере сверхчувственного, трансцендентального. Право, как юридический закон, накладывает определенные ограничения на свободу действий отдельного

индивида¹⁸⁸. Оно унифицирует, усредняет людей, его не интересуют отдельные лица и особые случаи, оно по самому своему назначению единичные поведенческие акты подводит под общее правило. Права человека рассматриваются как права, изначально утвердившиеся в общественном сознании, а затем уже закрепленные в конституциях, законах, международно-правовых актах. Источником прав человека здесь выступает общественное согласие по поводу необходимости их обеспечения. Согласно Н.В. Варламовой, социальная общепризнанность данных прав первична, а их позитивация, т.е. признание государством, лишь придают им большую юридическую определенность¹⁸⁹. В определенной степени это оборачивается индивидуальной несвободой. С юридической точки зрения, свобода должна быть общей и равной, и, если это так, то это – не свобода¹⁹⁰. Но, рассматривая свободу в данном контексте, мы остаемся на уровне только формальной, а не фактической свободы. В последней более богатое содержание, чем то, которое охватывается юридической сферой, где право выступает тем минимумом требований, которые должны безусловно выполняться. Однако, подчеркнем еще раз, это – гарантированный минимум, закрепленный в соответствующих документах и снабженный принудительной силой государства, которое является одним из условий существования человеческого сообщества как такового.

Право как позитивное право фиксирует и закрепляет указанный минимум свободы¹⁹¹. В этом плане оно статичное. Но, вместе с тем, оно выполняет и важные динамические функции. Оно должно открывать новые горизонты в развитии общества, служить ориентиром в

¹⁸⁸ Bruegger John A. Freedom, Legality, and the Rule of Law // Washington University Jurisprudence Review. 2016. Volume 9. Issue 1. Pp. 81-113. P. 88.

¹⁸⁹ Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 83-124. С. 98.

¹⁹⁰ Queiroz R. Individual liberty and the importance of the concept of the people // Palgrave Communications. 2018. Volume 4. Article number: 99. P. 1-12. Pp. 3.

¹⁹¹ Bruegger John A. Freedom, Legality, and the Rule of Law // Washington University Jurisprudence Review. 2016. Volume 9. Issue 1. Pp. 81-113. P. 90.

поступательном движении, развитии общества, указывать, в каком направлении следует осуществлять социальные преобразования. Именно с точки зрения динамики права, особую важность приобретает понятие свободы. Некоторые исследователи называют правом определенную норму или степень свободы, которая является возможной и допустимой на определенном уровне развития конкретной человеческой общности¹⁹². С этих позиций развитие права является развитием самой свободы, расширением ее степеней и границ¹⁹³. Но от чего зависит эта мера, как определить ее относительно данной социально-политической ситуации, как выразить в нормативном виде? Право может выступать в виде определенных общеобязательных правил, которые должен выполнять каждый индивид, который признает ценность социального способа существования. В этом смысле право ограничивает свободу. Право возводит препятствия для деятельности тех индивидов, свобода которых идет вразрез со свободой других людей¹⁹⁴. В соответствии с общепринятым в философии права и философии политики положением каждый свободен в той мере, в какой его свобода не вступает в противоречие со свободой других людей¹⁹⁵. Право, как уже отмечалось, разграничивает взаимные свободы отдельных индивидов в обществе и направлено на устранение возможных противоречий и конфликтов между ними. С другой стороны, поскольку люди не равны между собой по своим физическим, умственным и моральным качествам, они по-разному чувствуют свою свободу / несвободу: то, что одним кажется достаточной и даже предельной свободой, то другими воспринимается как ограничение.

¹⁹² Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Издательство «НОРМА», 2018. 848 с.; Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Издательство «НОРМА», 2020. 256 с.; Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства в либертарно-юридической теории В. С. Нерсесянца // Вопросы правопедания. 2015, № 4. С.31-56; Поздняков Э.А. Философия государства и права. 2е издание, исправленное и дополненное. М.: Издатель-ство «Весь Мир», 2016. 344 с. С. 308.

¹⁹³ Левакин И.В. Краткий очерк юридикации свободы в Европе // ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. 2016. № 11. С. 77–85.

¹⁹⁴ Gunatilleke G. Justifying Limitations on the Freedom of Expression // Human Rights Review. 2021. Volume 22. P. 91-108.

¹⁹⁵ Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 4. С. 83-124. С. 110.

С юридической точки зрения, каждый должен иметь равную долю свободы, но внутреннее ощущение права часто протестует против этого. Если рассматривать человека как свободное существо, если в свободе видеть сущностную характеристику человека, то право не может посягать на такую имманентную свободу, поскольку этим самым оно будет посягать на то, что должно защищать и отстаивать.

Высказывание «я имею право» или «он имеет право» означает не только то, что некий индивид может осуществлять определенные действия, которые не идут вразрез с общепринятым порядком, но и то, что возможность определенных действий проистекает из самой природы человека, его так называемых «естественных прав», из того, что человек является разумным, ответственным и вменяемым существом, способным самостоятельно строить свой мир, создавать отношения, отвечающие потребностям своего духа как собственной трансценденции. Двигаясь от права к нравственности, нужно говорить уже не только о том, как достичь внешней свободы, но и о том, что делать индивиду или группам индивидов после того, как такая свобода достигнута. И здесь мы выходим на более глубокую постановку вопроса: что такое свобода в общем или социальном смысле? Не зная ответа на этот вопрос, невозможно сказать, что есть то состояние, которое достигнуто: это свобода, или это какие-то ее суррогаты и мимикрии.

Состояние, при котором в значительной степени обеспечивается освобождение человека от социального, национального и религиозного гнета, воздвигает препятствия насилию как средству решения спорных вопросов, на смену силе приходит право – это политико-правовое измерение свободы¹⁹⁶. Считается, что в наиболее развитых, цивилизованных странах указанное состояние в значительной степени уже достигнуто. Но вслед за этим часто возникает серьезная озабоченность

¹⁹⁶ Зорькин В.Д. Право силы и сила права // МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ. 2016. № 4. С. 18-32.

реализацией этой внешней – политической и юридической – свободы¹⁹⁷. Свобода может вызвать смятение и страх, она может стать не желательным благом, а тяжким бременем для тех, кто не готов к ней, может обернуться произволом¹⁹⁸ и деструкцией¹⁹⁹.

2.2. Нормативность и априоризм как признак трансценденталистской парадигмы права

В англоязычной философско-правовой литературе используется несколько терминов для определения понятия «права человека». Когда говорят о гражданских правах или свободах, таких, например, как «право свободного перемещения» или «свобода слова», то используются понятия *liberties / freedoms*²⁰⁰. Когда речь идет о правах, данных или декларируемых государством, таких, например, как «право на труд», «право на жилье» и т. п., то используют термин *entitlements*²⁰¹. Эти права возникают на определенном этапе социально-политического развития общества, а с изменением социальной ситуации или политического режима могут видоизменяться или вообще исчезать. В случае же, если имеют в виду неотъемлемые права человека, которые называют «естественными» или

¹⁹⁷ Vilmar J. The Use of Force as a Plea of Necessity // SYMPOSIUM ON UNAUTHORIZED MILITARY INTERVENTIONS FOR THE PUBLIC GOOD. Volume 111. 2017. P. 302-306; Dojas A.E. Legality of a use of force and the practice of states. What can be expected in the next two decades? // Estudios internacionales (Santiago). 2016. Volume 48. № 183. URL: https://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0719-37692016000100006. Дата обращения: 29.01.2022.

¹⁹⁸ Lenard P.T. Trust, discretion and arbitrariness in democratic politics // Rivista di estetica. 2018. Volume 68. P. 83-104.

¹⁹⁹ Breakey H. Arbitrary Power, Arbitrary Interference and the Abuse of Power: Corruption, Natural Rights and Human Rights // Responsible Leadership and Ethical Decision-Making (Research in Ethical Issues in Organizations). 2017. Volume 17. P. 125-145.

²⁰⁰ Махова В.В. Понятия «liberty», «freedom», свобода при переводе нормативно-правовых документов Российской Федерации // ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ. Сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 290-294.

²⁰¹ De Azevedo M.A.O. Rights as Entitlements and Rights as Claims // Veritas (Porto Alegre). 2010. Volume 55. No. 1. P. 164-182.

«неотчуждаемыми», такие, как право на жизнь, свободу, или права в широком смысле этого слова, то используется понятие rights²⁰².

В русскоязычной правовой литературе советского периода использовался общий, недифференцированный термин – «права человека»²⁰³. Это понятие претендовало на статус синтетической формы выражения всего содержания, относящегося к истинным правам человека. «В наших условиях, – писал, например, Н. И. Матузов, – права человека, гражданина и лица совпадают, потому что одни и те же лица выступают во всех этих качествах»²⁰⁴. Такая интерпретация прав человека имела место не потому, что используется другая терминология или в русском языке отсутствует и гибкость и тонкость выражения, которая присуща английскому. О естественных, неотчуждаемых правах человека речь здесь вообще не шла, потому что понимание права основывалось на строгих или жестких социально-исторических детерминантах, а сам термин «естественное право» считался присущим буржуазной эпохе, которая давно ушла в прошлое.

Наоборот, в истории политической философии и философии права Запада давно сложилось устойчивое представление о том, а priori существуют определенные естественные права человека, такие, как право на жизнь, свободу и собственность, которые называют «неотчуждаемыми» и даже «вечными»²⁰⁵. Значит ли это, что они вытекают из каких-то «естественных», субстанциональных основ человека, того, что заложено в нем самой природой? Или же здесь имеется в виду то, что они возникают, благодаря «естественному свету разума»? Ответы на эти вопросы приведут

²⁰² Orbik Z. Human Rights in the Lights of the Concepts of Natural Law // Scientific Papers of Silesian University of Technology. Organization and Management Series. 2019. No. 140. P. 275-284.

²⁰³ Давтян В.Р. Идея прав человека в советской юридической науке (1946-1991 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Москва, 2011. 171 с.

²⁰⁴ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с. С. 99.

²⁰⁵ Суслов А.В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам // Философская мысль. – 2021. – № 3. – С. 94 - 104. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.3.33104 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33104. (Дата обращения: 28.01.2022).

нас к пониманию различия трансценденталистских и не-трансценденталистских типов права.

Право в своей сути не исчерпывается только формальным основанием: формальным равенством, формальной справедливостью и формальной свободой. Если учитывать то обстоятельство, что человек является свободным существом, и следствием нарушения права будут такие колоссальные социальные феномены как революции, войны, национально-освободительные движения, имеющие целью получение или возвращение утраченных независимости и свободы, то, очевидно, нужно исследовать и содержательную сторону права. Эта сторона, несомненно, органично присуща праву, которое выступает не только формальным, но и содержательным принципом разграничения свобод формально равных индивидов.

Когда говорят о теоретико-нормативистском (или трансценденталистском) подходе к праву, то имеется в виду положительное право, и именно здесь можно говорить о том, как, опираясь на общее понятие нормы, выделить то, что именуется юридической нормой. Норма является указанием на должное, на то, что не реально существует, а только должно быть. Но что собой представляет это «должно быть»? Как возможно «должное» связать с «сущим»?

Одна из интерпретаций этой проблемы представлена в философско-правовом учении Ганса Кельзена. Говоря о направленности своего учения, Кельзен заявляет, что оно является теорией позитивного права, причем позитивного права в его самом общем смысле, свободном от социологического, психологического и нравственного мотивов. Именно поэтому свою концепцию он называет «чистым учением о праве»; здесь очевидна аналогия с канитанской критикой чистого разума. Главной задачей «чистого учения», как и любой теории, является познание своего

предмета, с целью ответить на вопрос: что есть право в действительности и как оно существует в мире²⁰⁶.

Для Г. Кельзена «право, составляющее предмет познания, является нормативным порядком человеческого поведения»²⁰⁷. Норма, в свою очередь, – это не что иное, как схема истолкования²⁰⁸, или схема придания того или иного смысла актам человеческого поведения. Человеческие действия вступают в нормативную связь. Норма, характеризующая действия людей как надлежащие или ненадлежащие, составляет положительную или отрицательную ценность.

Поскольку нормы являются основанием регулирования человеческих поступков, определяемых не сверхчеловеческой, а именно человеческой волей, то требования, из них проистекающие, имеют условный, а не абсолютный характер. Иные акты человеческой воли вполне способны приводить к созданию иных норм, вступающих в антагонистические отношения с первыми и соответственно создавать иные, противоположные первым, требования. К примеру, «норма, запрещающая самоубийство или ложь при любых условиях, может быть действительной точно так же, как и норма, которая при определенных условиях, позволяет или даже предписывает самоубийство или ложь: ведь невозможно доказать рациональным путем, что истинной может считаться только одна из этих двух норм»²⁰⁹. Что касается сферы общественной жизни, то правовая власть настаивает на определенном человеческом поведении людей только потому, что считает его ценным для правового сообщества. В этих условиях задачей научных дисциплин изучающих право является исследование тех норм, которые характеризуются как нормы права, то есть

²⁰⁶ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. С. 10.

²⁰⁷ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. С. 291-292.

²⁰⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. С. 291-292. С. 12.

²⁰⁹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. С. 30.

таких, которые придают определенным действиям характер правовых или противоправных актов²¹⁰.

Универсальным формально-логическим предположением значимости и общеобязательности права является, по Кельзену, так называемая «основная норма». Она не является ни выводом из анализа эмпирической социальной жизни, ни естественно-правовой нормой, обосновывающей идеальное право, а является самодостаточной (автономной), той, что находит в самой себе обоснование, порядок повинности, выступает предпосылкой и условием единства и общезначимости норм. Она носит не этический и не социальный, а трансцендентально-логический смысл, является априорной категорией сознания.

Нормативные теории, или нормативные науки – это те науки, которые, в отличие от теоретических наук, ставящих своей задачей познать то, что есть, решают задачу исследования того, что должно быть. Любая норма является именно идеальной конструкцией, неким «долженствованием», которое человек своей деятельностью воплощает в жизнь. Деятельность людей в самом общем смысле является преобразованием того, что сначала существует только в сознании, существует как то, что «должно быть», в наличное бытие. Кроме того, любая деятельность направлена не на цель вообще, а на определенную, конкретную цель, на определенное «долженствование», а потому такая деятельность, в чем можно полностью согласиться с Г. Кельзенем, а также с представителями неокантианской философии – Г. Рикертом, В. Виндельбандом, Р. Штамлером, включая теоретическую, носит ценностный характер, ибо само сознание всегда ценностно нагружено²¹¹. Поэтому говорить о норме как чистой норме, лишенной всякого

²¹⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с. С. 14.

²¹¹ Матюшина В.В. Ценностно-ориентированное сознание // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1(40). С. 244-250. С. 245; Marchetti G. Consciousness: a unique way of processing information // Cognitive Processing. 2018. Volume 19. P. 435-464. P. 448.

внутреннего содержания, даже если это делается как теоретическое допущение, – это значит превращать правовое учение в исключительно формальную теорию. Однако сам принцип, согласно которому множество норм, как в практической жизни, так и в теории, может быть построено в определенной иерархии, на вершине которой устанавливается высшая норма, или высшая ценность, которой будут подчиняться все остальные нормы, является продуктивной. Такой подход, в сущности своей трансценденталистский, позволяет предположить, что сущностная природа права носит не просто духовный, но и априорный, трансцендентальный смысл.

Можно чисто эмпирически определить, ведет индивид себя как законопослушный гражданин или нет; можно легко найти различия между отношениями, соответствующими закону, и теми, которые выходят за его рамки. Однако невозможно ответить на вопрос, является ли отношение правоотношениями, до тех пор, пока не будет хотя бы в общих чертах известно, что такое право само по себе²¹². Мы не можем также достаточно ясно сказать, является ли данная норма правовой нормой, если, опять же, не будет известно заранее, что такое право. Аналогичным образом, о наличии или отсутствии правосознания невозможно ничего уверенно и определенно утверждать, пока не будет выяснена суть того же права. Юридическая норма, юридические отношения, правосознание могут быть квалифицированы как правовые или неправовые только после того, как будет получен ответ на главный вопрос – о сущности права. Более того, невозможно даже ничего определенного сказать по поводу происхождения и развития права до тех пор, пока мы не будем знать, что до определенного времени не является правом, а что уже есть право, то есть не знать, что такое право само по себе.

²¹² Falian Zhang. A Comparative Study of Chinese and Western Legal Language and Culture. Beijing: Peking University Press, 2021. 427 p. P. 27.

Философские интерпретации права можно считать в определенной степени условными, поскольку они отталкиваются от определенных начальных, предыдущих допущений онтологического или гносеологического характера, часто принимаются аксиоматически²¹³. Признание единственно возможным бытием права только юридических законов, фиксирующихся и закрепляющихся благодаря силе и авторитету государства, редуцирует право к его нормативно-регулятивной функции и таким образом останавливается на юридико-позитивистском его понимании. Право здесь рассматривается как инструмент, определенное техническое средство для решения находящихся вне его собственного пространства, задач²¹⁴. Познание этого общественного явления при подобных онтологических предпосылках будет сводиться к сбору фактов его социального бытия и логических процедур их систематизации и обобщения. Юридическим законом здесь становится любой набор мыслей, соответствующих требованиям формальной логичности и общественной целесообразности. При таком нетрансценденталистском подходе именно юридический закон объявляется объективным правом.

Философское понимание объективного и субъективного права существенно отличается от юридических его трактовок²¹⁵. Юристы считают, что объективное право – это легитимные, реально существующие в обществе юридические законы и другие нормативные акты, составляющие правовую систему государства²¹⁶. В свою очередь, права граждан, вытекающие из зафиксированных в юридических документах норм, являются, по юридическим представлениям, только субъективным

²¹³ Moreso J.J., Valentini C. In the Region of Middle Axioms: Judicial Dialogue as Wide Reflective Equilibrium and Mid-level Principles // *Law and Philosophy*. 2021. Volume 40. P. 545-583. P. 546.

²¹⁴ Posner R.A. Utilitarianism, economics and legal theory // *Pravovedenie*. 2017. Volume 61. No. 3. P. 46-89.

²¹⁵ Vega J. Legal philosophy as practical philosophy // *Journal for constitutional theory and philosophy of law*. 2018. Volume 34. URL: <https://journals.openedition.org/revus/3859> (Дата обращения: 20.09.2022).

²¹⁶ Штурцев Ю.Ю. Понятие и признаки принципов объективного юридического права // *Вопросы современной юриспруденции*. 2015. № 1-2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-printsipov-obektivnogo-yuridicheskogo-prava> (Дата обращения: 20.09.2022).

правом²¹⁷. Можно было бы согласиться с таким подходом, если бы сразу же не возникали следующие вопросы. Можно ли назвать «объективным» то право, которое ведет свое происхождение не иначе как с «субъективного духа» законодателей и судей? И, далее, можно считать, что те права человека, которые называют «природными», «неотчуждаемыми», есть исключительно «субъективное право», не имеющее существенной силы без санкции законодателя?

При формировании нормативно-правовой базы современного государства, если это государство претендует на то, чтобы называться свободным и демократическим, как правило, за основу берутся именно так называемые «естественные», неотчуждаемые права человека, которые тем или иным образом фиксируются в конституциях большинства демократических стран²¹⁸. На принципах, вытекающих из указанного фундаментального положения, базируется вся правотворческая деятельность.

Если опираться на то предположение, что право укоренено в самой природе человека, является неотъемлемым атрибутом человеческого бытия²¹⁹, то тогда конкретное выражение указанных объективных прав с необходимостью заставляет выходить на понятие «сущность человека», «трансцендентальное», «свобода», то есть заставляет обратиться в сферу собственно философских дисциплин: социальной философии, философской антропологии, этики и онтологии. Рассмотрение сущностной природы права здесь непосредственно затрагивает те или иные стороны человеческой трансценденции, ее развития, ее свободы, и в этом смысле сам по себе узко-эмпирический метод исследования недостаточен.

²¹⁷ Честнов И.Л. Субъективное право в постклассической юридической науке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 2. С. 27-30.

²¹⁸ Права человека и разработка конституции // Объединенные Нации. Права человека. Управление Верховного комиссара. Нью-Йорк; Женева: Организации Объединенных Наций, 2018. 160 с. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/ConstitutionMaking_RU.pdf (Дата обращения: 20.09.2022).

²¹⁹ Бушмакина О.Н. Онтологический статус проблемы прав человека // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 5-14.

Социально-правовой подход к бытию права требует применения адекватного ему метода, в основу которого могут быть положены «интеллектуальная интуиция», «умосозерцание», или «духовное созерцание», которые впоследствии принимают вербальную форму теми или иными средствами рационализации.

Если исходить из того предположения, что внутренние законы права существуют так же объективно и вечно, как и физические или математические закономерности, то это требует особых методов познания. Задача социального философа, поставившего себе целью раскрыть истинную природу права, в данном случае будет заключаться в том, чтобы, опираясь на определенные универсальные закономерности, присущие социальному бытию вообще, последовательно и логически непротиворечиво экстраполировать их на познание права. Задача состоит в том, чтобы дать убедительное обоснование этим начальным, общим для социального универсума закономерностям, на которых должна строиться дальнейшая логика исследования взаимодействия права и свободы.

Попытка сформулировать подобные положения, которые выступают начальными основаниями такого познания, заставляет обратиться к тем аспектам права, которые затрагивают его в качестве социального явления. Право выступает здесь как определенная мотивировочная сила, обеспечивающая не только упорядоченность и организацию многих сторон общественной жизни, но и соединяющая и цементирующая само здание человеческого социума, приводящая его в целостную, законченную и одновременно развивающуюся, систему. При подобных онтологических основаниях познание феномена права, прежде всего, следует проводить в понятиях социальной философии с применением метода трансцендентальной идеации²²⁰. При этом следует иметь в виду, что даже в

²²⁰ Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф.; Под ред. Денежкина А. В. М.: Гнозис, 1994. 490 с. С. 129-193; Некипелова И.М. Идеация как лингвофилософская категория // Cross Cultural Studies: Education and Science. 2021. Volume 6. Issue II. С. 103-111; 399. Tse C.Y.P. Transcendental Idealism and the Self-Knowledge Premise // Journal of Transcendental Philosophy. 2020. Volume 1. Issue 1. P. 19-41.

пределах одной онтологии могут иметь место различные гносеологические подходы. Так, например, предположение о том, что существует сущностная связь права с человеческой субъективностью, влечет за собой переход на позиции именно социально-правового трансцендентализма. Но именно отдача предпочтения тому или иному направлению социальной философии зависит от принятой изначально системы ценностей, принятой аксиологии, от того, какое содержание будет вкладываться в понятия «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», «свобода» и «несвобода». Именно право, соразмерное и отвечающее своей идее, коррелирует с добром, справедливостью и свободой. Напрашивается вывод, что внешнее бытие определяет понимание права и его бытия, а гносеологическая и аксиологическая позиция, может быть мотивирована только субъективными предпочтениями исследователя.

Итак, в зависимости от того, какое первоначальное допущение положено в основу онтологической природы права: трансценденталистское, согласно которому право объективно присутствует в мире, или нетрансценденталистское, согласно которому право выступает элементом социума, – такими и будут средства его познания. Причем эссенциальное различие трансценденталистских и нетрансценденталистских позиций не означает истинности какой-то одной из них и ложности остальных. Каждая из интерпретаций несет в себе определенный момент раскрытия многомерного содержания права, помогает понять его развитие от простых к более сложным, интегральным формам, открывая тем самым новые грани свободы.

2.3. Формально-юридические правила и трансцендентальные принципы

Настоящий параграф посвящен рассмотрению проблем и противоречий экспликации трансценденталистски понимаемых права и

свободы в эмпирической социально-правовой действительности. Будет показано, что, имеющие объективный характер проблемы и противоречия экспликации трансценденталистских феноменов права и свободы не снижают градус их общей нормативности, то есть всеобщности и универсальности, и напротив, трансценденталистское прочтение предлагает реалистический взгляд на названные феномены, которые раскрываются не как феноменально-эмпирические данности, но специфические регулятивные принципы, организующие социальное бытие. Феноменально-эмпирическое раскрытие названных феноменов предлагается рассмотреть в специфически правовом контексте от момента их возникновения, на уровне законотворчества и правотворчества, до момента их непосредственного воплощения в жизнь, встраивания в социальную ткань бытия, на уровне законореализации и правореализации.

Поскольку право, в социально-правовом смысле при его трансценденталистском прочтении, как мы выяснили, не может быть сведено к силе и исключительно формальной стороне его существования, и показали в первом параграфе настоящей главы, что право тесно связано с такими трансцендентальными образованиями, как разум и воля, существенно различаются между собой законотворчество и правотворчество, с одной стороны, и законореализация и правореализация, с другой²²¹.

Возникновение новых юридических законов во многом обусловлено теми социально-политическими отношениями, которые складываются в то или иное время в определенном человеческом сообществе²²². Их появление обусловлено многими экономическими и социальными причинами, а, следовательно, как любое социальное явление, которое включает в себя существенные черты объективизма, имеет свои внутренние

²²¹ Сапун В.А., Турбова Я.В. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 679-682; Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.

²²² Lisdiyono E., Suatmiati S. Socio-Political and Economic Aspects in Legal Context // European Research Studies Journal. 2017. Volume XX. Issue 4B. P. 149-157.

закономерности, общие принципы, которые нельзя не учитывать, если иметь в виду то, что создаваемые юридические законы должны выполнять свое предназначение – быть действенными и эффективными.

Вместе с тем, законы создаются людьми, а люди, как известно, предвзяты, непоследовательны и противоречивы²²³. Далек не всегда законодателями двигают высшие интересы, направленные на благо народа, не всегда можно с уверенностью сказать, что они имеют исчерпывающие знания и опыт, достаточный уровень общей и специальной подготовки, чтобы мыслить конкретно и, вместе с тем, масштабно, разрабатывать именно такие юридические нормы, которые нужны обществу. Законодатели являются живыми людьми, которые не лишены личных предубеждений, корыстных интересов и корпоративного эгоизма, они способны ошибаться и намеренно осуществлять злодеяния.

Насколько здесь будут важны субъективные моменты? Как добиться того, чтобы субъективные факторы, которые иногда играют решающую роль, способствовали эффективности законотворческого процесса? Существуют ли определенные общие, объективные закономерности, которые обязательно должны учитываться в процессе создания новых юридических законов? Все эти вопросы являются чрезвычайно актуальными, особенно для государств, которые находятся в состоянии радикального реформирования своей юридической системы и социальных институтов в целом²²⁴.

Разрабатывая те или иные юридические нормы, законодатель в своей работе может руководствоваться следующими соображениями: 1) текущими целями и потребностями общества, стремлением решить те проблемы, которые непосредственно стоят перед этим обществом; 2) традициями, сформировавшиеся в его родном отечестве в сфере

²²³ Мейксин С.М. Ограниченная воля в экономике // Вестник науки и образования. 2021. № 2 (105). Часть 2. С. 24-26.

²²⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2021. 456 с. С. 24-25.

законодательной деятельности; 3) опытом других стран, добившихся наибольших успехов в приоритетных направлениях мирового развития; 4) высшими моральными соображениями, относящимися к основным ценностям данного сообщества и всего человечества, например, идеями свободы, социальной справедливости, процветания государства и т.п.²²⁵ Причем на практике главным фактором указанных соображений может выступать как отдельная мотивация, так и любая их комбинация или все они вместе. К ним будут добавляться другие положения, но всегда какому-то одному из них будет отдаваться приоритет.

Если законодатель подходит к разработке законов, руководствуясь первой группой целевых установок, то результаты его работы, скорее всего, сразу же начнут приносить пользу, помогая решать насущные и злободневные общественные задачи. Однако здесь существует и опасность, что законотворчество может приобрести характер бесконечной доработки и переработки действующих положений законодательства, бесконечного «латания дыр», которые возникают в том или в другом месте социального организма. Только принятые, законы будут требовать внесения поправок, а то и отменяться в пользу альтернативных решений. Понятно, динамизм общественной жизни в эпоху реформ чрезвычайно высок, поэтому надеяться, что можно разработать юридические законы, которые могут быть рассчитаны на длительное время, пожалуй, безосновательно. Принятие новых законов, постоянное совершенствование юридической системы – это вполне нормальное явление, происходящее в любой стране²²⁶. Однако, с другой стороны, неустойчивость и неопределенность юридической базы сами по себе не способствуют упорядоченности развития общественной жизни, достижению порядка и

²²⁵ Алиэскеров М.А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // *Lex Russica*. 2017. № 12 (133). С. 55-67.

²²⁶ Невважай И.Д. Коммуникативный правогенез // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 4 (123). С. 216-223.

стабильности²²⁷. Поэтому законодатель, учитывая соображения настоящего момента, должен иметь в виду также и более отдаленные цели. От успешной законодательной работы во многом зависит то, будет ли неопределенность и неустойчивость состояния общества преодолена быстро и безболезненно или растянется на длительное время, будет лихорадить страну и делать жизнь простых людей невыносимой.

Более весомыми установками, которые могут быть положены в основу законотворческой деятельности, выступают соображения, вытекающие из второй группы принципов. Действительно, создавать такие законы, которые обеспечивали бы сохранение и преемственность определенных традиций в жизни определенного человеческого сообщества, двигаться по пути умеренных преобразований, которые являются продолжением некой общей линии в развитии, кажется более приемлемым и разумным. Такой путь позволяет более эффективно использовать интеллектуальный и нравственный потенциал общества, последовательно наращивать положительные наработки.

Однако здесь возможны, по крайней мере, две серьезные опасности. Во-первых, приверженность традициям может превратиться в консерватизм, приведет к отсталости и деградации. А во-вторых, в истории некоторых стран бывают такие периоды, когда сама общественная ситуация требует отказа от большинства устаревших умонастроений и форм поведения. Наступает сложный период «разрыва постепенности», «эпоха перемен», поиск совершенно новых ценностей и ориентиров общественного развития²²⁸.

Если отечественные традиции и нормы прошлого, формы социальной организации становятся нежизнеспособными, одним из решений может быть использование опыта других стран, которые, как

²²⁷ Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Динамизм и стабильность судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 56-64.

²²⁸ Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6-11.

считается, продвинулись дальше по пути цивилизационного развития. Такую установку в известной степени можно считать оправданной, поскольку она дает возможность идти проверенными путями, использовать известный опыт, не совершать тех ошибок, которые были допущены первопроходцами.

Однако здесь также есть свои «подводные камни». Можно на формальном уровне добиться если не гармонизации, то близкого соответствия норм национального и международного права²²⁹. В условиях усиления тенденций глобализации это безусловная необходимость. Хотя, и это следует особо подчеркнуть, даже такое предварительное задание не является простым. Если же от формального уровня перейти к содержательному, то проблема становится еще сложнее. Правовые нормы юридической системы данной страны не должны строиться на основании внешней аналогии с нормами юридических систем других стран. Для того, чтобы быть жизнеспособными, они должны быть результатом развития тех социальных отношений, которые объективно складываются в данном сообществе, выражением глубинных социальных связей, присутствующих здесь. Не выяснив сущности этих связей, трудно надеяться на то, что вводимые законы будут действенными и эффективными. Даже на формальном уровне возникает проблема: что можно позаимствовать из чужого опыта законодательства, а что считать неприемлемым и даже вредным. Прямое и некритическое заимствование болезненно прививается на чужой почве. Только жизнь социума во всем его многообразии может быть надежным ориентиром для того, чтобы показать, каким юридическим нормам предоставить статус общезначимых, сделать их работающими, добиться того, чтобы они в полной мере выполняли свое предназначение.

Однако в глубинах народной жизни бушуют самые разнообразные и очень противоречивые тенденции, выходят на поверхность и снова

²²⁹ Карпушкин А.В. Нормы международного права в правовой системе России и пределы их исполнения // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 3 (31). URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/46860> (Дата обращения: 15.09.2022).

исчезают самые разные силы, присутствует как конструктивная, так и деструктивная энергия. Если эта энергия не ограничена надежными правилами и нормами, не имеет достаточно определенных границ в виде юридических, этических и религиозных норм, то в кризисных ситуациях, порождаемых экономическими, социальными и другими причинами, эта хаотическая энергия может приводить к тяжелым, деструктивным последствиям.

Появление новых систем ценностей правового, нравственного и религиозного смысла, как правило, встречается со многими трудностями. Их создатели могут оказаться напыщенными и корыстными людьми, которым на самом деле нет никакого дела ни до интересов народа, ни до суда истории. Бывает и такое, что реформаторы искренни в своих намерениях принести благо обществу, но их идеи, по своей сути, ошибочны. В этом случае трагические последствия непродуманных социальных экспериментов неизбежны.

Фундаментальные ценности, на которых в значительной степени базируются системы законодательства, могут осознаваться и приобретать те или иные явные формы, а могут существовать в непроявленном виде²³⁰. Задача теоретиков заключается в том, чтобы вычленив их из непроявленного духовного облика и подать им формализованную, нормативную, вербальную форму. Если этого не сделать, то законодатель, не имея четких представлений о трансцендентальных детерминантах социума, может оторваться от реалий жизни и строить свою законодательную работу, исходя из абстрактных схем и идеальных конструкций или субъективных соображений абстрактного характера, но не из требований сущего.

Процессы, происходящие в обществе, с одной стороны, имеют объективный характер, и те, кто приходят в этот мир, находят его уже

²³⁰ Вахрушев С.Н. Эволюция систем ценностей в историческом развитии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 15-17.

определенным образом устроенным. Однако, с другой стороны, все, что делается в обществе, делается людьми, их разумом и волей, а, следовательно, в значительной мере может быть названо субъективным. Сама объективность тех процессов, которые происходят в обществе, содержит значительную долю субъективности и именно трансцендентализм примиряет эти противоречивые грани социального процесса. Планируя любые социальные преобразования, необходимо учитывать указанное обстоятельство.

В законотворческих процессах указанное обстоятельство имеет свою специфику²³¹. Во-первых, законотворчество связано с целостной системой морально-религиозных ценностей, присутствует в обществе, и в значительной степени является продуктом духовной составляющей той или иной общности²³², поскольку целостность и полнота есть характерная черта трансцендентализма. Во-вторых, законодательная работа должна опираться на определенную интегральную установку, в основу социальных преобразований не могут быть положены глобальные идеи об общем благе, вытекающие из каких-то абстрактных, так называемых «объективных законов общества», поскольку реализм также есть характерная черта трансцендентализма. Скорее, надо идти по пути частичных, постепенных преобразований, пути не радикальных перестроек, а «социальной инженерии» (К. Поппер), в основу которой должен быть положен принцип «малых благ» здесь и сейчас, а не мнимого всеобщего счастья в будущем. Заметим, что последнее не означает, что нужно абсолютно отказаться видеть далекую перспективу.

²³¹ Булаков О.Н. Законотворчество: теория вопроса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 1. С. 17-20; Бялт В.С., Трипутин С.Н. Законотворчество как вид правотворчества: теоретико-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 35-38.

²³² Денисова Л.В. Логика и классические ценности права // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции (25-26 октября 2019). Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 15-18.

Законотворчество – это прежде всего создание новых законов²³³. Мудрый законодатель, опираясь на свои знания и высокий статус, предлагает какие-то правила зафиксировать в строго определенной, письменной форме и предоставить им такой вес и значение, чтобы им подчинялись все. Данные правила принимаются органами власти в установленном порядке и приобретают статус юридических законов. Такой процесс, пунктирно очерченный в общих чертах, будет называться именно законотворчеством. Это достаточно тяжелый, сложный, трудоемкий и противоречивый процесс, которым занимаются профессионалы-юристы и политики. У этого процесса есть своя логика, техника и свое предназначение, свои ближние и дальние цели.

Учитывая то обстоятельство, что в законе право приобретает свою определенность и ясное, фиксированное выражение, можно отметить, что создание и разработка законов является также и созданием и разработкой права, точнее, одной из сторон права. Но, во-первых, создание и разработка права будет происходить только в том случае, если создаваемые и разрабатываемые законы являются правовыми законами. Если же законы не являются правовыми, то они не созидают, а разрушают право. Во-вторых, право далеко не исчерпывается одними лишь законами, по своей сути оно является более широким и глубоким явлением²³⁴. Законодатель правовыми законами создает и разрабатывает лишь одну из его сторон.

Правотворчество несколько отличается от того, что называется законотворчеством²³⁵. Оно не ограничивается сферой создания законов. Правотворчество – это процесс создания и разработки именно права²³⁶. Как

²³³ Булаков О.Н. Законотворчество: теория вопроса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 1. С. 17.

²³⁴ Маликов С.В. Сущность и функции права: темпоральный анализ // Право и политика. 2018. № 10. С. 9-15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17647 (Дата обращения: 15.09.2022).

²³⁵ Бялт В.С., Трипутин С.Н. Законотворчество как вид правотворчества: теоретико-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 35-38.

²³⁶ Бялт В.С., Трипутин С.Н. Законотворчество как вид правотворчества: теоретико-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 35-38.

следует из выясненного ранее, для того, чтобы понять, в чем суть правотворчества, нужно заранее знать, что такое право. Не оказываемся ли мы здесь в ситуации, известной в логике как «круг в определении» (лат. *circulus in definiendo*)? Ведь правотворчество – это процесс создания того, что пока не определено, того, сущность чего до конца не выявлена. Для того, чтобы преодолеть возникшее противоречие, как предварительный и весьма абстрактный ответ можно предложить следующее. Поскольку право создается с участием свободного человека как трансцендентального субъекта, поскольку право имманентно присуще трансцендентальному субъекту, то правом можно назвать специфическую трансцендентальную реальность, которая соответствует требованиям свободного развития трансцендентального субъекта²³⁷.

Правотворчество – это процесс возникновения и развития нормативной трансцендентальной реальности, которая называется правовой. Становление нормативной правовой реальности как трансцендентальной не является процессом, который начинается и продвигается вперед чьей-то всемогущей рукой, не является тем, что движется внешней силой, а по своей сути является процессом самодвижения, саморазвития, саморазвертывания, то есть он, по канонам трансцендентализма, не гетерономен, но автономен. Трансцендентальную правовую реальность как реальность нормативную создают, конечно, не нормативные акты. Скорее напротив, сами нормативные акты, если они соответствуют требованиям права, могут выражать эту реальность более или менее точно и адекватно. Правотворчество – это процесс самосозидания: а) отношений между людьми в процессе совместных действий; б) учреждений, поддерживающих определенный гармоничный порядок в обществе; в) правосознания людей.

²³⁷ Поскачина М.Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 5-9.

Отношения между людьми в обществе чрезвычайно разнообразны, они могут иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Они могут устраивать меньшинство или большинство, но практически никогда не вызывают одобрения всех²³⁸. Очевидно, что они будут называться правовыми в том случае, если будут отвечать определенным общим или трансцендентальным принципам, которые будут приемлемы не для большинства или меньшинства, но для разума. Будет ли кто-нибудь отрицать или нет, но если в обществе в полной мере будут воплощены в жизнь трансцендентальные принципы уважения к жизни, свободы, человеческого достоинства и собственности в отношении каждого индивида, то отношения в таком сообществе в значительной мере могут быть названы правовыми.

Одновременно с созданием правовых отношений происходит создание всей социальной жизни. При трансценденталистском прочтении орудием правовой действительности, то есть такой действительности, которая соответствует требованиям права, является человеческий разум²³⁹. Право, как любой другой продукт человеческой деятельности, сначала вызревает в мышлении, формируется как определенная трансцендентальная идея, существует как замысел, как цель и только со временем воплощается в жизнь и проявляется в феноменально-эмпирическом мире. Например, идея «естественных прав человека» сначала родилась в мышлении философов, от софистов до Дж. Локка, а уже гораздо позже воплотилась в положении «Декларации прав человека и гражданина». Право сначала возникает в мышлении немногих, возможно, только одного, и только потом, в той или иной степени, становится достоянием всего общества²⁴⁰. Право как теоретическая конструкция,

²³⁸ Abdullahi A.A. The Spirit of Laws is Not Universal: Alternatives to the Enforcement Paradigm for Human Rights // *Tilburg Law Review*. 2016. Volume 21. P. 255-274.

²³⁹ Hamish S. The place of instrumental reasoning in law // *Jurisprudence. An International Journal of Legal and Political Thought*. 2020. Volume 11. Issue 1. P. 28-47.

²⁴⁰ Лапаева В.В. Генезис права как актуальная философско-правовая проблема // *Историческая психология и социология истории* 2017. № 1. С. 5-22.

«право в возможности» становится «действительным правом» через продуманные законы, через образ правления тех, кто правит, через всю атмосферу отношений между членами сообщества. Мудрый закон говорит сам за себя, ему подчиняются не из страха, а из-за уверенности в его справедливости, потому, что он служит не власти, а общественному благу. Тот, кто правит страной, будь то самодержец, или коллегиальный орган, самым характером своего правления он показывает, служит такое правление праву, или бесправию, защищает или разрушает свободу.

Сознание большинства людей далеко от того, чтобы быть правосознанием. Однако любой индивид, прежде всего, стремится к более безопасной и комфортной жизни²⁴¹. Эта же цель – обеспечить безопасность и гармонию отношений в обществе, – в том числе, свойственна и праву²⁴². Отсюда следует, что даже в неразвитом сознании есть зачатки, предпосылки, которые могут привести к развитым, продвинутым, трансценденталистским формам правосознания. Определяющей характеристикой такого сознания является то, что всегда и везде индивид будет заботиться не о своем корыстном интересе, но служить долгу и справедливости²⁴³.

Идея права появляется тогда, когда в обществе созрели необходимые для этого предпосылки. Свое подлинное существование найдет лишь то правовое, которое хотя бы потенциально присутствует в глубинах народного сознания. Никакие идеи, приходящие откуда-то со извне, какими бы привлекательными они не казались, не приживутся на чужеродной почве, если они не соответствуют потребностям народного

²⁴¹ Абагеро Д.Д. Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города // Социодинамика. 2020. № 2. С. 35-45.

²⁴² Ivaylova С.В. Legal Security as a Principle in Lawmaking // Globalization, the State and the Individual. 2017. No. 2 (14). P. 23-29.

²⁴³ Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. СПб.: Фонд «Университет», 2017. 324 с. С. 229.

духа, не следуют народным традициям, всей логике социально-исторического развития страны и ее культуры.

Теперь рассмотрим понятия «законореализация» и «правореализация». Законореализация – процесс реализации принятых в данном обществе законов, но это еще далеко не правореализация, хотя подавляющее большинство авторов допускают смешение этих понятий²⁴⁴. Если законы в значительной мере воплощаются в жизнь, то говорят, что в данном обществе граждане законопослушные и здесь поддерживается законный порядок. Однако на практике в полной мере это бывает довольно редко, и не в последнюю очередь потому, что законы часто воспринимаются как несправедливые и неправовые²⁴⁵. Выполнение требований неправовых законов, в таком случае, будет деятельностью не по праву; и напротив, невыполнение таких законов – деятельностью, направленной на сохранение права. Граждане, которые являются законопослушными гражданами, исполняющие требования неправовых законов, будут неправовыми гражданами. А те, которые не будут законопослушными, не подчинятся подобным законам, будут относиться к сторонникам истинного права. Вследствие своего поведения законопослушные граждане могут подвергаться репрессиям со стороны того закона, который они перестали уважать и которому не подчиняются. Тем самым, будет происходить так сказать «отрицание права в квадрате». Реализация неправового закона разделяет право и закон, в то время как нереализация неправового закона приближает их друг к другу.

Практическая реализация принятых законов – это еще более трудная задача, чем их принятие. Одной из многих причин этого является то, что закон имеет одно свойство, которое, одновременно, является его

²⁴⁴ Решетов Ю.С. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета 2015. Выпуск 3 (29). С. 24-29; Cortright C., McCann W., Willitz D., Hemmens C. & Stohr M.K. An Analysis of State Statutes Regarding the Role of Law Enforcement // Criminal Justice Policy Review. 2018. Volume 31. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0887403418806562> (Дата обращения: 15.09.2022).

²⁴⁵ Рундквист А.Н. Соотношение принципов справедливости и законности. Критерии несправедливости закона // Юридические исследования. 2020. № 1. С. 48-60.

преимуществом и его недостатком. Речь идет о принудительности его исполнения. Если закон не выполняется индивидами добровольно, государство заставляет подчиняться ему. Однако если закон сам по себе является неправовым, то выполнение его требований будет деятельностью не по праву. Если же такой закон силой принуждает к тому, чтобы его выполняли, то он будет вдвойне неправовым. Особенностью закона является то, что он не просто заставляет что-то делать, но еще и налагает наказание за свое невыполнение и в некоторых случаях лишает свободы и жизни людей, осуществляя тем самым покушение на то, что называют естественными, неотчуждаемыми правами человека. Если правотворчество – это процесс создания правовой реальности, то правореализация – это деятельность человека в этой правовой реальности.

Перед лицом права всякий индивид сначала выступает как чисто формальный, абстрактный индивид. Он рассматривается лишь как правоспособный, то есть как тот, кто, во-первых, обладает перед лицом правового закона всей полнотой прав и обязанностей, и, во-вторых, как равный любому другому индивиду, то есть как личность²⁴⁶. Со времен Канта и Гегеля тезис «Будь лицом и уважай других в качестве лиц»²⁴⁷ стал одним из значимых принципов правовых отношений. В том случае, если это правило соблюдается, собственно, и начинается реализация права. Право здесь только следит за тем, что происходит, «со своей священной высоты» и не вмешивается в дела.

Однако если происходит нарушение права, то само право вступает в действие и пытается восстановить себя во всей полноте, восстановить

²⁴⁶ Суханова Э.П. Правоспособность и дееспособность физического лица в гражданском праве // Символ науки. 2018. № 4. С. 69-71.

²⁴⁷ Адвокатура и адвокатская деятельность. Учебник для вузов / А.А. Клишин [и др]; под редакцией А.А. Клишина, А.А. Шугаева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 604 с. С. 114. Полностью фрагмент выглядит следующим образом: «Абстрактное право представляет собой первую ступень в движении понятия права от абстрактного к конкретному. Это – право абстрактно свободной личности. Абстрактное право имеет тот смысл, что в основе права лежит свобода отдельного человека (личности). Личность, по Гегелю, вообще подразумевает правоспособность. Абстрактное право представляет собой абстракцию и голую возможность всех последующих более конкретных определений права и свободы. На этой стадии позитивный закон еще не обнаружил себя, его эквивалентом является формальная правовая заповедь: “ Будь лицом и уважай других в качестве лиц ”».

равновесие общественных отношений²⁴⁸, которые изменились вследствие нарушения²⁴⁹. Когда это происходит, отношение к индивиду, который посягнул на право, уже не должно быть только как к личности, то есть как к тому, кто обладает свободной волей и может быть свободным в своих действиях, – а как к субъекту. Отношение должно быть не как к абстрактному деятелю, вступившему в противоречие с правилом (законом), а как к конкретному субъекту, который нарушил право, и нарушителю могут быть вменены определенные действия, намерения и вина. Только в том случае, если будет выявлено прямое или косвенное намерение, если в наличии будет вина, происходит наказание, как восстановление нарушенной неправовым действием равновесия²⁵⁰. Не только судья как третье лицо, стоит между обиженным и обидчиком, и не мстит, а судит и делает это не по чувству и по произволу, но по справедливости и праву, но и сам преступник должен относиться к себе как к субъекту²⁵¹. То есть как к тому, кому нечто может быть поставлено в вину, кому может быть инкриминируемо намерение, как к ответственному существу, потому что он – человеческое существо, которое должно знать свой долг и степень моральной и юридической ответственности. Как разумное существо человек может и должен хотеть, чтобы он был наказан по праву, поскольку альтернативой является объявление нарушителя вне закона, а значит, приравнивание его к неодушевленным предметам, к которым любой может относиться так, как ему заблагорассудится: отправить в любое место, нанести ущерб или вовсе уничтожить²⁵². Нарушитель права должен неотвратимо понести наказание, потому что

²⁴⁸ Не случайно весы – символ правосудия от древности до наших дней.

²⁴⁹ Leonard L.J. Can Restorative Justice Provide a Better Outcome for Participants and Society than the Courts? // *Laws*. 2022. Volume 11 (1). Issue 14. URL: <https://www.mdpi.com/2075-471X/11/1/14/html> (Дата обращения: 15.09.2022).

²⁵⁰ Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 526 с. С. 5.

²⁵¹ Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016. Т. 10. № 2. С. 244-251.

²⁵² Stanton-Ife J. The Limits of Law // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. First published Sat Jan 29, 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/> (Дата обращения: 15.09.2022).

каждое преступление – это посягательство на свободу²⁵³, а посягательство на свободу одного есть вместе с этим и неуважение к всеобщей свободе (Гегель).

Право существует и реализуется не только в том случае, если кто-то вступает в конфликт с юридическим законом. Право реализуется не только в случае неправовых отношений, но и в каждой правовой ситуации и, главным образом – именно в ней. Для правопослушного индивида право реализуется в большей степени, чем для преступника²⁵⁴. Когда индивид действует по праву, он сохраняет себя, сохраняет общество, как целостность и условие своего благополучия, он сохраняет свою свободу.

Цель наказания заключается не в мести преступнику за действия, которые он совершил, но в восстановлении нарушенного права, что становится возможным только в том случае, если тот, кто был преступником, перестает им быть. Это происходит в том случае, когда тот, кто прибегнул к преступным действиям, осознает, что он нарушил право, раскаивается в содеянном и восстанавливает свое уважение к праву самому по себе. Он превращается в правопослушного гражданина²⁵⁵. Если раскаяние не произошло, то любое наказание, каким бы жестоким оно ни было, по сути является лишь мстью государства, порождает новые нарушения права, но вовсе не является восстановлением права как такового.

Любым действиям, законопослушным или противозаконным, предшествует намерение. Преступление сначала происходит в сознании субъекта. Не только уже совершенное преступление, но даже замыслы преступления – это уже девиация, которая осуждается моралью и

²⁵³ Vogt D.C. The Natural Meaning of Crime and Punishment: Denying and Affirming Freedom // Criminal Law and Philosophy. 2021. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11572-021-09624-2> (Дата обращения: 20.09.2022).

²⁵⁴ Золотарева Л.С. Субъекты правопослушного поведения в современном российском государстве // Законность и правопорядок. 2020. № 2 (26). С. 58-60.

²⁵⁵ Золотарева Л.С. Субъекты правопослушного поведения в современном российском государстве // Законность и правопорядок. 2020. № 2 (26). С. 58-60.

религией²⁵⁶. Однако для права имеют значение лишь осуществленные действия, оно не осуждает человека за намерения. Не случайно об этом прямо говорит одно из положений Римского права – *Cogitatio nis poenam nemo patitur*. Однако когда преступные действия реально осуществлены, приобретает значение не только преступление само по себе, но и те конкретные обстоятельства, которые с этим преступлением связаны. Право рассматривает не только человеческие действия и их последствия, но и то в действиях, что до их осуществления входило в замыслы. Намерения человек формирует самостоятельно, руководствуясь лишь собственной волей²⁵⁷. Намерения выступают стихией его воли и разума. Но свобода человека накладывает на него и ответственность. Поступок – это сочетание должного с сущим. «Должного» – с точки зрения конкретного индивида, осуществляющего действия. То, что должно появиться в итоге его деятельности, то, что уже порождено или будет порождено его действием, является для него ценностью.

Действие, таким образом, выступает средством ради той цели, которая является для индивида ценностью. Цели могут быть разными, они могут быть как правовыми, так и неправовыми, как моральными, так и аморальными. Индивид, как правило, отличает одни от других и стремится ориентировать свою деятельность на достижение личного блага. Однако слабость характера, незнание и другие причины приводят к тому, что результаты действий нередко вызывают противоположное замыслам. Все это, в любом случае, не мешает индивиду считать, что то, на что направлены его действия, является ценностью и отвечает его представлениям о добре, справедливости и свободе.

Отличительной особенностью социально-философского понимания права, независимо от формы и направления философствования, является

²⁵⁶ Mendlow G.S. Why Is It Wrong To Punish Thought? // *The Yale Law Journal*. 2018. Volume 127. No. 8. P. 2342-2386.

²⁵⁷ Оглезнев В.В. Намерение, действие, ответственность // *EPISTEMOLOGY & PHILOSOPHY OF SCIENCE*. 2015. Т. XLV. № 3. С. 199-209.

то, что здесь считается не корректным отдельные, внешне похожие явления, которые формально входят в юридическую компетенцию, считать исчерпывающими проявлениями права²⁵⁸. Внутренняя, скрытая природа права не является простой. Чтобы сделать верные шаги к ее раскрытию, прежде всего, нужно ответить на некоторые важные вопросы не юридического, а именно социально-философского характера. И прежде всего – на те из них, которые касаются существования права в мире, его феноменально-эмпирических характеристик.

Чтобы найти ответ на вопрос о том, как право существует в мире, целесообразно было бы, прежде всего, выяснить, существует ли право объективно, независимо от человека и его сознания, и правовед должен открывать его свойства так же, как математик открывает математические истины, или же оно является исключительно созданием человека, его желаний, ума и воли, то есть существует сначала как субъективная реальность, которая только со временем находит свою объективацию.

Законы природы и юридические законы – это такие два вида «законов», такие две «логики», которые в значительной степени отличаются друг от друга²⁵⁹. Считается, что законы природы действуют объективно, независимо от того, хотят этого или не хотят люди. Юридические законы, строго говоря, не подходят под строгое определение «закона». Они не являются законами в прямом смысле этого слова, если под законом иметь в виду необходимую и независимую от человека связь между явлениями. Они создаются людьми для удовлетворения потребностей тех же самых людей, для того, чтобы сделать общественную жизнь более гармоничной и упорядоченной, даже если не всегда это удается. Вместе с тем, можно сказать, что юридические законы возникли тогда, когда люди начали выходить из состояния дикости и требований инстинкта, которые жизнь рода всегда ставят выше жизни индивида,

²⁵⁸ Маликов С.В. Сущность и функции права: темпоральный анализ // Право и политика. 2018. № 10. С. 9-15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17647 (Дата обращения: 15.09.2022).

²⁵⁹ Crowe J. Natural Law and the Nature of Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 263 p.

противопоставили ему правила, жизнь, благосостояние и достоинство отдельной личности начали считать неоспоримой ценностью²⁶⁰. То есть они проявились на определенном этапе исторического развития. В некоторых случаях юридические законы также могут быть суровыми и крайне «неудобными» для тех, чьи личные интересы вступают в конфликт с интересами общества. Но не в том их главное назначение. Юридические законы возникли как результат стремления установить определенные универсальные, обязательные для исполнения правила, которые регулировали бы совместную деятельность и жизнь человеческих сообществ, позволяющих им существовать в течение более или менее долгого времени и развиваться²⁶¹.

Но чем объяснить тот факт, что в то или иное время, в том или ином месте появляются именно такие, а не другие законы? Чем должен руководствоваться законодатель, когда он предлагает определенные суждения считать юридическими законами, обязательными для исполнения?

Одним из ответов на этот вопрос мог быть бы такой, что юридические законы должны быть полезными, выгодными, удобными человеческим сообществам; только в таком случае существование таких законов будет необходимым и оправданным. Нет сомнений в том, что такие законы должны служить для определенной пользы, но что понимать под «общей пользой»? Различное ее понимание приводит к столкновению интересов, нарушению порядка в обществе, на установление которого как раз и претендуют юридические законы.

Можно предположить, что поскольку люди живут в обществе, юридические законы должны быть выражением того или иного уровня развития общественных отношений. Тогда, возможно, закономерности

²⁶⁰ Niemi H.-M. The Use of Human Dignity in Legal Argumentation: An Analysis of the Case Law of the Supreme Courts of Finland // *Nordic Journal of Human Rights*. 2022. Volume 39. Issue 3. P. 280-299.

²⁶¹ Katz D.M., Coupette C., Beckedorf J. et al. Complex societies and the growth of the law // *Scientific Reports*. 2020. Volume 10. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-73623-x>. (Дата обращения: 21.02.2022).

самого общества, так называемые «объективные законы общества», должны указывать на то, какие нужно устанавливать правила для регулирования отношений между людьми.

Это было бы так, если бы вопрос о наличии объективных законов общества, со всех точек зрения, не оставался открытым²⁶². Предположение некоторых философов и политических мыслителей о возможности открыть и исследовать такие законы, а затем использовать их для целей стратегического планирования жизнедеятельности людей (Маркс) никогда полностью не подтверждались. Если бы эти предположения были оправданы, то вопрос о создании юридических законов, которые отвечали бы требованиям права и в значительной степени способствовали бы созданию свободного, гуманного общества, решались бы гораздо проще.

Оказалось, что ход событий в обществе во многом зависит не от каких-то «объективных законов общества»²⁶³, а именно от свободы воли отдельных лиц²⁶⁴. Появление или непоявление того или иного лица существенно влияет на ход мировой истории, в чем люди неоднократно убеждались. Социальная реальность, которая осуществилась, является лишь одной из альтернатив, выразившейся в большом количестве случайных обстоятельств, которые соединились в пространстве и времени, тогда как множество других альтернатив не нашло осуществления и окончательно исчезло. Как показывает практика, человеческая субъективность, то есть цели, желания, интересы и ценности людей, – это не такой уж малосущественный фактор, на который можно было бы не обращать внимания. Его влияние очень часто выступает решающим условием изменений общественной жизни. Поэтому во многом правы те исследователи, например, Кант, а также неокантианцы Виндельбанд,

²⁶² Кевбрин Б.Ф., Никишова Н.В. Роль объективных законов природы в формировании правовых норм общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 363-366.

²⁶³ Момджян К.Х. О фаталистическом понимании истории // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 2. С. 48-62.

²⁶⁴ Queiroz R. Individual liberty and the importance of the concept of the people // Palgrave Communications. 2018. Volume 4. Article number: 99. P. 1-12.

Риккерт, которые утверждали, что право не может проистекать из одних только внешних обстоятельств объективного характера, оно несет в себе важные черты человеческой субъективности, ее внутренних, априорных форм²⁶⁵.

Если посмотреть на вопрос с указанной точки зрения, то определяется несколько иная картина оснований взаимосвязи права и свободы. А именно та, что, поскольку право является продуктом целесообразной деятельности человека, его разума и воли, то возможно сам разум во всех своих проявлениях является создателем права? Нельзя ли предположить, что возникновение и существование права происходит по законам самого разума?

Такая позиция долгое время казалась достаточно убедительной²⁶⁶. Но, стремясь раскрыть внутреннюю природу права с этих позиций, необходимо убедиться в самодостаточности самого разума, проанализировать, в какой мере ему можно доверять. Это сопровождается новыми вопросами, которые требуют дополнительного разъяснения и не позволяют принять эту позицию как безоговорочную и окончательную. Во-первых, что считать продуктом разума самого по себе, а что выступает результатом внешнего на него воздействия? Где граница, отделяющая внутреннее от внешнего в функционировании разума? Что считать определяющими факторами в этом процессе? Во-вторых, люди, осуществляя те или иные действия, во многих случаях руководствуются не разумом, а скорее «неразумием», страстями, инстинктами, побуждениями непосредственной пользы²⁶⁷. В итоге создаются соответствующие этим устремлениям юридические законы, а затем соответствующая им социальная действительность. Потом оказывается, что большинство из

²⁶⁵ Wojtczak S. Endowing Artificial Intelligence with legal subjectivity // AI & SOCIETY. 2022. Volume 37. P. 205-213.

²⁶⁶ Burazin L. The rule of recognition and the emergence of a legal system // Journal for constitutional theory and philosophy of law. 2015. Volume 27. P. 115-130.

²⁶⁷ Eigenauer J. The Problem with the Problem of Human Irrationality // International Journal of Educational Reform. 2018. Volume 27. Issue 4. P. 341-358.

созданных таким образом законов, не соответствует названию «правовых», а построенная на их фундаменте социальная реальность в любом смысле не может быть названа «правовым порядком».

Таким образом, есть веские аргументы и в пользу того, что принципы права и свободы связаны с определенными объективными процессами, которые реально имеют место в мире, и есть такие, которые обосновывают первичность субъективных моментов.

Действительно, многое в мире подчиняется определенным объективным закономерностям, которые проявляются независимо от воли и желаний людей²⁶⁸. И хотя некоторые ученые настаивают на том, что законы природы существуют только в нашей голове, что они являются лишь способом упорядочения внешнего эмпирического опыта познающего субъекта²⁶⁹, а реальный мир – это царство случайностей и хаоса²⁷⁰, однако, видимо, в этом мире хаоса все же существуют определенные области, где просматривается упорядоченный ход явлений и закономерный ход событий. Общественную жизнь, в этой связи, можно было бы, несмотря на всю ее противоречивость и контрастность, отнести именно к такого рода явлениям – явлениям, подверженным законсообразности. Если это так, то имело бы смысл попытаться понять внутренние, сущностные связи этого процесса и попытаться внести какой-то порядок в этой части реальности, в частности – с помощью права и свободы как его трансцендентального основания.

Мы приходим к выводу, что право по своей природе нормативно и трансцендентально. Один из древнеримских юристов – Цельс – говорил, что «право есть искусство доброго и справедливого»²⁷¹. Иными словами,

²⁶⁸ Pleasants N. Free Will, Determinism and the “Problem” of Structure and Agency in the Social Sciences // *Philosophy of the Social Sciences*. 2019. Volume 49. Issue 1. P. 3-30. P. 10.

²⁶⁹ Niaz M. Conclusion: Understanding the Elusive Nature of Objectivity // *Evolving Nature of Objectivity in the History of Science and its Implications for Science Education*. Contemporary Trends and Issues in Science Education. Cham: Springer, 2018. P. 179-196.

²⁷⁰ Guessoum N. Randomness in the Cosmos // *Abrahamic Reflections on Randomness and Providence*. Cham: Springer, 2020. P. 57-84.

²⁷¹ Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. 584 с. С. 83.

право – это практическая способность вносить порядок в хаос человеческой жизни, вносить сюда свой «логос». Будучи важнейшим инструментом создания человеческого общества, право имеет чувственно-сверхчувственную или трансцендентальную природу. Право в его феноменально-эмпирических проявлениях вполне можно считать продуктом человеческого опыта, но при этом нельзя целиком и полностью вывести исключительно из эмпирического опыта. Право является феноменом духовного порядка, трансцендентальным феноменом, который, говоря гегелевским языком, является «объективным духом», то есть внешним выражением определенной внутренней, скрытой логики, того, что древние греки называли мировым «логосом».

В древности философия стремилась понять, каким должно быть человеческое общество, чтобы его существование соответствовало общим законам универсума. Общество является частью мира (космоса), крайне специфической, но все же его частью. Особенностью общества является то, что здесь возникают условия для совмещения объективной и субъективной сторон духа, возможность организовать, упорядочить хотя бы часть мира, который в глобальном масштабе находится в состоянии хаоса. Право можно считать средой или таким чувственно-сверхчувственным или трансцендентальным пространством, в котором сочетаются порядок и свобода, а последняя приобретает условия для своей конкретной реализации. Вместе с тем право это первая ступень к высшим проявлениям свободы²⁷².

2.4. Свобода как сила и свобода как право

Рассмотрев в первой главе специфику постановки проблемы свободы в социальной философии и показав особенности трансценденталистских

²⁷² McCarthy-Jones S. The Autonomous Mind: The Right to Freedom of Thought in the Twenty-First Century // *Frontiers in Artificial Intelligence*. 2019. Volume 2. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frai.2019.00019/full> (Дата обращения: 15.09.2022).

(нормативных) и не-трансценденталистских (релятивистских) концепций свободы в рамках социально-философского дискурса, во второй главе мы намерены показать, каким образом трансценденталистские и нетрансценденталистские (релятивистские, утилитарные) концепции свободы эксплицируются уже непосредственно в социально-правовом дискурсе, как частном случае дискурса социально-философского.

Как было показано в параграфе 1.3., трансцендентальное понимание свободы выступает базисом идеи социального равенства и в том числе равенства людей перед законом. Ей противостоит нетрансцендентальная трактовка свободы как социального различия, т.е. отношения, выражающегося в асимметрии социальных состояний, когда несвобода одних является условием свободы других. Такое понимание свободы открывает перспективу рассмотрения трансценденталистских и нетрансценденталистских концепций свободы непосредственно в социально-правовом дискурсе, для чего представляется необходимым начать исследовательский поиск с генезиса проблематики свободы в сфере права и особенностей ее экспликации в рамках социально-правовой сферы.

Одним из первых правовых документов, в котором употребляется слово «свобода», является глиняная табличка с Шумера XXIV столетия до н. э., в которой правитель одной из областей устанавливает «свободу» для своих подданных относительно формы и размера налога, прекращения произвола сборщиков податей, защиты малоимущих, запрета обращения в рабство храмовых слуг²⁷³. По сути дела, исторически, появление права было обусловлено необходимостью установить легитимные, рационально обоснованные пределы для безудержной свободы или немотивированного принуждения. Проблема взаимосвязи права и свободы, начиная с эпохи античности, неоднократно становилась предметом пристального внимания философов и политических мыслителей различных теоретических

²⁷³ Права человека: учебник / Отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 560 с. С. 29.

направлений. Особенно обострилась эта проблема в Новое время²⁷⁴. Одни, в частности, Гегель и его последователи считали, что право в его сущностном измерении является ни чем иным как свободой²⁷⁵. Право здесь рассматривается как единственный способ, которым свобода вообще существует в мире. Степени развертывания права являются, по его мнению, ступенями развертывания самой свободы: «Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»²⁷⁶. Другие, например, представители неокантианской школы философии права – Р. Штаммлер²⁷⁷, Г. Радбрух²⁷⁸, Б.А. Кистяковский²⁷⁹ – считали, что право достаточно опосредованно сталкивается со свободой, поскольку основными своими сторонами связано с системой ценностей, носит неэмпирический, трансцендентальный характер²⁸⁰. Несмотря на имеющиеся различия, оба приведенных выше дискурса являются трансцендентальными, поскольку вполне соответствуют критериям трансцендентальных направлений социально-философского дискурса, выделенных в первой главе.

Вместе с тем, ряд исследователей-трансценденталистов, прежде всего, это сторонники теории естественного права, как ее классических

²⁷⁴ Zaaiman J. Power and freedom: Reflecting on the relationship // KOERS. 2021. Volume 86. Issue 1. URL: http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2304-85572021000100004 (Дата обращения: 18.09.2022).

²⁷⁵ Göksel G.U. Kant and Hegel on Freedom // Kaygı. 2021. Volume 20. Issue I. P. 131-149. P. 146; Pimenta T.L. The Abyss of Right: Hegel's Philosophy of Right and the Question of Poverty // *Varia. Economics as a Public Science*. 2020. Volume 10. Issue 4. P. 729-757. P. 754.

²⁷⁶ Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 67.

²⁷⁷ Штаммлер Рудольф. *Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование*. Пер. с нем. Изд. стереотип. М.: КРАСАНД, 2016. 310 с.

²⁷⁸ Радбрух Г. *Философия права* / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.

²⁷⁹ Кистяковский Б. А. *Философия и социология права* / Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1998. 800 с.

²⁸⁰ Штаммлер Рудольф. *Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование*. Пер. с нем. Изд. стереотип. М.: КРАСАНД, 2016. 310 с.; Кистяковский Б. А. *Избранное: в 2-х ч. Ч. 1*. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 656 с.; Кистяковский Б. А. *Избранное: в 2-х ч. Ч. 2*. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 376 с.

форм, берущих начало с античности, так и современных концепций «возрожденного естественного права», полагали, что право следует связывать не столько со свободой, сколько, прежде всего, со справедливостью. Философы и мыслители, стоявшие на позициях юридического позитивизма (И. Бентам²⁸¹, Д. Остин²⁸² и другие), настаивали на том, что у права нет другого смысла, кроме того, которое выражает государственная воля, закрепленная в юридических законах, и связь свободы с правом должна рассматриваться в исключительно юридическом ключе. Близких взглядов придерживались представители позитивистского направления XX столетия – Г. Кельзен²⁸³, Г. Л. А. Харт²⁸⁴ и некоторые другие. Современная западная философско-правовая и политико-правовая мысль, касаясь различных сторон проблемы соотношения права и свободы, как правило, рассматривает ее политико-правовое измерение, ограничиваясь анализом инструментальных функций свободы и не видя здесь никакого метафизического смысла²⁸⁵. Здесь речь идет о правовом, юридическом трансцендентализме, который рассматривает право нормативно, но не метафизически.

²⁸¹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 415 с.; Бентам Иеремия. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 144 с. (Классика политэкономической мысли).

²⁸² Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. London: John Murray, Albemarle Street, 1832. 496 p.

²⁸³ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.; Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена : учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 2008 с.; Невважай И.Д. Критерии научности в нормативных теориях: неокантианство и теория права Ганса Кельзена // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 25-30.

²⁸⁴ Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 302 с.; Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.; Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.

²⁸⁵ Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. 528 с.; Арон Р. Эссе о свободах / Пер. с франц. Н.А. Руткевич. М.:Праксис, 2005. 208 с.; Арон Р. Опиум интеллектуалов / Пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: Издательство АСТ, 2015. 480 с. С. 241-300; Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.; Нозик Роберт. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2019. 424 с.; Чалый В.А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика. Кантовский сборник. 2014. № 2. С. 46-52; Дворкин Рональд. О правах всерьез / Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с.; Игнаткин О.Б. «Равенство в свободе». Принципы политической философии Рональда Дворкина. М.: РГГУ, 2008. 203 с.; Чалый В.А. Кантовские идеи в философии Рональда Дворкина. Гуманитарные исследования и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 157-162; О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 696 с.

В концептуальную схему «свобода – право – справедливость» для различения трансценденталистского (нормативного) и нетрансценденталистского (релятивного) дискурсов в социально-правовом исследовании должна быть введена еще одна категория – сила (насилие / принуждение)²⁸⁶, выступающая сущностной характеристикой нетрансценденталистских концепций понимания свободы и права как силы. Уже на ранних стадиях развития человеческого общества альтернативой силовому решению конфликтов выступили именно принципы справедливости и права, как трансценденталистская правовая альтернатива неправовым в сущности нетрансценденталистским (анормативным) представлениям о свободе и праве.

Противоречивость нетрансценденталистской интерпретации справедливости отмечал уже Б. Паскаль, писавший о том, что бессильной справедливости всегда противятся, хотя и несправедливую силу осуждают, поэтому «следует соединить справедливость и силу, а для того либо справедливость сделать сильной, либо силу сделать справедливой». Но второе сделать несоизмеримо проще, нежели первое: «не сумев сделать справедливость сильною, мы сделали так, будто сила справедлива»²⁸⁷.

У философов Нового времени идея права и свободы как силы вытекала не из натуралистических, а из природно-механистических убеждений. Так, например, по мнению Спинозы все вещи, существующие в мире, наделенные определенным количеством силы, является частью разлитой повсюду в мире Божественной мощи. Закон природы заключается в том, что «каждая вещь стремится, поскольку от нее зависит, оставаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а

²⁸⁶ Мишагин П.А. Феномен насилия в контексте идеи свободы // Философско-богословское осмысление Великой Победы: онтологический и ценностный аспекты: сборник материалов круглого стола в рамках XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений (Москва, 29 янв. 2020 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко. М.: Российский православный университет святого Иоанна Богослова; Летний сад, 2020. 128 с. С. 24-34.

²⁸⁷ Паскаль Б. Мысли: Афоризмы / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: АСТ: Астрель, 2021. 236 с. С. 114-115.

только с собой»²⁸⁸. Говоря о «праве природы» Спиноза имеет в виду именно мощь природы, поскольку подразумевает под «правом природы» правила или законы, в соответствии с которыми развивается природное мироздание: «Но т. к. всеобщая мощь всей природы есть не что иное, как мощь всех индивидуумов, вместе взятых, то отсюда следует, что каждый индивидуум имеет верховное право на все, что он может, или что право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь»²⁸⁹. Аналогичным образом свободу как право силы понимали Макиавелли²⁹⁰, Гоббс²⁹¹, Боден²⁹².

Рассмотрим противоположные, собственно трансценденталистские точки зрения на природу связи свободы и права. Например, по Аристотелю, насилие само по себе не создает права, оно характерно только для неправовой формы правления, называемой тиранией. В отдельных случаях допускается использование силы как одного из средств, что обеспечивает существование государства «как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются нанести обиду»²⁹³. Однако, по мнению философа, это не может быть общим правилом.

Проблема соотношения права и свободы в контексте силы продолжала волновать и философов Нового времени и решалась также зачастую в трансценденталистском ключе: «Есть два способа решать спорные вопросы между людьми, – писал Дж. Локк, – или обращаясь к

²⁸⁸ Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М.М. Лопаткина, С.М. Роговина, Б.В. Чредина. М.: Академический проект, 2019. 486 с. С. 172.

²⁸⁹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М.М. Лопаткина, С.М. Роговина, Б.В. Чредина. М.: Академический проект, 2019. 486 с. С. 172.

²⁹⁰ Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник / Пер. с ит. 2-е изд. Минск: Попурри, 2013. 672 с.

²⁹¹ Гоббс Томас. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана; вступ. ст. А. Филиппова. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 608 с.

²⁹² Боден Жан. Метод легкого чтения историй: в 3 т. Т. II. Об устройстве государств / Пер. с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 560 с.; Кузьмин Э.Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете М.: Международные отношения, 2018. 376 с.

²⁹³ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. 830 с. С. 375-644. С. 603.

праву, или – к насилию; по своей природе они таковы, что там, где кончается одно, начинается другое»²⁹⁴.

По мнению Руссо, право силы можно называть «правом» разве что в ироническом смысле, хотя некоторые считают это правом в принципе. Однако если понимать под силой силу физическую, то проблематична сама возможность выведения каких-либо моральных и в целом – не-силовых детерминант ее применения. «Уступать силе – это акт необходимости, а не воли; в крайнем случае, это – акт благоразумия»²⁹⁵. Далее Руссо развивает свою идею о связи силы и права: право, которое исчезает, как только прекращается действие силы, не может называться правом. Если нужно повиноваться, подчиняясь силе, то нет необходимости повиноваться, следуя долгу. Таким образом, право ничего не прибавляет к силе²⁹⁶. Сила не творит право, подчеркивал Руссо, и подчиняться нужно только правовому закону. Если же предположить, что сила создает право, то тогда сила как следствие незаконно присваивает себе статус причины.

Сила при рассмотрении характерных ее признаков в соотношении с правом может выступать либо в виде принуждения, либо в виде прямого насилия. Если принуждение связано с необходимостью поддержки определенного равновесия в отношениях между людьми в обществе и носит характер необходимой меры, предпринимаемой в том случае, когда действия выходят за рамки предписанного, то насилие выглядит исключительно как проявление субъективной человеческой свободы. Рассматривая право в соотношении с силой как насилием, следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что одни указывали на их косвенное влияние друг на друга²⁹⁷, другие говорили о прямой связи²⁹⁸, а некоторые

²⁹⁴ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. С. 123.

²⁹⁵ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: Кучково поле, 1998. 416 с. С. 195-322. С. 201.

²⁹⁶ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: Кучково поле, 1998. 416 с. С. 195-322. С. 201.

²⁹⁷ Васильева Н.С. Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства. Санкт-Петербург, 2019. 480 с. С. 195-196.

даже были убеждены, что право – это, главным образом, насилие²⁹⁹, последнее противоречит трансцендентальному пониманию принципов справедливости и свободы.

Вместе с тем праву свойственно принуждение, которое некоторые считают специфической чертой, отличающей право от такого способа социальной регуляции, как мораль³⁰⁰. Действительно, нельзя заставить человека любить других людей или уважать чужую собственность, но человека вполне возможно заставить под страхом наказания не делать попыток покушения на жизнь и собственность другого человека.

Принуждение согласно трансценденталистской трактовке может выступать признаком права только тогда, когда оно легитимно, то есть исходит от законной власти, которая в своих действиях не нарушает пределы предоставленных ей полномочий. Только такое принуждение будет в полной мере правомерным, или правовым в силу своего следования определенной норме, то есть посредством нормативности³⁰¹. Однако принуждение может быть и неправовым (ненормативным), если оно применяется тиранической властью или исходит от лиц, которые самовольно, вопреки установленной законом процедуре, присвоили себе это право.

Однако именно принуждение конституирует правовой способ нормативного регулирования. Корни этого вида регуляции лежат глубже. Вряд ли можно отрицать, что в том случае, если применяется прямое физическое принуждение, трудно говорить о присутствии права в истинном смысле этого слова. Человека как разумное существо, имеющее

²⁹⁸ Prochownik K.M. The experimental philosophy of law: New ways, old questions, and how not to get lost // *Philosophy Compass*. 2021. Volume 16. Issue 12. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/phc3.12791> (Дата обращения: 04.09.2022).

²⁹⁹ Zurnetti A., Muliati N. Customary criminal law policy on domestic violence settlement through restorative justice // *Cogent Social Sciences*. 2022. Volume 8. Issue 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2022.2090083> (Дата обращения: 04.09.2022).

³⁰⁰ Morriss P. What Is Freedom if It Is Not Power? // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. 2012. Volume 59. No. 132. P. 1-25. P. 14.

³⁰¹ Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической природе права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. № 6 (335). С. 68-86.

свободную волю, способность свободного выбора, никакое принуждение не заставит выбирать только такой образ действий, который одобряют окружающие. Человека можно наказать за уже совершенное преступление, но физическое принуждение не может заставить человека подчиняться навязанным извне принципам³⁰², даже если их называют принципами добра и справедливости и соотносят с так называемыми общечеловеческими ценностями.

Вместе с прямым принуждением весомым сдерживающим фактором может быть угроза принуждения³⁰³. Как уже отмечалось, принуждение является важным признаком позитивного права, хотя называть это сущностью права с трансценденталистской точки зрения вряд ли было бы корректным. Более того, помимо непосредственно правового принуждения существуют другие виды принуждения: нравственное, психологическое, известная «сила общественного мнения»³⁰⁴. Дело здесь, как представляется, в другом. Когда любое внешнее принуждение отсутствует, а соблюдение общепризнанных правовых норм осуществляется через внутренние убеждения, чувство долга, – именно тогда торжествует право и действительная свобода. Напротив, злоупотребление принуждением не только не укрепляет право, но часто приводит к его подавлению и даже уничтожению³⁰⁵. Итак, с трансценденталистской (нормативной) точки зрения существует определенная мера, нарушение которой превращает силу из конструктивного фактора в деструктивный и приводит к искажению свободы и права. Предполагается, что в правовых отношениях

³⁰² Pundik A. Coercion and Volition in Law and Philosophy // *The Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2018. Volume 31. Issue 1. P. 107-123; 348. Woodbury-Smith K. The nature of law and potential coercion // *Ratio Juris*. 2020. Volume 33. Issue 2. P. 223-240.

³⁰³ Galoob S.R., Sheley E. Reconceiving Coercion-Based Criminal Defenses // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2022. Volume 112. Issue 2. P. 265-328. P. 321-322.

³⁰⁴ Pintore A. Which coercion, which method, which normativity? // *Journal for constitutional theory and philosophy of law*. 2021. Volume 45. URL: <https://journals.openedition.org/revus/7647> (Дата обращения: 04.09.2022).

³⁰⁵ Вильская Е.С. Злоупотребление правом как общеправовая категория // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 6. С. 104-108.

всегда присутствует человек – уникальное существо, обладающее разумом и волей, которое выше всего ценит свою независимость и свободу³⁰⁶.

Однако только в идеале мера принуждения могла бы определяться единичным образом, проявляться, исходя из конкретного, единичного человека, то есть относительно одного человека быть одной, относительно другого человека – другой. В реальности мера принуждения выступает определенным общим мериллом, ровно применяемым по отношению ко всем людям и к каждому человеку в отдельности. Эту меру принуждения, общую и единую для всех членов общества, выражает юридическая норма, зафиксированная в законе. Таким образом, функциональная связь между принуждением и правом, выступая сначала как внешняя связь двух различных явлений, выводит нас на понятие «юридический закон», показывает глубокую, опосредованную зависимость между правом и свободой.

Любой юридический закон определяет меру принуждения достаточно условно³⁰⁷. Данная мера является или результатом консенсуса (при демократии), или диктуется волей самодержца или олигархии. Она не может выступать чем-то объективным, таким же безусловным, как, скажем, законы природы. Возникает вопрос: если так, то существует ли вообще эта «объективная» мера принуждения, которую можно формально зафиксировать в законе и которую нужно учитывать во всех тех случаях, когда возникает необходимость квалифицировать явления как правовые или неправовые?

С трансценденталистской точки зрения, элемент принуждения, который используется для утверждения требований юридического закона, является характерным только для того права, которое называется

³⁰⁶ Суслов А.В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам // Философская мысль. 2021. № 3. С. 94-104. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.3.33104 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33104. (Дата обращения: 28.01.2022).

³⁰⁷ Miotto L. Don't Feel Threatened by Law // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. 2022. Volume 35. Issue 2. P. 487-509. P. 488.

«позитивным правом». Позитивное право является определенной формой проявления права как такового, подлинной или превращенной, оно нормативно выражает конкретную правовую ситуацию в определенное время в определенном социуме. Но есть еще и естественное право, которое не может быть сведено только к позитивному праву, его содержание несравненно носит более богатый и глубокий характер по своему существу. Например, народ может выгнать или даже казнить правителя, если правитель становится тираном, угнетателем своего народа³⁰⁸. Откуда у народа возникает такое право, если законы (позитивное право), установленные правителем или олигархией, имеют главной целью укрепление и сохранение существующей власти? Пожалуй, это право народа возникает не посредством позитивного права и даже вопреки ему. Оно существует с точки зрения высших соображений, идей справедливости и свободы как таковых.

Таким образом, при трансценденталистском подходе, стремление определить необходимую степень принуждения как меру силы позволяет выйти за пределы собственно «позитивного права» и обратиться к той области, где право выступает уже в виде определенной идеи или идеальной сущности. Если подходить к праву таким образом, то сила здесь уже не будет играть той определяющей роли, которую она имеет в позитивном праве. На этом этапе право, перерастая рамки позитивного права, становится тем императивом, который, в конечном счете, определяет все те явления, которые с ним непосредственно связаны, в частности, и такие феномены, как сила и свобода.

Итак, сила не может выступать надежной основой регуляции отношений в социуме, она превращает жизнь людей в бесконечную «войну всех против всех». Становление и развитие человеческой цивилизации можно представить, таким образом, как последовательный процесс

³⁰⁸ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года (полный текст). URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version-> (Дата обращения: 08.07.2022).

перехода от преимущественно силовой к преимущественно нормативно-правовой регуляции общественных отношений³⁰⁹. Долгое время юридический закон также рассматривался как санкционированное применение силы³¹⁰. Однако со временем пришло убеждение, что это только одна его сторона, и она далеко не всегда нацелена на упорядочивание социальных отношений и сохранение свободы³¹¹.

Проблема того, что такое право по своей истинной природе, каково его подлинное соотношение со свободой, на протяжении всей истории философии права не переставала оставаться предметом глубоких размышлений мыслителей самых разных философских направлений. «Что такое право?» – Этот вопрос вполне может смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – подобно тому, как пресловутый вопрос “Что есть истина”, может смутить логиков» – отмечал Кант³¹². В словах великого немецкого философа, вместе с прямым вопросом о том, что есть право само по себе, имплицитно содержится еще и мысль, что, как для ученого-логика вопрос об истине как таковой выходит за рамки собственно логики, так же и для правоведа вопрос о сущности права не может быть полностью решен в рамках юриспруденции. Масштаб и ракурс вопроса о собственных основаниях с необходимостью заставляет выходить в более широкую сферу – в сферу философии права и метафизики.

Что такое право как явление внешнего мира, в чем заключается его истинная природа и суть, как оно связано с феноменом свободы? «Но не

³⁰⁹ Nadler J. Expressive Law, Social Norms, and Social Groups // *Law & Social Inquiry*. 2017. Volume 42. Issue 1. P. 60-75.

³¹⁰ Dojas A.E. Legality of a use of force and the practice of states. What can be expected in the next two decades? // *Estudios internacionales (Santiago)*. 2016. Volume 48. № 183. URL: https://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0719-37692016000100006. (Дата обращения: 29.01.2022).

³¹¹ Elford G. Freedom of expression and social coercion // *Legal Theory*. 2021. Volume 27. Issue 2. P. 149-175. P. 152.

³¹² Кант Иммануил. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. 1120 с. С. 85.

проходит и дня – и даже часа, – пишет американский исследователь Л. Фридмен, – без взаимодействия с правом в самом широком смысле слова или с людьми, чьи действия определяются правом. Право вездесуще, хотя зачастую его присутствия мы не замечаем»³¹³.

Для юристов безусловным фактом является то, что систему права должны представлять такие правила и предписания, которые разработаны, утверждены и проводятся в жизнь в соответствии с установленным порядком, который называют юридической процедурой, которая представляет собой институционализированную форму нормативного регулирования общественных отношений³¹⁴. Действия любого индивида будут действиями, соответствующими требованиям права, если они не будут противоречить принятым в данном обществе юридическим законам. Наоборот, если какие-либо деяния (действия или бездействие) будут противоречить законам, то – независимо от того, будут ли эти законы жесткими, или мягкими, – любой юрист с необходимостью будет вынужден квалифицировать их как неправовые.

Нередко случается, что строгое и неукоснительное выполнение юридических законов оборачивается попранием идеи права и вместе с ней – свободы. Подвергая критическому рассмотрению подобные ситуации, Гегель, отмечал, что, хотя «право, лишь становясь законом, обретает не только форму своей всеобщности, но и свою истинную определенность»³¹⁵. Тем не менее, «закон может по своему содержанию отличаться от того, что есть право: то, что имеет силу, и то, что есть право в себе, может быть совершенно различным»³¹⁶.

³¹³ Фридман Л. Введение в американское право. М.: Издательская группа «Прогресс» «УНИВЕРС», 1993. 288 с. С. 7.

³¹⁴ Сергеев С.Л. К вопросу о факторах эффективности позитивного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1 (7). С. 7-17.

³¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 247.

³¹⁶ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 444.

Юридический закон создается на основании интегрального анализа социального сущего³¹⁷. Однако, выражая сущее, то есть отталкиваясь от имеющегося социально-политического, правового и культурного состояния, он, вместе с тем, в своеобразной форме говорит также о должном, о том, в каком направлении должно двигаться общество, к каким стратегическим и тактическим целям оно будет стремиться. Тем самым закон выражает определенные скрытые потенции, которые только в течение более или менее длительного времени реализуются на практике, то есть выполняет функции проектирования будущего. Не в последнюю очередь это касается тех законов, которые связаны с правами и свободами человека и гражданина, в частности – Конституции страны.

Конституция любой страны, прежде всего, несет в себе политическую и правовую нагрузку. Она тесным образом связана с конкретикой текущей жизни, в ней трудно разглядеть какой-то метафизический смысл. Однако, концентрируя и формально закрепляя общественные представления о свободе, что является важнейшим объектом интереса практической философии и метафизики, вольно или невольно она включает в себя более общие мотивы. Конституцию можно представить как юридическое или правовое выражение единства потенциальной и актуальной свободы. В таком случае важнейшим вопросом становится вопрос о способах преобразования потенциального в актуальное.

Конституционные свободы имеют тесную связь с понятием «права человека»³¹⁸. Имея свободу воли, человек имеет возможность осуществлять те или иные действия как сам по себе, так и вступая в отношения с другими людьми. Порядок таких действий, их социальная регламентация осуществляется с помощью соответствующих юридических

³¹⁷ Azoulai L. "Integration through law" and us // International Journal of Constitutional Law. 2016. Volume 14. Issue 2. P. 449-463. P. 452.

³¹⁸ Howie E. Protecting the human right to freedom of expression in international law // International Journal of Speech-Language Pathology. 2018. Volume 20. Issue 1: Communication is a human right: Celebrating the 70th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. P. 12-15.

норм, в частности посредством Конституции страны. Но можно ли сказать, что индивид свободен совершать определенные действия или воздержаться от действий сам по себе постольку, поскольку он – свободный индивид? Или напротив, – он свободен только в той мере, в какой это регламентируется позитивным правом?

Те элементы свободы, которые отражены в юридических документах определенной страны, если она по своей сути демократическая, представляют собой лишь малую часть той свободы, на которую человек сам по себе, через свои субъективные ощущения, мог бы претендовать. Кроме того, даже эта малая часть свободы часто только декларируется, не находя на практике полноценного воплощения. Тем самым реальная свобода человека еще больше отдалается от его потенциальной свободы. В юридических нормах, зафиксированных в Конституции и законах, закрепляется только политическая и правовая свобода, причем опять-таки не в реальном, а, скорее, в потенциальном выражении. И даже такой «слабый вид свободы» бесконечно далек от той потенциальной свободы, на которую мог бы претендовать человек как таковой, уважающий себя, имеющий достоинство, одним словом, человек как автономное, самодостаточное существо.

Реальность свободы, с точки зрения права – это такие социальные условия³¹⁹, которые в высшей степени способствуют реализации заложенных в свободе потенций в отношении прав человека, реализации того минимума свободы и справедливости, который необходим для обеспечения достойной жизни каждого члена общества. Однако, для трансценденталистских систем права свобода априорна, она не сводится к набору социальных условий.

Кроме всего прочего, само внутреннее содержание юридических законов показывает как бы два среза, или два уровня свободы: социальную

³¹⁹ Haugaard M. Two types of freedom and four dimensions of power // *Revue internationale de philosophie*. 2016. Volume 1. No. 275. P. 37-65. P. 46.

и индивидуальную свободу³²⁰. Каждый индивид, живя в условиях социума, не может стать реально свободным без свободы каждого другого члена общества, а, следовательно, частная, отдельная свобода индивида не может быть ничем иным как формой индивидуализации социальной свободы. Для того, чтобы быть самодостаточным в своей индивидуальной свободе, необходимо быть «сверхчеловеком» или Богом³²¹. Если настаивать на приоритете индивидуальной свободы перед коллективными ее формами, то на этом пути существуют серьезные сложности и проблемы: вместо развития свободы и человеческой личности можно опуститься ниже всякого уровня человечности³²².

С другой стороны, юридические (правовые) документы демократических стран, закрепляя достигнутые формы прав и свобод, выступают гарантом пусть не абсолютной, но относительной индивидуальной свободы каждого члена общества и разрабатывают юридические механизмы ее реальных социальных гарантий³²³.

Коллективные формы свободы, закрепленные и гарантированные юридическими документами, выступают залогом обеспечения реальной индивидуальной свободы каждого члена демократического государства³²⁴. Тот, кто считает, что система действующего законодательства не дает реальных гарантий свободы, задает тем самым свою степень свободы, вступая в противоречие с общепринятыми ее стандартами, и рискует потерять свою свободу вовсе. Возможно, не всем это нравится, но свободным каждый член общества может быть только в том случае, если свобода будет осуществлена в общих, коллективных формах. Пребывание

³²⁰ Tada Mitsuhiro. How Society Changes: Sociological Enlightenment and a Theory of Social Evolution for Freedom // *The American Sociologist*. 2020. Volume 51. P. 446-469. P. 447.

³²¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1984. 830 с. С. 375-644. С. 378.

³²² Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167-231. С. 183.

³²³ Queiroz R. Individual liberty and the importance of the concept of the people // *Palgrave Communications*. Volume 4. Article number: 99. 2018. P. 1-12. P. 4.

³²⁴ Hindriks F. Group Freedom: A Social Mechanism Account // *Philosophy of the Social Sciences*. 2017. Volume 47. Issue 6. P. 410-439. P. 412.

в своей самости, стремление якобы к независимости от всех и всяческих внешних воздействий, на деле ведет к такому состоянию, которое будет не приближением, а, скорее, удалением от действительной свободы. В этом трансценденталистском ракурсе вся нормативно-правовая система страны выступает формальным условием актуализации свободы.

Существует определенный разрыв между философским (социально-философским) и чисто юридическим пониманием соотношения права и свободы. О юридическом понимании связи свободы и права сказано выше. Философия, в отличие от юриспруденции, ищет общие основания, которые позволяют определенные положения считать юридическими законами со всеми вытекающими отсюда последствиями – основания, которые не позволяли бы сомневаться, что юридические законы защищают свободу и справедливость.

Если последовательно стоять на трансценденталистских позициях, то общество вообще и право в частности являются феноменами, развитие которых во многом обусловлено не какой-то внешней, «объективной» необходимостью, как бы она ни понималась, а именно свободой в ее нормативном прочтении. То, что существует, то, что перешло из небытия в бытие, не может не иметь своих внутренних законов, своего логоса развития. Социум в этом смысле не является исключением. Его развитие обусловлено не только материальными составляющими общества, но и тем, что здесь действуют люди, наделенные разумом и свободной волей. Отношения в обществе во многом являются проявлениями свободного человеческого духа, трансценденции. Признание или непризнание этого факта имеет далеко идущие последствия и определяет как методологию, так и сам ракурс исследования.

Если стоять на нетрансценденталистских позициях и исходить из признания наличного существования определенных «объективных» законов общества, то из этого логически вытекает необходимость подчинения этим законам, предварительно узнав их, как мы подчиняемся

законам природы, признание в теории и на практике принципа гетерономности человеческой воли, патерналистского или авторитарно-бюрократического отношения государства к подданным и позитивистского правопонимания. Если же стоять на трансценденталистских позициях и исходить из того, что в основе всех общественных процессов лежит трансценденция, свободный дух, трансцендентальные или духовные начала выступают их сущностью, то отсюда следует безусловное признание автономности человеческой воли и духовной, трансцендентальной природы права.

Позитивистское понимание права, отождествление права и закона останавливается только на нормативно-догматической его стороне, показывает только формальный, статический момент фиксации определенного условного правила в государственном документе, оставляя при этом без внимания важнейшие явления доправового и постправового характера³²⁵, процесс правотворчества, в котором участвует человеческий разум, и процесс правореализации, в котором участвует свободная человеческая воля.

Тот, кто редуцирует право к юридической догме, его нормативности, формальной определенности, общеобязательности, обеспеченности государственным принуждением, упускает из виду те его стороны, которые заставляют его реализовываться в конкретных формах. Не случайно, Р. Дворкин критиковал правовой позитивизм Дж. Остина и Г. Харта, в котором правовые нормы имеют «открытую текстуру», т.е. не имеют четких границ применения. Остин и Харт допускают, «что в проблемных случаях судьи имеют право принимать и принимают решения по своему усмотрению, создавая тем самым новые законы³²⁶». Это едва ли

³²⁵ Клементьев А.А. К определению природы принципов права в парадигме интегративного правопонимания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 75-80.

³²⁶ Дворкин Рональд. О правах всерьез / Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с. С. 44-45.

соответствует представлениям о правовой легитимности и правовом сознании.

Тем не менее, трансценденталистская парадигма права не абсолютизирует его догматическую сторону и не закрывает рассмотрение проблем, относящихся к реализации правовых установлений. Правовые нормы становятся действенными, если они существуют не только на бумаге, а реализуются, то есть проходят через сферу потребностей, мотивов, установок и целей людей, через сферу разума и воли. Мотивы законопослушного поведения могут быть различными. Они могут быть обусловлены внешними санкциями, страхом перед наказанием³²⁷, однако таким образом можно заставить соблюдать и нарушающие права человека, антигуманные по своей природе, законы. С другой стороны, поведение будет соответствовать требованиям права, если оно является проявлением внутренних убеждений³²⁸, уверенности в разумности и справедливости требований права. Иными словами, эффективность права в решающей степени зависит от духовной стороны жизни людей, их правосознания, в конечном итоге – от свободы.

Необходимой формой права является закон³²⁹. Но форма бывает внешней и внутренней. Закон выступает именно внешней формой права, и поэтому он характеризует право только как явление (феномен). Но у права, как и у любого другого феномена, есть также своя внутренняя форма, и именно она совпадает с сутью или с сущностью права³³⁰.

³²⁷ Deffin C., Ropaul M. Subjective Probabilities of Sanction, Norms, Legitimacy and Everyday Life Crimes in Europe // *Revue d'économie politique*. 2019. Vol. 129. Numéro 2. P. 143-168.

³²⁸ Oberlader V. et al. Law-abiding versus criminal identity and self-efficacy: A quantitative approach to unravel psychological factors supporting desistance from crime. Preprint. July 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353291548_Law-abiding_versus_criminal_identity_and_self-efficacy_A_quantitative_approach_to_unravel_psychological_factors_supporting_desistance_from_crime (Дата обращения: 18.09.2022).

³²⁹ Зверева П.К. Социально-философский анализ концепта «Правовой закон» // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2017. № 6. С. 74-81; Galbiati R., Henry E., Jacquemet N. & Lobeck M. How laws affect the perception of norms: Empirical evidence from the lockdown // *PLoS ONE*. 2021. Volume 16. Issue 9. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0256624> (Дата обращения: 18.09.2022).

³³⁰ Tita C.C., Tita V.D. The Essence, Content and Form of Law // *Journal of Law and Public Administration*. 2020. Volume VI. Issue 12. P. 154-168. P. 155.

Право имеет связь с поступком в его чистом виде³³¹. Побудительной причиной того, что поступок становится действительностью, выступает воля. В трансценденталистской интерпретации именно свободная воля выступает тем изначальным моментом внутренней формы, отталкиваясь от которого можно выяснить суть феномена права. Воля перемещает себя в действительность, делает себя наличным бытием, превращая именно внешнее бытие на основании своих внутренних планов. Именно при переходе от теоретического отношения к практическому, по словам Гегеля, можно говорить о конкретной свободе³³².

Выводы по второй главе

Вторая глава диссертационного исследования была посвящена трансценденталистской интерпретации свободы как основанию современного социально-правового дискурса. В результате было показано, что основу трансцендентальной теории права составляют «неестественные» права человека. Анализ концепта «естественные права человека» позволил показать, что в праве есть отличное от свободы содержание, такие статические и динамические свойства, которые находятся вне пространства свободы. Вместе с тем, было установлено, что в свободе, несомненно, есть такие стороны, которые выходят за рамки права. Иными словами, право как свобода, и есть собственно право помимо того, что понимается под свободой, право в другом духовном и практическом (трансцендентальном) измерении.

Также было показано, что свобода в своем наиболее репрезентативном с социально-философской точки зрения предстает преимущественно как правовая свобода, но есть также такие ее стороны,

³³¹ Cane P. *Morality, Law and Conflicting Reasons for Action* // *The Cambridge Law Journal*. 2012. Volume 71. Issue 1. P. 59-85. P. 60.

³³² Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. *Философия духа*. Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. М.: Мысль, 1977. 471 с. С. 323-324.

которые заставляют рассматривать свободу вне права. Соотношение права и свободы может рассматриваться именно в рамках возможного соотношения этих двух составляющих.

Показано, что право имеет множество сторон, которые привязывают его к более или менее четко выраженным материальным формам, тогда как свобода – это вполне духовный феномен, она в значительной степени, хотя и не полностью, относится к сфере трансцендентального.

Выявлена специфика формальной и фактической свободы применительно к трансцендентальному социально-правовому дискурсу. Показано, что право как позитивное право фиксирует и закрепляет минимум свободы и этом смысле может рассматриваться как статичное. Наряду с наличием статического функционала, право выполняет и важные динамические функции: открывать новые горизонты в развитии общества, выступать ориентиром в поступательном движении как развитии общества, указывать, в каком направлении следует осуществлять социальные преобразования. Именно с точки зрения динамики права, особую важность приобретает понятие свободы.

Уточнена и получила трансценденталистскую интерпретацию устоявшаяся правовая мысль, согласно которой развитие права является развитием самой свободы, расширением ее степеней и границ.

Исследование позволяет прийти к выводу, что право по своей природе нормативно и трансцендентально. Как право, так и свобода несут в себе трансцендентальную сущность, которая до определенного момента находится как бы «в тени», но определенно заявляет о себе в периоды радикальной ломки изживших себя социальных структур.

Однако сама догматичность юридического закона, догматичность процедуры его появления и практического применения является залогом того, что порядок, который существует в конкретном сообществе, будет носить относительно стабильный характер. Никто не сможет безнаказанно изменять законы по своей воле, и только такой принцип дает гарантии

свободе. Таким образом проявляется трансценденталистская парадигма права.

Проведенное исследование позволяет зафиксировать различия между трансценденталистской и нетрансценденталистской правовой теорией:

1) в трансценденталистских теориях права нормативность рассматривается как сущностное (эссенциальное) качество права, в то время как в не-трансценденталистских теориях права нормативность рассматривается как социально- и исторически-обусловленное, эмпирически и феноменально преходящее (условно «экзистенциальное») качество права;

2) в трансценденталистских правовых концепциях право рассматривается как присущее самому человеку, с одной стороны, и как устроенное по законам разума, с другой, в силу чего право может рационально постигаться человеком, но при этом право невозможно верифицировать опытным путем, в силу его трансцендентального характера; в не-трансценденталистских концепциях права право рассматривается как независимый от человеческого сознания, социально-детерминированный феномен, рациональное постижение которого возможно именно в силу его изменчивой феноменально-эмпирической природы, подчиняющейся законам эмпирического мира;

3) трансценденталистские теории права рассматривают свободу как трансцендентальный феномен, представляющий собой особый ресурс и социальное благо, которые выступают определенным моральным идеалом, несущим в себе индивидуальную и социальную ценность; не-трансценденталистские теории права рассматривают свободу как эмпирический феномен, который является специфическим представлением о детерминированном устройстве социума, необходимый для социальной регуляции и манипулировании общественным сознанием;

4) трансценденталистские теории права связывают социальное осмысление свободы с идеями равенства и справедливости по отношению

к нормам закона и формальным юридическим правилам, в то время как не-трансценденталистские теории права связывают социальное осмысление свободы с идеями стабильности, порядка и воспроизводимости существующего положения вещей, нормы закона и формальные юридические правила рассматриваются здесь как исключительно инструментальные;

5) трансценденталистские теории права рассматривают свободу атемпорально, не как как продукт социально-исторического и социально-культурного развития, меняющий свой облик в соответствии с изменениями социальной действительности и интеллектуальными практиками ее постижения, не-трансценденталистские теории права рассматривают свободу темпорально, как как продукт социально-исторического и социально-культурного развития, меняющий свой облик в соответствии с изменениями социальной действительности и интеллектуальными практиками ее постижения;

6) в трансценденталистских теориях права свобода рассматривается как специфическая правовая модальность своих собственных социальных состояний, в не-трансценденталистских теориях права свобода рассматривается как не-правовая модальность различных исторически и социально обусловленных социальных практик, включенная в право и нормируемая правом как сущностно инородный самому праву элемент;

7) в трансценденталистских теориях права свобода рассматривается социально-онтологически, нормативно и в единственном числе: так называемые реальные свободы учитываются, но не относятся к сущностной стороне, представляющей центральный интерес нормативной (формальной) свободе, которой присущи всеобщность и универсальность; в не-трансценденталистских теориях права свобода рассматривается социально-исторически, квази-нормативно и во множественном числе: нормативная свобода рассматривается как ментальный конструкт, реально

не существующий, но выполняющий важную функцию обобщения реально существующих многочисленных эмпирических прав и свобод;

8) в трансценденталистских теориях права свобода рассматривается как сущностное качество человека, как его самодетерминация, в то время как в не-трансценденталистских теориях права свобода рассматривается как условная характеристика человека, наличие которой зависит от привходящих социально-исторических и социально-культурных преобразований и конкретной правовой практики того или иного конкретного социального образования.

Заключение

Итоги выполненного исследования. Настоящее диссертационное исследование было посвящено исследованию трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы. В диссертации были намечены два тематических исследовательских блока, проистекающие из целей и задач, определенных во введении.

Первый блок был посвящен выявлению особенностей анализа проблемы свободы применительно к трансцендентальной философской традиции. Здесь были подробно рассмотрены такие моменты, как специфика постановки проблемы свободы в социальной философии, а также аналитически рассмотрены представления о свободе в классическом трансцендентализме и трансцендентальная парадигма исследования свободы в неклассической и постнеклассической философии. Здесь были проанализированы особенности постановки проблемы свободы в социально-ориентированных исследованиях на основе которых удалось выявить специфику трансценденталистского подхода к этой проблеме и определить степень релевантности трансценденталистского подхода социальной философии. Были выделены определяющие моменты понимания свободы, характерные для социально-философской интерпретации этого феномена. Было показано, что проблема свободы в философии традиционно вписана в контекст анализа условий ее реализации.

Установлено, что рассмотрение феномены свободы с парным ему понятием необходимости социально-философский дискурс заимствует из онтологии и интерпретация понятия свободы осуществляется в рамках социальной философии в широком ракурсе: от понимания свободы как осознанной необходимости, до понимания свободы как реализации природы сущности. Показано, что отличительной чертой социально философского дискурса свободы выступает контекстуальное рассмотрение

этого феномена не только в качестве дихотомического двойника понятию необходимость, понятие необходимости дополняется здесь идеей разумности или рациональности субъекта и синтезируется и обобщается в понятии ответственности, что придает социально-философской постановке проблемы свободы этически-правовой аспект.

Показано, что социально-философские исследования свободы выстраиваются в перспективе ее ограничения, в рамках социально-философского дискурса свобода традиционно осмысливается в паре со своей противоположностью или негацией. Определена крайняя форма этой дихотомии: свобода определяется посредством познания необходимости и действия в соответствии с этой необходимостью, когда последняя предстает в виде оптимального колебательного диапазона изменения прав и обязанностей взаимодействующих субъектов.

Показано, что главным парадоксом свободы, рассматриваемой в социально-философском ключе, выступает нормативность, которая является не предикативным, но сущностным качеством свободы. Установлено, что значимое для социально-философского дискурса различение двух типов свободы, негативной и позитивной, предложенное Исайей Берлином, является развитием идеи различения трансцендентальной и практической свободы главного трансценденталиста – Иммануила Канта.

Показано, что в социальной философии велика роль агентности, т.е. активности социального субъекта в противовес онтологии, где аналогом свободы выступает неопределённость состояния системы или объекта. Определен источник социальной свободы – субъект социальных отношений. Определение источника социальной свободы позволило предложить интерпретацию свободы как возможности социального агента (социальных агентов) определять свои действия в соответствии со своими собственными намерениями. В результате такой интерпретации мы пришли к пониманию того, что социальный субъект в индивидуальном и

коллективном своем измерении могут рассматриваться не только как инициаторы, акторы свободных действий, но и как «носители» свободы. Это понимание позволило сформулировать значимое для социально-философского дискурса различие: коллективная свобода не смешивается с личной (индивидуальной): как человек не нуждается в коллективной свободе для обладания свободой индивидуальной, так и «свободный народ» не обязательно состоит из свободных людей.

Показано, что свобода, рациональность и знание образуют прочный концептуальный треугольник в социально-философском дискурсе. Продемонстрировано, что социально-философский дискурс рассматривает свободу преимущественно как ресурс или социальное благо, в противовес характерному для алетических модальностей онтологическому пониманию свободы как возможности.

Показано, что в рамках социально-философского дискурса свобода наделяется ценностным измерением, что роднит социальную философию с этикой и антропологией, но совершенно не характерно для онтологии и теории познания. Показано, что в рамках социально-философского дискурса свобода не только одна из ценностей, но ключевая, центральная ценность выступающая условием и источником других ценностей.

Установлено, что социально-философское осмысление феномена свободы связано с идеей равенства, что роднит социальную философию с этикой, но совершенно нехарактерно для философской антропологии. Установлено, что в социальной философии, начиная с эпохи Просвещения, свобода рассматривается как неотъемлемый элемент концепции естественного права и представляет собой неотъемлемое свойство человека как разумного существа. Отсюда следует, что в контексте социально-философского дискурса люди уравниваются в своем праве быть свободными, что в свою очередь сообщает им вменяемость и подвластность закону. Такое понимание свободы существенным образом отличается от понимания, характерного для религиозной антропологии, персонологии,

экзистенциализма, в рамках которых свобода рассматривается как спонтанность различных человеческих проявлений, следствие незавершенности, открытости, бесосновности человека, следствием которых является представление о свободе одновременно как бремени и как залоге уникальности личности.

Показано, что не все социальные свободы участвуют в построении социального равенства, а только нормативные свободы. В результате, было развито положение, согласно которому равенство по отношению к общим нормам закона и правилам способствует свободе и является единственным видом равенства, который можно социально гарантировать, не разрушая самой свободы; другие виды равенства скорее коррелируют с отсутствием свободы, что стало основанием для создания философии неравенства.

Показано, что осмысление свободы в социально-философском ключе связано с проблемой индивидуализма, и выявлено, что противопоставление социального субъекта обществу, понимаемому как социальная сила, ограничивающая его свободу, не актуально для современной социальной философии и не является ее ведущим мотивом. На основе этого установлено, что свобода, наряду с созидательностью, аутентичностью и чувством собственного достоинства, является ключевой ценностью социальной философии и воплощается в праве принятия решений и возможности интерпретации своего жизненного опыта.

Показано, что индивидуализм не противостоит социализации, и истинный и ложный индивидуализм по природе своей социальны. Установлено, что для социально-философского дискурса свободы совершенно не характерно темпоральное рассмотрение свободы в противовес онтологии и философской антропологии, где действие рассматривается в качестве специфического опыта мира, определяемого свободой, время здесь выступает значимым феноменом для возможности свободы, время и свобода как две онтологические силы рассматриваются как соразмерные.

Показано, что в социально-правовом и политическом дискурсе выделяются *свободы* человека как модальности социальных состояний, к которым относятся свобода слова и мысли (так называемые интеллектуальные свободы), свобода совести, вероисповедания, собраний, прессы, свобода передвижения, образования, ношения оружия, договора, торговли; в рамках социально-правового и социально-политического дискурсов свобода мыслится не как категория, обобщающая множество отношений и связей, а как разновидности социальных практик.

Проведено исследование формальных и реальных свобод, на основании чего показано, что формальные свободы декларативно регламентированы, оговорены в законодательных актах, например, это интеллектуальные и политические свободы, а реальные свободы – это свобода, которую люди ощущают как таковую, эта разновидность свободы зависит от нравов, менталитета и установок людей не меньше, чем от законов.

Сделан вывод о том, что все эти свободы не имеют прямого отношения к свободе в ее нормативном понимании, и выходят за рамки рассмотрения трансценденталистских концепций права. Проведена экспликация трансцендентальной линии в понимании свободы и уточнены различия между двумя парадигмальными представлениями о свободе – нормативным (трансцендентальным) и релятивным (не-трансцендентальным).

Установлено, что трансцендентальное существует только в ограничении «обыденного рассудка», в балансировании на границе мира. Определен один из ведущих принципов трансцендентализма: допущение априорных, преданных разуму идей и структур мышления.

Установлено, что в трансцендентальной парадигме права свобода является априорной идеей, поскольку рассматривается как невыводимая и не-сводимая ни к какому возможному опыту. В результате проведенного исследования было обнаружено, что все трансценденталистские правовые

учения сохраняют исходное кантовское разделение мира на чувственно-воспринимаемый и интеллигибельный и рассматривают свободу как трансцендентальную идею, без которой невозможно вообще никакое положительное познание и человеческое отношение к миру вообще.

Свобода благодаря трансцендентализму плотно связана с необходимостью, ее априорность, интеллигибельность, не сводимость к наличному так-бытию, предельная рациональность и, в конечном счете, ее парадоксальная нормативность и обусловленность позволили сделать заключение о том, что трансцендентальная свобода как априорная идея чистого разума выступает основанием разумной деятельности, но в то же время ее собственные основания разумом не выявляемы, поэтому свобода не может быть результатом соглашения или договора, напротив, она условие всех социальных договоров.

Аксиоматика свободы, разработанная в трансцендентальной парадигме, строит аксиоматику свободы исходя из самоочевидных первопринципов как условиям свободы человека, не зависящих от естественной детерминации и даже превосходящим ее. Трансцендентализм полагает, что если имеют место рассуждения и представления о свободе, то свобода имеет свойство быть, по крайней мере, на ментальном уровне. Она существует как идеальный объект, и в этой роли она выступает объектом рефлексии.

Трансцендентальная свобода в ее практическом модусе одновременно есть и личная, и всеобщая свобода. Поэтому столь актуальной для социального дискурса выделение индивидуальных и коллективных форм бытия свободы не востребовано в трансцендентализме. Пафос реализации личной или коллективной свободы в обществе также снимается: свобода реализуема и как состояние отдельных индивидов или групп индивидов, и как установка сознания. Опыт невозможен без общезначимых суждений. Признание априорных условий опыта – это принципиальный для трансцендентализма тезис.

От трансцендентализма неотъемлема парадоксальность, связанная с проблемой корреляции разума и реальности. Это парадокс когерентности: субъективные условия мышления должны иметь объективное значение в том случае, если они выступают условиями возможности познания предметов субъективные условия мышления. Трансцендентальная свобода рациональна: рационалистическая линия в трактовке свободы происходит из трансцендентализма. Свобода понимается в трансцендентальной парадигме как сущностное качество человека, а именно как его самодетерминация.

Трансцендентальная свобода в корне отлична от индивидуального производства: частные эгоистические интересы (мотивы) индивида не могут выступать ни каузальными ни материальными основаниями свободного поступка. Свобода есть абсолютная ценность как личности, так и обществ, в этом смысле свобода мыслится не как произвол, а как трансцендентальный принцип всех наших действий, задающий социальные нормы. Зафиксирована парадоксальная внеэмпиричность свободы, которая, как показано в настоящем исследовании, связана не только с ее трансцендентальным происхождением, но и с нарушением закона причинности и сформулирован вывод о том, что свобода необъяснима, противоестественна и, в то же время, возможна.

Трансцендентальная свобода универсальна, это общечеловеческое достояние и показатель изначального равенства людей, поэтому у такой свободы не может быть множественного числа. Трансцендентальная свобода нормативна. Трансцендентальная парадигма окончательно связывает свободу с нормативностью и доводит рефлексию этой связи до логического завершения.

Мы пришли к выводу, что социально-философский дискурс свободы определен во многом следующими аспектами ее трансцендентальной интерпретации:

1) рационализацией – рационалистическая линия в трактовке свободы происходит из трансцендентализма;

2) универсализмом – свобода рассматривается как общечеловеческое достояние и показатель изначального равенства людей;

3) сущностностью – свобода понимается как сущностное качество человека, а именно как его самодетерминация; «минимум свободы», пределы которого нельзя перейти, определяется как то, от чего человек не может отказаться, не оскорбив сущность своей человеческой природы;

4) нормативностью – свобода есть то, что «должно быть», в связи с чем она является абсолютной ценностью как личности, так и обществ;

5) неинструментальностью – свобода не есть инструмент, которым можно воспользоваться, она существует независимо от социальных условий своей реализации: невозможность реализовать свободу в той или иной ситуации не отрицает ее существование.

Второй блок диссертационного исследования был посвящен экспликации трансцендентальной интерпретации свободы в социально-правовом дискурсе. Здесь были подробно рассмотрены трансцендентальная концепция права как теория «неестественных» прав человека, нормативность и априоризм как признаки трансценденталистской парадигмы права, формально-юридические правила и трансцендентальные принципы, свобода как сила и свобода как право.

Было показано, что нормативность и априоризм выступают характерными признаками трансценденталистской парадигмы права. В этой парадигме право в своей сути не исчерпывается только формальным основанием: формальным равенством, формальной справедливостью и формальной свободой. При трансценденталистском подходе к праву, когда речь идет о положительном праве, опираясь на общее понятие нормы, представляется возможным выделить то, что является юридической нормой: юридическая норма является указанием на должное, на то, что не

реально существует, а только должно быть, является самодостаточной (автономной), той, что находит в самой себе обоснование, порядок повинности, выступает предпосылкой и условием единства и общезначимости (проистекающих из нее; подчиненных ей) норм.

Трансценденталистское прочтение наглядно демонстрирует справедливость представления о том, что право укоренено в самой природе человека, является неотъемлемым атрибутом человеческого бытия. А поскольку право является продуктом целесообразной деятельности человека, его разума и воли, то сам разум во всех своих проявлениях вполне может рассматриваться в качестве создателя права. В этом смысле, возникновение и существование права происходит по законам самого разума и именно поэтому оказывается возможным постижение права и правовых феноменов рациональными средствами (средствами самого разума).

Право можно считать средой или таким чувственно-сверхчувственным или трансцендентальным пространством, в котором сочетаются порядок и свобода, а последняя приобретает условия для своей конкретной реализации. Вместе с тем право это первая ступень к высшим проявлениям свободы.

Исследование позволяет прийти к выводу, что право по своей природе нормативно и трансцендентально. Право – это практическая способность приносить порядок в хаос человеческой жизни, сообщать хаосу свой «логос». Будучи важнейшим инструментом создания человеческого общества, право имеет чувственно-сверхчувственную или трансцендентальную природу. Право в своих феноменально-эмпирических проявлениях можно рассматривать продуктом человеческого опыта, которому, вместе с тем, право несводимо. Право является феноменом духовного порядка, трансцендентальным феноменом, который, является «объективным духом», то есть внешним выражением определенной внутренней, скрытой логики, мировым «логосом».

Перспективы дальнейшей разработки темы. Исследование трансцендентальных оснований социально-правового дискурса свободы может быть продолжено в направлении изучения трансценденталистских интерпретаций легитимизированного и санкционированного государством пространства для реализации поведения субъектов, нормативно определенного в правах и обязанностях, согласно которому право является границей между свободой и произволом и указывает на разумную меру, баланс свободы личности, общества и государства и устанавливает механизм его гарантирования. Дальнейшего рассмотрения требует плюрализм различных типов правопонимания, поскольку отдельно взятая правовая концепция не может целостно исследовать свободу в социально-правовом дискурсе и дать ей объективную всестороннюю характеристику. В научной рефлексии нуждаются вновь возникающие проблемы свободы ключевого элемента построения гражданского общества и правового государства на основе демократических принципов и институтов. Особого внимания заслуживает теоретическое осмысление особенностей построения гражданского общества и правового государства на основе свободы и одновременно исследование условий для свободы в праве, которые санкционируются государством и определяются на законодательном уровне.

Список литературы

1. Абагеро, Д. Д. Социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города / Д. Д. Абагеро // Социодинамика. – 2020. – № 2. – С. 35-45.
2. Агацци, Э. Человек как предмет философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 1989. – №2. – С. 24-35.
3. Адвокатура и адвокатская деятельность. Учебник для вузов / А.А. Клишин [и др]; под редакцией А. А. Клишина, А. А. Шугаева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 604 с.
4. Адорно, Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
5. Алиэскеров, М. А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве / М. А. Алиэскеров // Lex Russica. – 2017. – № 12 (133). –С. 55-67.
6. Апель, К.-О. Трансформации философии / Пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
7. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. – 830 с. – С. 53-294.
8. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1984. – 830 с. – С. 375-644.
9. Арон, Р. Эссе о свободах / Р. Арон. Пер. с франц. Н. А. Руткевич. – М.: Праксис, 2005. – 208 с.
10. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. Пер. с фр. Л. Боровиковой. –М.: Издательство АСТ, 2015. – 480 с.
11. Бажанов, А. А. Соразмерность как условие справедливости санкции / А. А. Бажанов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 486-507.
12. Баранов, А. Н. Справедливость и равенство – слова и ценностные категории политического дискурса / А. Н. Баранов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2016. – Том 75. – № 5. – С. 18-32.
13. Батиев, Л. В. Закон и право в философии Фомы Аквинского / Л. В. Батиев // Философия права. – 2012. – № 1 (50). – С. 31-35.
14. Бауман, З. Свобода / З. Бауман. Пер. с англ. Г. Дашевского. – М.: Новое издательство, 2021. – 204 с.
15. Белоусов, М. А. Понятие «трансцендентальный» у Канта и Гуссерля / М. А. Белоусов // Трансцендентальный поворот в современной

философии (2): кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус. Сборник материалов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (г. Москва, 27-29 апреля 2017 г.; VIII международная конференция Школы философии НИУ ВШЭ) / Отв. ред. С. Л. Катречко. – М.: Фонд ЦГИ, 2017. – 96 с. – С. 27-32.

16. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 415 с.

17. Бентам, И. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. – Изд. 2-е. / И. Бентам. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 144 с.

18. Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Составитель и отв. ред. О. А. Платонов / Н. А. Бердяев. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.

19. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд / Г. Дж. Берман. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.

20. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.

21. Богословие свободы. Религиозно-антропологические основания свободы в глобальном контексте. – М.: ББИ, 2021. – 549 с.

22. Боден, Жан. Метод легкого чтения историй: в 3 т. Т. II. Об устройстве государств / Жан Боден; пер. с лат., коммент., сост. указ. И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 560 с.

23. Булаков, О. Н. Законотворчество: теория вопроса / О. Н. Булаков // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 17-20.

24. Бушмакина, О. Н. Онтологический статус проблемы прав человека / О. Н. Бушмакина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 5-14.

25. Бялт, В. С., Трипутин, С. Н. Законотворчество как вид правотворчества: теоретико-правовая характеристика / В. С. Бялт, С. Н. Трипутин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 35-38.

26. Вайпан, В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: Дисс. ...д-ра юридических наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Вайпан Виктор Алексеевич. – М., 2019. – 628 с.
27. Варданыан, А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А. В. Варданыан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 244-251.
28. Варламова, Н. В. Принципиальное единство права и прав человека / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Том 13. – № 4. – С. 83-124.
29. Васильева, Н. С. Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса: Дисс. ...кандидата юридических наук: 12.00.01 – теория и история права и государства / Васильева Наталья Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2019. – 480 с.
30. Вахрушев, С. Н. Эволюция систем ценностей в историческом развитии / С. Н. Вахрушев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 15-17.
31. Вильская, Е. С. Злоупотребление правом как общеправовая категория / Е. С. Вильская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 104-108.
32. Виндельбанд, В. О свободе воли / В. Виндельбанд. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 205 с.
33. Виндельбанд, В. Философия культуры и трансцендентальный анализ / В. Виндельбанд. Пер. с нем М. И. Левиной, Г. Сониной // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – С. 7-19.
34. Волохова, Е. В. Философско-антропологическая экспликация самотрансцендирования свободы личности в социокультурном пространстве: Дисс. ...д-ра философских наук: 09.00.13 – философская антропология, философия культуры / Волохова Елена Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2019. – 378 с.
35. Воробьев, А. С. Соотношение справедливости и права / А. С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 11. – С. 23-28.
36. Вострова, Г. А. Неантизирующая способность сознания в феноменологии творчества раннего Сартра // Г. А. Вострова / Философия и современность. – 2014. – № 4. – С. 63-71.

37. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года (полный текст). – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version-> .
38. Гагинский, А. Феномен зла, натуралистическая ошибка и теория трансценденталий / А. Гагинский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39(4). – С. 36-50.
39. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 376 с.
40. Гаджикурбанов, А. Г. Этика Спинозы как метафизика морали / А. Г. Гаджикурбанов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 320 с.
41. Гайденко, П. П. Предисловие / П. П. Гайденко // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1991. – С. 3-24.
42. Гайденко, П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
43. Гаспарян, Д. Э. Детерминизм и индетерминизм в дуалистических и недуалистических онтологиях: от Канта к Сартру / Д. Э. Гаспарян // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 1. – № 4 (22). – С. 62-71.
44. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. – Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
45. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. – Т. 3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель. Отв. ред. Е. П. Ситковский. Ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
46. Гегель, Г. В. Ф. Философия права // Г. В. Ф. Гегель. Пер. с нем. В. Г. Столпнера, М. И. Левиной. – М.: Мысль, 1990. – 528 с.
47. Гегель, Г.В.Ф. Философия истории // Г. В. Ф. Гегель. Пер. с нем. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 478 с.
48. Глечян, Э. Р. Автономность правового сознания социальных субъектов в современном обществе: Дисс. ...кандидата философских наук: 09.00.11 – Социальная философия / Глечян Эдуард Русланович. – Армавир, 2019. – 166 с.
49. Глухов, А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма / А.А. Глухов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 584 с.
50. Гоббс, Томас. Левиафан / Томас Гоббс. Пер. с англ. А. Гутермана ; вступ. ст. А. Филиппова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 608 с.
51. Гололоб, Г. А. Свобода между рабством и произволом / Г.А. Гололоб. – СПб.: Библия для всех, 2008. – 430 с.

52. Гончаров, В. В., Поярков, С. Ю. Права и свободы человека как идеальная ценность современного государства / В. В. Гончаров, С. Ю. Поярков // *Философия и культура*. – 2017. – № 1. – С. 47-50.
53. Горан, В. П. Древнегреческая мифологема судьбы / В. П. Горан. – Новосибирск: Наука, 1990. – 336.
54. Горбачев, М. Свобода и учреждение определяющего внешнего / М. Горбачев // *Философская антропология*. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 77-88.
55. Гроздилов, С. В. Справедливость как плод коммуникации между членами первобытного общества / С. В. Гроздилов // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. – 2018. – № 4 (21). – С. 13-16.
56. Груздев, В. В. Гражданско-правовая эквивалентность: понятие и сущность / В. В. Груздев // *Журнал российского права*. – 2018. – № 11. – С. 63-75.
57. Гущина, Н. А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы / Н. А. Гущина // *Современное право*. – 2016. – №5. – С. 6-9.
58. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Международные отношения, 2021. – 456 с.
59. Давитадзе, М. Д. Право и справедливость / М. Д. Давитадзе // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2018. – № 4. – С. 134-140.
60. Давтян, В. Р. Идея прав человека в советской юридической науке (1946-1991 гг.): дисс. ...кандидата юридических наук: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Давтян Ваграм Рафикович. – Москва, 2011. – 171 с.
61. Дворкин, Рональд. О правах всерьез / Рональд Дворкин. Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.
62. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Декарт Р. «Рассуждение о методе...» и другие произведения, написанные в период с 1627 г. по 1649 г.: Пер. с лат. и фр. 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 322 с. – С. 87-129.
63. Денисов, С. Ф., Денисова, Л. В. Философско-антропологические смыслы морали и права / С.Ф. Денисов, Л. В. Денисова // *Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Седьмой*

международной научной конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – С. 3-5.

64. Денисова, Л. В. Науки о праве в системе гуманитарного знания / Л. В. Денисова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 247-248.

65. Денисова, Л. В. Логика и классические ценности права / Л. В. Денисова // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции (25-26 октября 2019). – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – С. 15-18.

66. Денисова, Л. В., Денисов, С. Ф. НБИК-технологии и право быть человеком / Л. В. Денисова, С.Ф. Денисов // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Восьмой международной научной конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2017. – С. 70-73.

67. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – 584 с.

68. Дидикин, А. Б. Философия права Ганса Кельзена : учебное пособие / А. Б. Дидикин. – М.: Проспект, 2021. – 2008 с.

69. Дорофеев, Д. Ю. Под знаком философской антропологии. Спонтанность и суверенность в классической и современной философии / Д. Ю. Дорофеев. – Санкт-Петербург\Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 461 с.

70. Емельянов, Б. В., Ионайтис, О. Б. Психология права Льва Петражицкого / Б. В. Емельянов, О. Б. Ионайтис // Российский юридический журнал. – 2018. – № 2 (119). – С. 173-177.

71. Зверева, П. К. Социально-философский анализ концепта «Правовой закон» / П. К. Зверева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2017. – № 6. – С. 74-81.

72. Золотарева, Л. С. Субъекты правопослушного поведения в современном российском государстве / Л. С. Золотарева // Законность и правопорядок. – 2020. – № 2 (26). – С. 58-60.

73. Зорькин, В. Д. Право силы и сила права / В. Д. Зорькин // МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ. – 2016. – № 4. – С. 18-32.

74. Игнаткин, О. Б. «Равенство в свободе». Принципы политической философии Рональда Дворкина / О. Б. Игнаткин. – М.: РГГУ, 2008. – 203 с.

75. Ионайтис, О. Б. Философская герменевтика о возможностях интерпретации правовой реальности / О. Б. Ионайтис // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 83-87.

76. Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с.
77. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. – 784 с. – С. 277-572.
78. Кант, И. Критика чистого разума. Том 2. Часть 1. 2-е издание (В) / И. Кант // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2 / Под редакцией Б. Тушлинга и Н. Мотрошиловой. – М.: Наука, 2006. – 1081 с.
79. Кант, Иммануил. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой / Иммануил Кант. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. – 1120 с.
80. Карпушкин, А. В. Нормы международного права в правовой системе России и пределы их исполнения / А. В. Карпушкин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2020. – Т. 8. – № 3 (31). – Режим доступа: <https://esj.pnzgu.ru/page/46860>.
81. Катречко, С. Л. Кантовский «коперниканский переворот»: синтез эмпирического реализма и трансцендентального идеализма / С. Л. Катречко // Вопросы философии. – 2022. – № 6. – С. 131-141.
82. Катречко С. Л., Владимиров П. А., Перепечина А. С. Современные образы трансцендентальной метафизики / С. Л. Катречко, П. А. Владимиров, А. С. Перепечина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 729-738.
83. Катречко, С. Л. Свобода как осознанная необходимость: трансцендентальная трактовка тезиса (И. Кант, Н. Гартман) / С. Л. Катречко // «Проблема ‘свобода vs. ответственность’ в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). М.: Летний сад, 2019. – 110 с. – С. 30-35.
84. Катречко, С. Л. О понимании термина «трансцендентальный» в кантовской философии / С. Л. Катречко // Возможна ли современная трансцендентальная философия? Материалы круглого стола VII Российского философского конгресса. – М.: Фонд «Центр гуманитарных исследований», 2017. – С. 38-48.
85. Катречко, С. Л. Ре-трансцендентализация современной философии: кантовская «идея трансцендентальной философии» / С. Л. / Катречко / Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в

полицентричном мире». Круглые столы. Сборник научных статей. – М.: РФО - ИФРАН - МГУ. М.: Логос, ООО «Новые печатные технологии», 2020. – 1250 стр. – С. 11.

86. Кевбрин, Б. Ф., Никишова, Н. В. Роль объективных законов природы в формировании правовых норм общества / Б. Ф. Кевбрин, Н. В. Никишова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 4. – С. 363-366.

87. Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Г. Кельзен. Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.

88. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. Сост., примеч., указ. В. В. Сапова. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1998. – 800 с.

89. Кистяковский, Б.А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 1. / Б. А. Кистяковский. – М.: Политическая энциклопедия, 2010. – 656 с.

90. Кистяковский, Б. А. Избранное: в 2-х ч. Ч. 2. / Б. А. Кистяковский. – М.: Политическая энциклопедия, 2010. – 376 с.

91. Клевцова, Э. С. Социальная свобода человека: Сущность и реализация: Автореферат диссертации кандидата философских наук: 09.00.11 – социальная философия / Клевцова Эмма Сергеевна. – Ставрополь, 2004. – 27 с.

92. Клементьев, А. А. К определению природы принципов права в парадигме интегративного правопонимания / А. А. Клементьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 75-80.

93. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония : учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. 8-е изд., исправл. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с.

94. Круглов, А. Н. Разрыв с учением о трансценденталиях в этике Канта / А. Н. Круглов // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2018. – Вып. 77. – С. 46-63.

95. Круглова, И. Н. Метафизика судьбы как онтология свободы. Монография / И. Н. Круглова. – Красноярск: СибГТУ, 2007. – 152 с.

96. Кузьмин Э. Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете / Э. Л. Кузьмин. – М.: Международные отношения, 2018. – 376 с.

97. Куракин, Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» / Д. Куракин // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 167-231.
98. Лаврухин, А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля / А. В. Лаврухин // Кантовский сборник. – 2017. – Т. 36. – № 3. – С. 61-76.
99. Лапаева, В. В. Правовой принцип формального равенства в либертарно-юридической теории В. С. Нерсесянца / В. В. Лапаева // Вопросы правоведения. – 2015. – № 4. – С.31-56.
100. Лапаева, В. В. Генезис права как актуальная философско-правовая проблема / В. В. Лапаева // Историческая психология и социология истории – 2017. – № 1. – С. 5-22.
101. Левакин, И. В. Краткий очерк юридизации свободы в Европе / И. В. Левакин // ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. – 2016. – № 11. – С. 77-85.
102. Лексин, В. Н. Синтез общества потребления и информационного общества / В. Н. Лексин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 13 (2). – С. 195-211.
103. Леонтьев, Д. А. К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты / Д. А. Леонтьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Психология. – 2022. – Том. 12. – № 2. – С. 111-121.
104. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – 668 с. – С. 135-406.
105. Локк, Дж. Опыты о законе природы / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – 668 с. – С. 3-53.
106. Локк, Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
107. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: Фолио, АСТ, 2000. – 624 с.
108. Макиавелли, Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник / Н. Макиавелли. Пер. с ит. 2-е изд. – Минск: Попурри, 2013. – 672 с.
109. Маликов, С. В. Сущность и функции права: темпоральный анализ / С. В. Маликов // Право и политика. – 2018. – № 10. – С. 9-15. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17647.

110. Мамардашвили, М. К. Введение в философию / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 7-154.
111. Мамардашвили, М. К. О сознании / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 214-228.
112. Мамардашвили, М. К. Философия и свобода / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, Культура, 1992. – С. 365-375.
113. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. Пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 496 с.
114. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 293 с.
115. Матюшина, В. В. Ценностно-ориентированное сознание / В. В. Матюшина // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1(40). – С. 244-250.
116. Махова, В. В. Понятия «liberty», «freedom», свобода при переводе нормативно-правовых документов Российской Федерации / В. В. Махова // ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ. Сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 290-294.
117. Мейксин, С. М. Ограниченная воля в экономике / С. М. Мейксин // Вестник науки и образования. – 2021. – № 2 (105). – Часть 2. – С. 24-26.
118. Мёдова, А. А. Автономно-рационалистическая модель человеческой сущности: Дисс. ...кандидата философских наук: 09.00.11 – социальная философия / Мёдова Анастасия Анатольевна. – Великий Новгород, 2006. – 158 с.
119. Мёдова, А. А. К вопросу о трансцендентальной корреляции разума и реальности: онтологический ракурс / А. А. Мёдова // Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа трансцендентальной философии. Сборник тезисов международного научного семинара (Москва, 19-22 апреля 2018 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. – Москва: Фонд ЦГИ; ГАУГН-Пресс, 2018. – 220 с. – С. 52-54.

120. Мёдова, А. А. Постулаты модальности Канта и перспектива трансцендентализма / А. А. Мёдова // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред. А.М. Фейгельмана. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. – С. 313-317.

121. Мишагин, П. А. Нормативность и свобода в трансцендентализме / П. А. Мишагин // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7-9 июня 2021 г.) / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. – 588 с. – С. 177-185.

122. Мишагин, П. А. Феноменологическое прочтение практической свободы в системе трансцендентального идеализма И.Канта / П. А. Мишагин // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. Сборник тезисов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 18—20 апреля 2019 г.) / отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. – М.: Изд-во ГАУГН, Фонд ЦГИ, 2019. – 371 с. – С. 279-284.

123. Мишагин, П. А. Онтологизация свободы в русской религиозной философии / П. А. Мишагин // «Проблема ‘свобода vs. ответственность’» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). – М.: Летний сад, 2019. – 110 с. – С. 43-49.

124. Мишагин, П.А. Феномен насилия в контексте идеи свободы / П. А. Мишагин // Философско-богословское осмысление Великой Победы: онтологический и ценностный аспекты: сборник материалов круглого стола в рамках XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений (Москва, 29 янв. 2020 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко. – М.: Российский православный университет святого Иоанна Богослова; Летний сад, 2020. – 128 с. – С. 24-34.

125. Мишагин, П.А. Свобода как не-совершенство в диалектике православного аристотелизма Николая Мефодьевича Чуринова / П. А. Мишагин // Чуриновские чтения: Совершенное общество (материалы круглого стола 25 мая 2020 года, г. Красноярск): сб. науч. тр. / Под общ. ред. С.П. Дуреева. – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – 142 с. – С. 60-68.

126. Мишагин, П.А. Свобода как невозможный опыт: реализм И. Канта / П. А. Мишагин // После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. – 769 с. – С. 694-697.
127. Мишагин, П. А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации / П. А. Мишагин // Вестник САФУ. – 2022. – № 4. – С. 97-105.
128. Момджян, К. Х. О фаталистическом понимании истории / К. Х. Момджян // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2020. – № 2. – С. 48-62.
129. Мухутдинов, О. М. Свобода и ответственность в феноменологии естественного морального сознания: пролегомены к феноменологии чистой воли / О. М. Мухутдинов // «Проблема ‘свобода vs. ответственность’» в философско-богословских дискурсах современности: сб. статей (отв. редактор С.Л. Катречко). – М.: Летний сад, 2019. – 192 с. – С. 89-97.
130. Невважай, И. Д. О двух типах нормативности / И. Д. Невважай // Мир человека: нормативное измерение – 2: сборник трудов Международной научной конференции (Саратов, 29-30 апреля 2010 г.). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 288 с. – С. 37-44.
131. Невважай, И. Д. Критерии научности в нормативных теориях: неокантианство и теория права Ганса Кельзена / И. Д. Невважай // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 25-30.
132. Невважай, И. Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической природе права / И. Д. Невважай // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 6 (335). – С. 68-86.
133. Невважай, И. Д. Коммуникативный правогенез / И. Д. Невважай // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4 (123). – С. 216-223.
134. Невважай, И. Д. Трансцендентализм как программа развития эпистемологии // И. Д. Невважай / Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т. 58. – № 2. – С. 70-94.
135. Некипелова, И. М. Идеация как лингвофилософская категория / И. М. Некипелова // Cross Cultural Studies: Education and Science. – 2021. – Volume 6. – Issue II. – С. 103-111.

136. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М.: Издательство «НОРМА», 2018. – 848 с.
137. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М.: Издательство «НОРМА», 2020. – 256 с.
138. Нозик, Роберт. Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик. Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2019. – 424 с.
139. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 696 с.
140. Оглезнев, В. В. Намерение, действие, ответственность / В. В. Оглезнев // EPISTEMOLOGY & PHILOSOPHY OF SCIENCE. – 2015. – Т. XLV. – № 3. – С. 199-209.
141. Оглезнев В. В. Г.Л.А. Харт и формирование и формирование аналитической философии права / В. В. Оглезнев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 216 с.
142. Паскаль, Б. Мысли: Афоризмы / Б. Паскаль. Пер. с фр. Ю. Гинзбург. – М.: АСТ: Астрель, 2021. – 236 с.
143. Платон. Горгий / Платон // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 860 с. – С. 477-574.
144. Платон. Протагор / Платон // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 860 с. – С. 418-476.
145. Плотников, Н. С. Идея свободы в русской интеллектуальной истории / Н. С. Плотников // Этическая мысль. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 48-55.
146. Поздняков, Э. А. Философия государства и права. 2-е издание, исправленное и дополненное / Э. А. Поздняков. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 344 с.
147. Поскачина, М. Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права / М. Н. Поскачина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 5-9.
148. Права человека и разработка конституции // Объединенные Нации. Права человека. Управление Верховного комиссара. – Нью-Йорк; Женева: Организации Объединенных Наций, 2018. – 160 с. – **Режим доступа:**

https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/ConstitutionMaking_RU.pdf.

149. Права человека: учебник / Отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 560 с.

150. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. – М.: Статут, 2017. – 384 с.

151. Пудовочкин, Ю. Е., Бабаев, М. М. Динамизм и стабильность судебной практики / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 56-64.

152. Пуфендорф, Самуэль фон. О происхождении и прогрессе науки естественного права / Самуэль фон Пуфендорф // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 1. С. 136-149.

153. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух. Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.

154. Решетов, Ю. С. Правовое регулирование и реализация права / Ю. С. Решетов // Вестник Пермского университета 2015. – Выпуск 3 (29). – С. 24-29.

155. Рундквист, А. Н. Соотношение принципов справедливости и законности. Критерии несправедливости закона / А. Н. Рундквист // Юридические исследования. – 2020. – № 1. – С. 48-60.

156. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Ж. Ж. Руссо // Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: Кучково поле, 1998. – 416 с. – С. 195-322.

157. Саломатин, А. Ю., Невважай, И. Д., Затонский, В. А. Основательное исследование правовой жизни общества как объекта правовой политики / А. Ю. Саломатин, И. Д. Невважай, В. А. Затонский // Правовая культура. – 2020. – № 3 (42). – С. 135-145.

158. Санжениаков, А. А. Благо и безразличное в этике ранних стоиков: Дисс. ...кандидата философских наук: 09.00.03 – история философии / Санжениаков Александр Афанасьевич. – Томск, 2014. – 152 с.

159. Санжениаков, А. А. Аристотель о действиях и их причинах / А. А. Санжениаков // Respublica Literaria. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С.60-69.

160. Сапун, В. А., Турбова, Я. В. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона / В. А. Сапун, Я. В. Турбова // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 679-682.

161. Сартр, Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания / Ж.-П. Сартр. – М.: Модерн, 2015. – 160 с.
162. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Пер. с французского В.И. Колядко / Ж.-П. Сартр. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 1072 с.
163. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен. Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.
164. Сергевнин, С. Л. К вопросу о факторах эффективности позитивного права / С. Л. Сергевнин // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1 (7). – С. 7-17.
165. Серова, Н. В. «Древо возможностей» К. Бутона: свобода как условие множественности модальностей темпоральной экзистенции человека / Н. В. Серова // Вестник ТГУ. – 2022. – № 66. – С. 57-66.
166. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. Пер. с лат. М.М. Лопаткина, С.М. Роговина, Б.В. Чредина. – М.: Академический проект, 2019. – 486 с.
167. Степин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Степин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6-11.
168. Столяров, А. А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера / А. А. Столяров. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А Шичалина, 1999. – 207 с.
169. Суарес, Франсиско. Предисловие к книге «Метафизические рассуждения» и 1 раздел первого рассуждения «О природе первой философии» или метафизике» / Франсиско Суарес // Историко-философский ежегодник, 1987. – М.: Наука, 1987. – С. 218-241.
170. Суарес, Ф. Метафизические рассуждения / Пер. с латинского Г.В. Вдовиной / Ф. Суарес. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 776 с.
171. Суини, М. Лекции по средневековой философии / М. Суини. Пер. с англ. А. К. Лявданского. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. – 303 с.
172. Суслов, А. В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам / А. В. Суслов // Философская мысль. – 2021. – № 3. – С. 94-104. – DOI: 10.25136/2409-8728.2021.3.33104 – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33104. (Дата обращения: 28.01.2022).

173. Суханова, Э. П. Правоспособность и дееспособность физического лица в гражданском праве / Э. П. Суханова // Символ науки. – 2018. – № 4. – С. 69-71.
174. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. Пер. с англ. Т. А. Азаркович. – М.: Крон-пресс, 1995. – 448 с.
175. Федчук, Д. А. Голос «Единого»: Альберт Великий, Фома Аквинский и Дунс Скот / Д. А. Федчук. – СПб.: Изд-во РХГА, 2019. – 304 с.
176. Финнис, Дж. Естественное право и естественные права / Дж. Финнис. Пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. – 554 с.
177. Финогентов, В. Н. К онтологии свободы / В. Н. Финогентов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Том 44. – № 2. – С. 203-212.
178. Фихте, И. Г. Второе введение в наукоучение / И. Г. Фихте // И. Г. Фихте. Соч. в 2-х т. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 7-64.
179. Фихте, И. Г. О понятии наукоучения / И. Г. Фихте // Фихте И. Г. Соч. в 2 т. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 41-42.
180. Фихте, И. Г. Основа общего наукоучения / И. Г. Фихте // Фихте И. Г. Соч. в 2 т. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 65-337.
181. Фреге, Г. Основоположения арифметики: Логико-математические исследования о понятии числа / Г. Фреге. Вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. – Томск: Водолей, 2000. – 128 с.
182. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М.: Издательская группа «Прогресс» «УНИВЕРС», 1993. – 288 с.
183. Хайек, Ф. А. фон. Конституция свободы / Ф. А. фон. Хайек. Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2018. – 528 с.
184. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт. Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 302 с.
185. Харт, Г. Л. А. Право, свобода и мораль / Г. Л. А. Харт. Пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 136 с.
186. Хорунжий, С. Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 526 с.
187. Хофмайстер, Х. Что значит мыслить философски / Х. Хофмайстер. Пер. с нем. И. Д. Вылегжанин, А. Б. Рукавишников. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. – 512 с.

188. Чалый, В. А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика / В. А. Чалый // Кантовский сборник. – 2014. – № 2. – С. 46-52.
189. Чалый, В. А. Кантианские идеи в философии Рональда Дворкина / В. А. Чалый // ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. – 2015. – № 2. – С. 157-162.
190. Честнов, И. Л. Субъективное право в постклассической юридической науке / И. Л. Честнов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 27-30.
191. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. / Н. М. Чуринов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 712 с.
192. Чуринов, Н. М. Совершенство слова: теоретический анализ. Святая Русь: совершенство слова / Н. М. Чуринов. – Красноярск, 2012. – 596 с.
193. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. / А. Швейцер. Сост. и посл. А. А. Гусейнова; Общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
194. Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филлипова А. Ф.; Под ред. Денежкина А. В. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
195. Шеллинг, В. Ф. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / В. Ф. Й. Шеллинг // Шеллинг В.Ф.Й. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Малахова. – М.: Мысль, 1987. – С. 86-158.
196. Штаммлер, Рудольф. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование. Пер. с нем. Изд. стереотип. / Рудольф Штаммлер. – М.: КРАСАНД, 2016. – 310 с.
197. Штурцев, Ю. Ю. Понятие и признаки принципов объективного юридического права / Ю. Ю. Штурцев // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 1-2 (44). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-printsipov-obektivnogo-yuridicheskogo-prava>.
198. Шуман, А. Н. Трансцендентальная философия / А. Н. Шуман. – Минск: Экономпресс, 2002. – 416 с.

199. Яблокова, Н. И. Социальный субъект в условиях глобализации / Н. И. Яблокова // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 52-57.
200. Яцино, М. Культура индивидуализма / М. Яцино. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. – 280 с.
201. 2022 Index of Economic Freedom. Country rankings. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/ranking> .
202. 2022 World Press Freedom Index. – Режим доступа: <https://rsf.org/en/ranking> .
203. Abdullahi, A. A. The Spirit of Laws is Not Universal: Alternatives to the Enforcement Paradigm for Human Rights / A. A. Abdullahi // *Tilburg Law Review*. – 2016. – Volume 21. – P. 255-274.
204. Acemoglu, D., Wolitzky, A. A Theory of Equality Before the Law / D. Acemoglu, A. Wolitzky // *The Economic Journal*. – Volume 131. – Issue 636. – May 2021. – Pp. 1429-1465.
205. Aertsen, J. A. Medieval Philosophy as transcendental thought: from Phillip the Chancellor (ca. 1225) to Francisco Suárez / J. A. Aertsen. – Leiden, Boston: BRILL, 2012. – 756 p.
206. Aertsen, J. A. Transcendens – transcendentalis. The genealogy of a philosophical term / J. A. Aertsen // *L'élaboration du vo-cabulaire philosophique au Moyen Âge* / Eds. J. Hamesse, C. Steel. – Turnhout: Brepols Publishers, 2000. – 578 p.
207. Aertsen, J. A. What is first and most fundamental? The beginings of transcendental philosophy / J. A. Aertsen // *Was ist Philosophie im Mittellalter?* / eds: J. A . Aertsen, A. Speer. *Miscellanea Mediaevalia*. – Berlin, N. Y., 1998. – P. 177-192.
208. Austin, J. *The Province of Jurisprudence Determined* / J. Austin. – London: John Murray, Albemarle Street, 1832. – 496 p.
209. Azoulay, L. “Integration through law” and us / L. Azoulay // *International Journal of Constitutional Law*. – 2016. – Volume 14. – Issue 2. – P. 449-463.
210. Berlin, Isaiah. *Two Concepts of Liberty* / Isaiah Berlin // *Four Essays On Liberty*. – Oxford, England: Oxford University Press, 1969. – 213 p. – Pp. 118-172.
211. Berlin, Isaiah. *Two Concepts of Liberty* / Isaiah Berlin // Berlin Isaiah. *Liberty*. Ed. by Henry Hardy. With an essay on Berlin and his critics by Ian Harris. – Oxford, England: Oxford University Press, 2002. – XXXIV+ 382 p.

212. Bouton, C. Time and freedom / C. Bouton. – Evanston: Northwestern University Press, 2014. – 282 p.
213. Bradley, K. The Bitter Chain of Slavery / K. Bradley // *Dialogues D'histoire Ancienne*. – 2015. – Vol. 41/1. – No. 1. – 2015. – P. 149-176.
214. Breakey, H. Arbitrary Power, Arbitrary Interference and the Abuse of Power: Corruption, Natural Rights and Human Rights / H. Breakey // *Responsible Leadership and Ethical Decision-Making (Research in Ethical Issues in Organizations)*. – 2017. – Volume 17. – P. 125-145.
215. Brooks, T. Hegel's Social and Political Philosophy / T. Brooks // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – First published Thu Jun 3, 2021. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/hegel-social-political/> .
216. Bruegger John A. Freedom, Legality, and the Rule of Law / John A. Bruegger // *Washington University Jurisprudence Review*. – 2016. – Volume 9. – Issue 1. – Pp. 81-113.
217. Burazin, L. The rule of recognition and the emergence of a legal system / L. Burazin // *Journal for constitutional theory and philosophy of law*. – 2015. – Volume 27. – P. 115-130.
218. Cane, P. Morality, Law and Conflicting Reasons for Action / P. Cane // *The Cambridge Law Journal*. – 2012. – Volume 71. – Issue 1. – P. 59-85.
219. Caplan, A. Liberty has its responsibilities / A. Caplan // *Human Vaccines & Immunotherapeutics*. 2013. Volume 9. Issue 12. P. 2666-2667.
220. Chapoutier, G. Aristotelian Entelechy and Modern Biology / G. Chapoutier // *Biocosmology – Neo-Aristotelism*. – 2018. – Volume 8. – Nos. 3&4. – P. 421-430.
221. Conze, W. Freiheit / W. Conze // *Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck*. Bd. 2. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. – S. 425-542.
222. Cortright, C., McCann, W., Willitz, D., Hemmens, C. & Stohr, M. K. An Analysis of State Statutes Regarding the Role of Law Enforcement / C. Cortright, W. McCann, D. Willitz, C. Hemmens, M. K. Stohr // *Criminal Justice Policy Review*. – 2018. – Volume 31. – Issue 1. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0887403418806562>.
223. Costello G. J. Natural Law and Natural Rights in Nineteenth Century Britain / G. J. Costello. – Sydney: University of Sydney, 2014. – 352 p.
224. Crowe J. Natural Law and the Nature of Law / J. Crowe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 263 p.

225. De Azevedo, M. A. O. Rights as Entitlements and Rights as Claims / M. A. O. De Azevedo // *Veritas* (Porto Alegre). – 2010. – Volume 55. – No. 1. – P. 164-182.

226. Deffin, C., Ropaul, M. Subjective Probabilities of Sanction, Norms, Legitimacy and Everyday Life Crimes in Europe / C. Deffin, M. Ropaul // *Revue d'économie politique*. – 2019. – Vol. 129. – Numéro 2. – P. 143-168.

227. Delio, Ilia. Is Natural Law “Unnatural?” Exploring God and Nature Through Teilhard’s Organic Theology / Ilia Delio // *Theology and Science*. – Volume 15. – Issue 3. – 2017. – Pp. 276-288.

228. Dierksmeier, C. Qualitative Freedom - Autonomy in Cosmopolitan Responsibility / C. Dierksmeier. – Cham: Springer, 2019. – 365 p.

229. Dojas, A. E. Legality of a use of force and the practice of states. What can be expected in the next two decades? / A. E. Dojas // *Estudios internacionales* (Santiago). – 2016. – Volume 48. – № 183. – Режим доступа: https://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0719-37692016000100006 .

230. Donaldson, S., Kymlicka, W. *Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights* / S. Donaldson, W. Kymlicka. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 329 p.

231. Ecer, F., Hashemkhani Zolfani, S. EVALUATING ECONOMIC FREEDOM VIA A MULTI-CRITERIA MEREC-DNMA MODEL-BASED COMPOSITE SYSTEM: CASE OF OPEC COUNTRIES / F. Ecer, S. Hashemkhani Zolfani // *Technological and Economic Development of Economy*. – 2022. – Volume 28. – Issue 4. – P. 1158-1181.

232. *Economic Freedom of the World: 2022 Annual Report*. – Режим доступа: <https://www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom> .

233. Eigenauer, J. The Problem with the Problem of Human Irrationality / J. Eigenauer // *International Journal of Educational Reform*. – 2018. – Volume 27. – Issue 4. – P. 341-358.

234. Elford, G. Freedom of expression and social coercion / G. Elford // *Legal Theory*. – 2021. – Volume 27. – Issue 2. – P. 149-175.

235. Falian, Zhang. *A Comparative Study of Chinese and Western Legal Language and Culture* / Zhang Falian. – Beijing: Peking University Press, 2021. – 427 p.

236. Finlay, S. *Defining Normativity* / S. Finlay // D. Plunkett, S. Shapiro, K. Toh (Eds.) *Dimensions of Normativity: New Essays on Metaethics and Jurisprudence*. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – Режим доступа: https://dornsife.usc.edu/assets/sites/1292/docs/Defining_Normativity.pdf .

237. Freedom House Issues. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/issues> .
238. Freedom Index by Country 2022 // World Population Review. – 2022. – Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/freedom-index-by-country> .
239. Fremstedal, R. Kant and Existentialism: Inescapable Freedom and Self-Deception / R. Fremstedal // The Palgrave Handbook of German Idealism and Existentialism. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2020. – 576 p.
240. Galbiati, R., Henry, E., Jacquemet, N. & Lobeck, M. How laws affect the perception of norms: Empirical evidence from the lockdown / R. Galbiati, E. Henry, N. Jacquemet, M. Lobeck // PLoS ONE. – 2021. – Volume 16. – Issue 9. – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0256624>.
241. Galoob, S. R., Sheley E. Reconceiving Coercion-Based Criminal Defenses / S. R. Galoob, E. Sheley // Journal of Criminal Law and Criminology. – 2022. – Volume 112. – Issue 2. – P. 265-328.
242. Göksel, G. U. Kant and Hegel on Freedom / G. U. Göksel // Kaygı. – 2021. – Volume 20. – Issue I. – P. 131-149.
243. Guessoum, N. Randomness in the Cosmos / N. Guessoum // Abrahamic Reflections on Randomness and Providence. – Cham: Springer, 2020. – P. 57-84.
244. Gunatilleke, G. Justifying Limitations on the Freedom of Expression / G. Gunatilleke // Human Rights Review. – 2021. – Volume 22. – P. 91-108.
245. Hamish, S. The place of instrumental reasoning in law / S. Hamish // Jurisprudence. An International Journal of Legal and Political Thought. – 2020. – Volume 11. – Issue 1. – P. 28-47.
246. Hardwig, J. Ownership, Possession, and Consumption: On the Limits of Rational Consumption / J. Hardwig // Journal of Social Philosophy. – 2015. – Volume 46. – Issue 3. – P. 281-296.
247. Haugaard, M. Two types of freedom and four dimensions of power / M. Haugaard // Revue internationale de philosophie. – 2016. – Volume 1. – No. 275. – P. 37-65.
248. Hindriks, F. Group Freedom: A Social Mechanism Account / F. Hindriks // Philosophy of the Social Sciences. – 2017. – Volume 47. – Issue 6. – P. 410-439.
249. Höffe, O. Kant's Critique of Pure Reason: The Foundation of Modern Philosophy / O. Höffe. – Dordrecht: Springer, 2010. – 468 p.

250. Howie, E. Protecting the human right to freedom of expression in international law / E. Howie // *International Journal of Speech-Language Pathology*. – 2018. – Volume 20. – Issue 1: Communication is a human right: Celebrating the 70th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. – P. 12-15.
251. Human Freedom Index. – URL: <https://www.cato.org/search/category/human-freedom-index> (Дата обращения: 25.10.2022).
252. Husserl, E. Philosophie der Arithmetik: Logische und psychologische Untersuchungen. 2nd edn / E. Husserl // *Husserliana*. Bd. 12. Hrsg von H. L.van Breda. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1970. – 585 p.
253. Husserl, E. Die Frage nach dem Ursprung der Geometrie als intentional-historisches Problem: Mit einem Vorwort von Eugen Fink / E. Husserl // *Revue internationale de philosophie*. – 1939. – Volume 1 (2). – Pp. 203-225.
254. Husserl, E. Studien Zur Struktur des Bewusstseins : Teilband III Wille und Handlung Texte Aus Dem Nachlass (1902-1934). Herausgegeben von Ullrich Melle und Thomas Vongehr / E. Husserl. – Cham: Springer, 2020. – 566 s.
255. International Global Freedom. – Режим доступа: <https://www.cato.org/global-freedom>
256. Ivaylova, C. B. Legal Security as a Principle in Lawmaking / C. B. Ivaylova // *Globalization, the State and the Individual*. – 2017. – No. 2 (14). – P. 23-29.
257. Jaspers, K. Der philosophische Glaube angesichts der christlichen Offenbarung // Jaspers K. Gesamtausgabe. Band 13 / Herausgegeben von Bernd Weidmann. – Muttenz; Basel: Schwabe Verlag, 2016. – 625 s.
258. Jaspers, K. Philosophie. Bd. II / K. Jaspers. – Berlin: Springer, 1956. – 440 s.
259. Kadens, E. The Medieval Law Merchant: The Tyranny of a Construct / E. Kadens // *Journal of Legal Analysis*. – 2015. – Volume 7. – Issue 2. – P. 251-289.
260. Kanišauskas, S. The Ontology of Freedom / S. Kanišauskas // *Societal Studies. Research Journal*. – 2017. – Volume 9. – No. 2. – P. 127-135.
261. Katrechko, S. Transcendentalism as the Special Type of Philosophizing and the Transcendental Paradigm of Philosophy / S. Katrechko // *Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. – Pp. 1073-1082.

262. Katz, D. M., Coupette, C., Beckedorf, J. et al. Complex societies and the growth of the law / D. M. Katz, C. Coupette, J. Beckedorf, D. Hartung // *Scientific Reports*. – 2020. – Volume 10. – Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-73623-x>.
263. Kühl, S. Groups, organizations, families and movements: The sociology of social systems between interaction and society / S. Kühl // *Systems Research & Behavioral Science*. – 2020. – Volume 37. – Issue 3. – P. 496-515.
264. La Torre, Massimo. Law And Morality: A Modest Assessment / Massimo La Torre // H. Pauer-Studer (ed.). *Norms, Values, and Society*. – Vienna: Kluwer Academic Publishers, 1994. – P. 113-129.
265. Lavazza, A. Free Will and Neuroscience: From Explaining Freedom Away to New Ways of Operationalizing and Measuring It / A. Lavazza // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2016. – Volume 10. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2016.00262/full>.
266. Lenard, P. T. Trust, discretion and arbitrariness in democratic politics / P. T. Lenard // *Rivista di estetica*. – 2018. – Volume 68. – P. 83-104.
267. Leonard, L. J. Can Restorative Justice Provide a Better Outcome for Participants and Society than the Courts? / L. J. Leonard // *Laws*. – 2022. – Volume 11 (1). – Issue 14. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2075-471X/11/1/14/htm>.
268. Lisdiyono, E., Suatmiati, S. Socio-Political and Economic Aspects in Legal Context / E. Lisdiyono, S. Suatmiati // *European Research Studies Journal*. – 2017. – Volume XX. – Issue 4B. – P. 149-157.
269. Lohmar, D. Human Freedom – a Husserlian Perspective / D. Lohmar // *Dialogue and Universalism. Journal of the International Society for Universal Dialogue*. – 2016. – Vol. XXVI. – No. 3. – P.11-24.
270. Lucy, William. Equality Under and Before the Law / William Lucy // *The University of Toronto Law Journal*. – Volume 61. – No. 3. – (Summer 2011). – Pp. 411-465.
271. Malt, A. J. Methodological individualism: True and false / A. J. Malt // *The Review of Austrian Economics*. – 2018. – Volume 31. – P. 73-109.
272. Marchetti, G. Consciousness: a unique way of processing information / G. Marchetti // *Cognitive Processing*. – 2018. – Volume 19. – P. 435-464.
273. Martin, M. W. Albert Schweitzer's Reverence for Life Ethical Idealism and Self-Realization / M. W. Martin. – London: Routledge, 2016. – 124 p.
274. McCarthy-Jones, S. The Autonomous Mind: The Right to Freedom of Thought in the Twenty-First Century / S. McCarthy-Jones // *Frontiers in*

Artificial Intelligence. – 2019. – Volume 2. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frai.2019.00019/full>.

275. Mendlow, G. S. Why Is It Wrong To Punish Thought? / G. S. Mendlow // The Yale Law Journal. – 2018. – Volume 127. – No. 8. – P. 2342-2386.

276. Miotto, L. Don't Feel Threatened by Law / L. Miotto // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. – 2022. – Volume 35. – Issue 2. – P. 487-509.

277. Moreso, J. J., Valentini, C. In the Region of Middle Axioms: Judicial Dialogue as Wide Reflective Equilibrium and Mid-level Principles / J. J. Moreso, C. Valentini // Law and Philosophy. – 2021. – Volume 40. – P. 545-583.

278. Morris, C. The Discovery of the Individual, 1050-1200 / C. Morris. – London: S.P.C.K., 1972. – 188 p.

279. Morriss, P. What Is Freedom if It Is Not Power? / P. Morriss // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. – 2012. – Volume 59. – No. 132. – P. 1-25.

280. Müller, F. S. The Hierarchy of Human Rights and the Transcendental System of Right / F. S. Müller // Human Rights Review. – 2019. – Volume 20. – P. 47-66.

281. Nadler, J. Expressive Law, Social Norms, and Social Groups / J. Nadler // Law & Social Inquiry. – 2017. – Volume 42. – Issue 1. – P. 60-75.

282. Niaz, M. Conclusion: Understanding the Elusive Nature of Objectivity / M. Niaz // Evolving Nature of Objectivity in the History of Science and its Implications for Science Education. Contemporary Trends and Issues in Science Education. – Cham: Springer, 2018. – P. 179-196.

283. Niemi, H.-M. The Use of Human Dignity in Legal Argumentation: An Analysis of the Case Law of the Supreme Courts of Finland / H.-M. Niemi // Nordic Journal of Human Rights. – 2022. – Volume 39. – Issue 3. – P. 280-299.

284. Oberlader, V. et al. Law-abiding versus criminal identity and self-efficacy: A quantitative approach to unravel psychological factors supporting desistance from crime. Preprint. / V. Oberlader, R. Banse, S. Beier, A. F. Schmidt. – July 2021. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/353291548_Law-abiding_versus_criminal_identity_and_self-efficacy_A_quantitative_approach_to_unravel_psychological_factors_supporting_desistance_from_crime.

285. O'Keefe T. Ancient Theories of Freedom and Determinism / T. O'Keefe // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2020. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/freedom-ancient/>.

286. Orbik Z. Human Rights in the Lights of the Concepts of Natural Law / Z. Orbik // Scientific Papers of Silesian University of Technology. Organization and Management Series. – 2019. – No. 140. – P. 275-284.

287. Pawlas, Andreas. Notes to Albert Schweitzer, His Concept of “Reverence for Life” and the Fifth Commandment / Andreas Pawlas // Journal of Studies in Social Sciences. – 2015. – Volume 11. – Number 2. – Pp. 196-214.

288. Peterson, J. Enlightenment and Freedom / J. Peterson // Journal of the History of Philosophy. – 2008. – Volume 46. – Issue 2. – P. 223-244.

289. Pintore, A. Which coercion, which method, which normativity? / A. Pintore // Journal for constitutional theory and philosophy of law. – 2021. – Volume 45. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/revus/7647> .

290. Pleasants, N. Free Will, Determinism and the “Problem” of Structure and Agency in the Social Sciences / N. Pleasants // Philosophy of the Social Sciences. – 2019. – Volume 49. – Issue 1. – P. 3-30.

291. Porter, Jean. Natural Equality: Freedom, Authority and Obedience in Two Medieval Thinkers / Jean Porter // The Annual of the Society of Christian Ethics. – 2001. – Volume 21. – Pp. 275-299.

292. Posner, R. A. Utilitarianism, economics and legal theory / R. A. Posner // Pravovedenie. – 2017. – Volume 61. – No. 3. – P. 46-89.

293. Prochownik K. M. The experimental philosophy of law: New ways, old questions, and how not to get lost / K. M. Prochownik // Philosophy Compass. – 2021. – Volume 16. – Issue 12. – Режим доступа: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/phc3.12791> .

294. Pundik, A. Coercion and Volition in Law and Philosophy / A. Pundik // The Canadian Journal of Law & Jurisprudence. – 2018. – Volume 31. – Issue 1. – P. 107-123.

295. Queiroz, R. Individual liberty and the importance of the concept of the people / R. Queiroz // Palgrave Communications. – 2018. – Volume 4. Article number: 99. – P. 1-12.

296. Rakhimdjanova, D. S. The Emergence and Transformation of the Term Freedom, Studied in the Philosophy of Antiquity / D. S. Rakhimdjanova // ACADEMIC RESEARCH IN EDUCATIONAL SCIENCES. – 2021. – Volume 2. Issue 3. –P. 603-613.

297. Raz, J. From Normativity to Responsibility / J. Raz. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 281 p.

298. Raz, J. The Roots of Normativity. Edited with an Introduction by Ulrike Heue / J. Raz. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 306 p.

299. Reid, J. N. The children of slaves in early Mesopotamian laws and edicts / J. N. Reid // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. – 2017. – Vol. 111. – Issue 1. – P. 9-23.
300. Riley, Stephan. *Legal Philosophy* / Stephan Riley. – Sheffield: Sheffield Hallam University, 2013. – 322 p.
301. Rockmore, T. In Kant's Wake: Philosophy in the Twentieth Century / T. Rockmore. – London: Wiley Blackwell, 2006. – 224 p.
302. Rockmore, T. *Kant and Idealism* / T. Rockmore. – New Haven: Yale University Press, 2007. – 294 p.
303. Tada, Mitsuhiro. How Society Changes: Sociological Enlightenment and a Theory of Social Evolution for Freedom / Mitsuhiro Tada // *The American Sociologist*. – 2020. – Volume 51. – P. 446-469.
304. Takezawa, Y. Racialization and discourses of “privileges” in the Middle Ages: Jews, “Gypsies”, and Kawaramono / Y. Takezawa // *Ethnic and Racial Studies*. – 2020. – Volume 43. – Issue 16. – P. 193-210.
305. The Economist Intelligence Unit's Democracy Index 2021. – Режим доступа: https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/#mktoForm_anchor.
306. The Integrated Network for Societal Conflict Research (INSCR). – URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (Дата обращения: 25.10.2022).
307. *The Right to Life and the Value of Life. Orientations in Law, Politics and Ethics* / Edited by Jon Yorke. – Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010. – 465 p.
308. Tita, C. C., Tita, V. D. The Essence, Content and Form of Law / C. C. Tita, V. D. Tita // *Journal of Law and Public Administration*. – 2020. – Volume VI. – Issue 12. – P. 154-168.
309. Tocqueville A. de. *Etat social et politique de la France avant et depuis 1789 (1836)* / A. de. Tocqueville. – Quebeck: GALLIMARD, 2014. – 264 p.
310. Tse, C. Y. P. Transcendental Idealism and the Self-Knowledge Premise / C. Y. P. Tse // *Journal of Transcendental Philosophy*. – 2020. – Volume 1. – Issue 1. – P. 19-41.
311. Salter, A. W. Ordering the Cosmos: Private Law and Celestial Property Rights / A. W. Salter // *Journal of Air Law and Commerce*. – 2017. – Volume 82. – No. 2. – P. 311-332.
312. Saunders, J. Kant and the Problem of Recognition: Freedom, Transcendental Idealism, and the Third-Person / J. Saunders // *International Journal of Philosophical Studies*. – 2016. – Volume 24. – Issue 2. – P. 164-182.

313. Schmidt, A. T. Does collective unfreedom matter? Individualism, power and proletarian unfreedom / A. T. Schmidt // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2020. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13698230.2020.1830350> .
314. Stanton-Ife, J. The Limits of Law / J. Stanton-Ife // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – First published Sat Jan 29, 2022. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/> .
315. Vega, J. Legal philosophy as practical philosophy / J. Vega // *Journal for constitutional theory and philosophy of law*. – 2018. – Volume 34. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/revus/3859> .
316. Vilmar, J. The Use of Force as a Plea of Necessity / J. Vilmar // *SYMPOSIUM ON UNAUTHORIZED MILITARY INTERVENTIONS FOR THE PUBLIC GOOD*. – 2017. – Volume 111. – P. 302-306.
317. Vogt, D. C. The Natural Meaning of Crime and Punishment: Denying and Affirming Freedom / D. C. Vogt // *Criminal Law and Philosophy*. – 2021. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11572-021-09624-2> .
318. Wehus, Glenn Øystein. Freedom, Slavery, and Self in Epictetus / Glenn Øystein Wehus // *Teologisk Tidsskrift*. – 2019. – Volume 8 (04). – P. 227-242.
319. Wojtczak, S. Endowing Artificial Intelligence with legal subjectivity / S. Wojtczak // *AI & SOCIETY*. – 2022. – Volume 37. – P. 205-213.
320. Wolf, Susan. *Freedom Within Reason* / Susan Wolf. – New York: Oxford University Press, 1990. – 162 p.
321. Woodbury-Smith, K. The nature of law and potential coercion / K. Woodbury-Smith // *Ratio Juris*. – 2020. – Volume 33. – Issue 2. – P. 223-240.
322. Zaaiman, J. Power and freedom: Reflecting on the relationship / J. Zaaiman // *KOERS*. – 2021. – Volume 86. Issue 1. – Режим доступа: http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2304-85572021000100004.
323. Zelnick-Abramovitz, R. Freed slaves, their status and state control in Ancient Greece / R. Zelnick-Abramovitz // *European Review of History*. – 2009. – Volume 16. Issue 3. : Slavery, Citizenship and the State in Classical Antiquity and the Modern. – P. 303-318. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13507480902916779> .
324. Zurnetti, A., Muliati, N. Customary criminal law policy on domestic violence settlement through restorative justice / A. Zurnetti, N. Muliati

// Cogent Social Sciences. – 2022. – Volume 8. – Issue 1. – Режим доступа:
<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2022.2090083>.